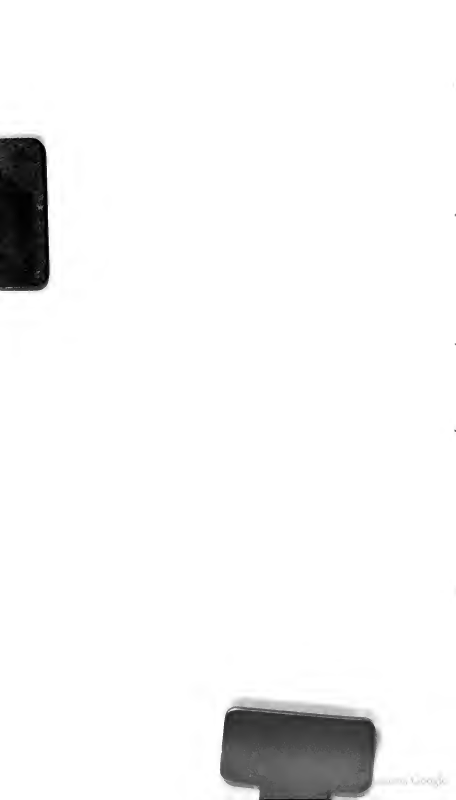

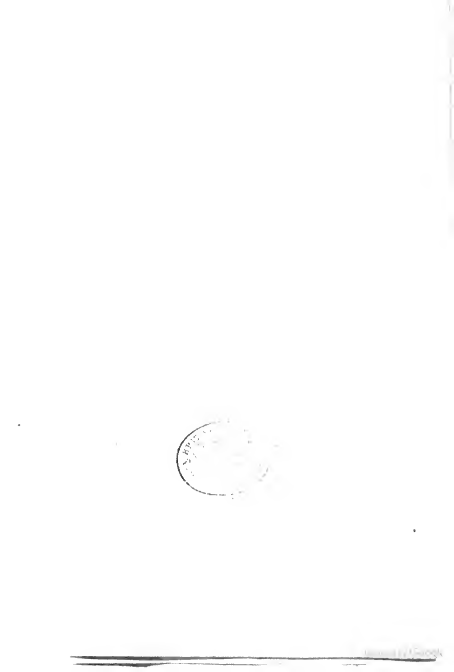
СЪ ТОГО БЕРЕГА

ИСКАНДЕРА.

ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & Co., 12, PATERNOSTER ROW;
POLISH LIBRARY, 10, GREEK STREET, SOHO;
ВОЛЬНАЯ РУСКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ,
82, JUDD STREET, BRUNSWICK SQUARE.

1855.

Сыну моему Александру

Другъ мой Саша,

Я посвящаю тебѣ эту книгу, потому что я ничего не писалъ лучшаго и вѣроятно ничего лучшаго не напишу; потому что я люблю эту книгу какъ памятникъ борьбы, въ которой я пожертвовалъ многимъ, но не отвагой знанія; потому наконецъ, что я нисколько не боюсь дать въ твои отроческія руки этотъ, мѣстами дерзкой, протестъ независимой личности противъ воззрѣнія устарѣлаго, рабскаго и полнаго лжи, противъ нелѣпыхъ идоловъ, принадлежащихъ иному времени и безсмысленно доживающихъ свой вѣкъ между нами, мѣшая однимъ, пугая другихъ.

Я не хочу тебя обманывать; знай истину, какъ я ее знаю; тебѣ эта истина пусть достанется не мучительными ошибками, не мертвящими разочарованіями, а просто по праву наслѣдства.

Въ твоей жизни придутъ иные вопросы, иныя столкновенія... въ страданіяхъ, въ трудѣ недостатка не будетъ. Тебѣ 15 лѣтъ—и ты уже испыталъ страшные удары.

Не ищи рѣшеній въ этой книгѣ; ихъ нѣтъ въ ней, ихъ вообще нѣтъ у современнаго человѣка. То, что рѣшено, то кончено, а грядущій переворотъ только что начинается.

Мы не строимъ, мы ломаемъ, мы не возвѣщаемъ новаго откровенія, а устраняемъ старую ложь. Современный человѣкъ, печальный Pontifex Maximus, ставитъ только мостъ — иной, неизвѣстный, будущій пройдетъ по немъ. Ты можетъ увидишь его . . . Не останься на старомъ берегу...Лучше съ нимъ погибнуть, нежели спастись въ богадѣльнѣ реакціи.

Религія грядущаго общественнаго пересозданія — одна религія, которую я завѣщаю тебѣ. Она безъ рая, безъ вознагражденія, кромѣ собственнаго сознанія, кромѣ совѣсти... Иди въ свое время проповѣдывать ее, къ Намъ домой; тамъ любили когда-то мой языкъ и можетъ вспомнятъ меня.

... Благословляю тебя на этотъ путь во имя человѣческаго разума, личной свободы и братской любви!

Твой отецъ.

Твикнемъ, 1 Января 1855 г.

"Vom andern Ufer", первая книга изданная мною на Западѣ; рядъ статей, составляющихъ ее, былъ написанъ по руски въ 1848 и 49 году.

Теперь многое не ново въ ней (*). Пять страшныхъ лѣтъ научили кой-чему самыхъ упорныхъ людей, самыхъ нераскаяныхъ грѣшниковъ нашего берега. Въ началѣ 1850 г., книга моя сдѣлала много шума въ Германіи; ее хвалили и бранили съ ожесточеніемъ и рядомъ съ отзывами, больше нежели лестными, такихъ людей какъ Юліусъ Фрёбель, Якоби, Фальмерейеръ—люди талантливые и добросовѣстные съ негодованіемъ нападали на нее.

(*) Я прибавилъ три статьи напечатанныя въ журналахъ и назначеныя для втораго изданія, которое нѣмецкая цензура не позволяетъ; эти три статьи : "Эпилогъ", "Omnia mea mecum porto" и "Донозо Кортесъ". Ими замѣнилъ я небольшую статью объ Россіи, писанную для иностранцевъ.

Меня обвиняли въ проповѣдываніи отчаянія, въ незнаніи народа, въ dépit amoureux противъ революціи, въ неуваженіи къ димократіи, къ массамъ, къ Европѣ . . .

Второе Декабря отвѣтило имъ громче меня.

Въ 1852 г. я встрѣтился въ Лондонѣ съ самымъ остроумнымъ противникомъ моимъ, съ Золгеромъ— онъ укладывался чтобъ скорѣе ѣхать въ Америку, въ Европѣ казалось ему дѣлать нечего. "Обстоятельства, замѣтилъ я, кажется убѣдили васъ, что я былъ не вовсе неправъ". "Мнѣ не нужно было столько, отвѣчалъ Золгеръ, добродушно смѣясь, чтобъ догадаться, что я тогда писалъ большой вздоръ".

Несмотря на это милое сознаніе — общій выводъ сужденій, оставшееся впечатленіе были скорѣе противъ меня. Не выражаетъ-ли это чувство раздражительности—близость опасности, страхъ передъ будущимъ, желаніе скрыть свою слабость, капризное, окамѣнелое старчество? Но близость опасности — близость надежды!

. . . Странная судьба Рускихъ — видѣть дальше сосѣдей, видѣть мрачнѣе и смѣло высказывать свое мнѣніе — Рускихъ, этихъ "нѣмыхъ", какъ говоритъ Мишле.

Вотъ что писалъ, гораздо прежде меня одинъ изъ

нашихъ соотечественниковъ : "Кто болѣе нашего славилъ преимущество XVIII вѣка, свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій? . . хотя и являлись еще нѣкоторые черныя облака на горизонтѣ человѣчества, но свѣтлый лучь надежды златилъ уже края оныхъ . . . Конецъ нашего вѣка почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества, и думали, что въ немъ послѣдуетъ соединеніе теоріи съ практикой, умозрѣнія съ дѣятельностью . . . Гдѣ теперь эта утѣшительная система? Она разрушилась въ своемъ основаніи; XVIII вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобъ лечь въ нее съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза на вѣки.

"Кто могъ думать, ожидать, предвидѣть? Гдѣ люди которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Вѣкъ просвѣщенія, я не узнаю тебя; въ крови и пламени, среди убійствъ и разрушеніи, я не узнаю тебя.

"Мизософы торжествуютъ. Вотъ плоды вашего просвѣщенія, говорятъ они, вотъ плоды вашихъ наукъ; да погибнетъ философія. — И бѣдный, лишенный отечества, и бѣдный, лишенный крова, отца, сына или друга, повторяетъ : да погибнетъ.

"Кровопролитіе не можетъ быть вѣчно. Я увѣренъ, рука сѣкущая мечемъ утомится; сѣра и селитра истощатся въ недрахъ земли и громы умолкнутъ, тишина рано или поздно настанетъ, но какова будетъ она? — есть ли мертвая, хладная, мрачная . . .

"Паденіе наукъ кажется мнѣ не только возможнымъ, но даже неминуемымъ, даже близкимъ. Когда же падутъ онѣ; когда ихъ великолѣпное зданіе разрушится, благодѣтельныя лампады угаснутъ — что будетъ? Я ужасаюсь и чувствую трепетъ въ сердцѣ. Положимъ, что нѣкорыя искры и спасутся подъ пепломъ; положимъ, что нѣкоторые люди и найдутъ ихъ и освѣтятъ ими тихія, уединенныя свои хижины —но что-же будетъ съ міромъ?

"Я закрываю лицо свое!

"Уже-ли родъ человѣческій доходилъ въ наше время до крайней степени возможнаго просвѣщенія и долженъ снова погрузиться въ варварство и снова мало по малу выходить изъ онаго, подобно Сизифову камню, который, будучи вознесенъ на верхъ горы, собственной тяжестью скатывается внизъ и опять рукою вѣчнаго труженика на гору возносится? — Печальный образъ!

"Теперь мнѣ кажется, будто самыя лѣтописи доказываютъ вѣроятность сего мнѣнія. Намъ едва

извѣстны имена древнихъ Азіятскихъ народовъ и царствъ, но по нѣкоторымъ историческимъ отрывкамъ можно думать, что сіи народы были не варвары . . . . . Царства разрушались, народы исчезали, изъ праха ихъ рождались новыя племена, рождались въ сумракѣ, въ мерцаніи, младенчествовали, учились и славились. Можетъ быть Эоны погрузились въ вѣчность и нѣсколько разъ сіялъ день въ умахъ людей и нѣсколько разъ ночь темнила души, прежде нежели возсіялъ Египетъ.

"Египетское просвѣщеніе соединяется съ греческимъ. Римляне учились въ сей великой школѣ.

"Что-же послѣдовало за сею блестящею эпохой? Варварство многихъ вѣковъ.

"Медленно рѣдѣла, медленно прояснялась густая тьма. Наконецъ солнце возсіяло, добрые и легковѣрные человѣколюбцы заключали отъ успѣховъ къ успѣхамъ, видѣли близкую цѣль совершенства и въ радостномъ упоеніи восклицали берегъ! но вдругъ небо дымится и судьба человѣчества скрывается въ грозныхъ тучахъ. О потомство! Какая участь ожидаетъ тебя?

"Иногда несносная грусть тѣснитъ мое сердце, иногда упадаю на колѣна и простираю руки свои

къ невидимому . . . Нѣтъ отвѣта! — голова моя клонится къ сердцу.

"Вѣчное движеніе въ одномъ кругу, вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня съ ночью и ночи съ днемъ, капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ. Мой другъ! на что жить мнѣ, тебѣ и всѣмъ? На что жили предки наши? На что будетъ жить потомство?

"Духъ мой унылъ, слабъ и печаленъ!"

Эти выстраданныя строки, огненныя и полныя слезъ были писаны въ концѣ девяностыхъ годовъ — Н. М. Карамзинымъ.

Введеніемъ къ руской рукописи были нѣсколько словъ обращенныхъ къ друзьямъ на Руси. Я не счелъ нужнымъ повторять ихъ въ нѣмецкомъ изданіи — вотъ они :

ПРОЩАЙТЕ!

Наша разлука продолжится еще долго — можетъ всегда. Теперь я не хочу возвратиться, потомъ не знаю будетъ-ли это возможно. Вы ждали меня, ждете теперь, надобно-же объяснить въ чемъ дѣло. Если я кому-нибудь повиненъ отчетомъ въ моемъ отсутствіи, въ моихъ дѣйсвіяхъ, то это конечно вамъ мои друзья.

Непреодолимое отвращеніе и сильный внутренній голосъ, что-то обѣщающій, не позволяютъ мнѣ переступить границу Россіи, особенно теперь, когда самодержавіе, озлобленное и испуганное всѣмъ что дѣлается въ Европѣ, душитъ съ удвоеннымъ ожесточеніемъ всякое умственное движеніе и грубо отрѣзываетъ отъ освобождающагося человѣчества шестдесятъ милліоновъ человѣкъ, загораживая послѣдній свѣтъ, скудно падавшій на малое число изъ нихъ, своей черною, железною рукой, на которой запеклась польская кровь. Нѣтъ, друзья мои, я не могу переступить рубежъ этого царства мглы, произвола, молчаливаго замиранья, гибели безъ вѣсти, мученій съ платкомъ во рту. Я подожду до тѣхъ поръ, пока усталая власть, ослабленная безуспѣшными усиліями и возбужденнымъ противудѣйствіемъ, не признаетъ чего-нибудь достойнымъ уваженія въ Рускомъ человѣкѣ.

Пожалуйста не ошибитесь; не радость, не разсѣяніе, не отдыхъ, ни даже личную безопасность нашелъ я здѣсь; да и не знаю, кто можетъ находить теперь въ Европѣ радость и отдыхъ, отдыхъ во время землетрясенія, радость во время отчаянной борьбы. —Вы видѣли грусть въ каждой строкѣ моихъ писемъ; жизнь здѣсь очень тяжела, ядовитая злоба примѣшивается къ любви, желчь къ слезѣ, лихорадочное без-

покойство точитъ весь организмъ. Время прежнихъ обмановъ, упованій миновало. Я ни во что не вѣрю здѣсь, кромѣ въ кучку людей, въ небольшое число мыслей, да въ невозможность остановить движеніе; я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалѣю ничего изъ существующаго, ни его вершинное образованіе, ни его учрежденія...я ничего не люблю въ этомъ мірѣ, кромѣ того что онъ преслѣдуетъ, ничего не уважаю, кромѣ того что онъ казнитъ — и остаюсь . . . Остаюсь страдать вдвойнѣ, страдать отъ своего горя и отъ его горя; погибнуть можетъ быть, при разгромѣ и разрушеніи, къ которому онъ несется на всѣхъ парахъ.

Зачѣмъ-же я остаюсь?

Остаюсь затѣмъ, что борьба здѣсь, что, несмотря на кровь и слезы, здѣсь разрѣшаются общественные вопросы, что здѣсь страданія болѣзненны жгучи, но гласны, борьба открытая, никто не прячется. Горе побѣжденнымъ, но они не побѣждены прежде боя, не лишены языка прежде чѣмъ вымолвили слово; велико насиліе, но протестъ громокъ; бойцы часто идутъ на галеры, скованные по рукамъ и ногамъ, но съ поднятой головой, съ свободной рѣчью. Гдѣ не погибло слово, тамъ и дѣло еще не погибло. За эту открытую борьбу, за эту рѣчь, за эту гласность — я

остаюсь здѣсь; за нее я отдаю все, я васъ отдаю за нее, часть своего достоянія, а можетъ отдамъ и жизнь въ рядахъ энергическаго меньшинства, "гонимыхъ, но не низлагаемыхъ".

За эту рѣчь я переломилъ или, лучше сказать, заглушилъ на время мою кровную связь съ народомъ, въ которомъ находилъ такъ много отзывовъ на свѣтлыя и темныя стороны моей души, котораго пѣснь и языкъ—моя пѣснь и мой языкъ, и остаюсь съ народомъ, въ жизни котораго я глубоко сочувствую одному горькому плачу пролетарія и отчаянному мужеству его друзей.

Дорого мнѣ стоило рѣшиться...вы знаете меня...и повѣрите. Я заглушилъ внутреннюю боль, я перестрадалъ борьбу, и рѣшился не какъ негодующій юноша, а какъ человѣкъ обдумавшій, что дѣлаетъ, сколько теряетъ . . . Мѣсяцы цѣлые взвѣшивалъ я, колебался, и наконецъ принесъ все на жертву:

Человѣческому достоинству,
Свободной рѣчи . . .

До послѣдствій мнѣ нѣтъ дѣла, они не въ моей власти, они скорѣе во власти своевольнаго каприза, который забылся до того, что очертилъ произвольнымъ циркулемъ не только наши слова, но и наши

шаги. Въ моей власти было не послушаться — я и не послушался.

Повиноваться противно своему убѣжденію, когда есть возможность не повиноваться — безнравственность. Страдательная покорность становится почти невозможной. Я присутствовалъ при двухъ переворотахъ, я слишкомъ жилъ свободнымъ человѣкомъ чтобъ снова позволить сковать себя; я испыталъ народныя волненія, я привыкъ къ свободной рѣчи, и не могу сдѣлаться вновь крѣпостнымъ, ни даже для того чтобъ страдать съ вами. Еслибъ еще надо было умѣрить себя для общаго дѣла, можетъ силы нашлись бы; но гдѣ на сію минуту наше общее дѣло? У васъ дома нѣтъ почвы, на которой можетъ стоять свободный человѣкъ. Можете-ли вы послѣ этого звать?.. На борьбу идемъ; на глухое мученичество, на безплодное молчане, на повиновеніе—ни подъ какимъ видомъ. Требуйте отъ меня всего, но не требуйте двоедушія, не заставляйте меня снова представлять вѣрноподданнаго, уважьте во мнѣ свободу человѣка.

Свобода лица, величайшее дѣло; на ней и только на ней можетъ вырости дѣйствительная воля народа. Въ себѣ самомъ человѣкъ долженъ уважать свою свободу и чтить ее не менѣе какъ въ ближнимъ, какъ

въ цѣломъ народѣ. Если вы въ этомъ убѣждены, то вы согласитесь, что остаться теперь здѣсь мое право, мой долгъ; это единственный протестъ, который можетъ у насъ сдѣлать личность, эту жертву она должна принести своему человѣческому достоинству. Ежели вы назовете мое удаленіе бѣгствомъ и извините меня только вашей любовью, это будетъ значить, что вы еще не совершенно свободны.

Я все знаю что можно возразить съ точки зрѣнія романтическаго патріотизма и цивической натянутости; но я не могу допустить этихъ старовѣрческихъ воззрѣній, я ихъ пережилъ, я вышелъ изъ нихъ и именно противъ нихъ борюсь. Эти подогрѣтые остатки римскихъ и христіанскихъ воспоминаній мѣшаютъ больше всего водворенію истинныхъ понятій о свободѣ, понятій здоровыхъ, ясныхъ, возмужалыхъ. По счастію въ Европѣ нравы и долгое развитіе восполняютъ долею нелѣпыя теоріи и нелѣпые законы. Люди, живущіе здѣсь, живутъ на почвѣ удобренной двумя цивилизаціями; путь, пройденный ихъ предками въ продолженіи двухъ съ половиною тысячелѣтій не былъ напрасенъ, много человѣческаго выработалось независимо отъ внѣшняго устройства и офиціальнаго порядка.

Въ самыя худшія времена европейской исторіи

мы встрѣчаемъ нѣкоторое уваженіе къ личности, нѣкоторое признаніе независимости — нѣкоторыя права уступаемыя таланту, генію. Несмотря на всю гнусность тогдашнихъ нѣмецкихъ правительствъ, Спинозу не послали на поселеніе, Лесинга не сѣкли или не отдали въ солдаты. Въ этомъ уваженіи не къ одной матеріальной, но и къ нравственной силѣ, въ этомъ невольномъ признаніи личности лежитъ одинъ изъ великихъ человѣческихъ принциповъ европейской жизни.

Въ Европѣ никогда не считали преступникомъ, живущаго за границей и измѣнникомъ переселяющагося въ Америку.

У насъ нѣтъ ничего подобнаго. У насъ лицо всегда было подавлено, поглащено, не стремилось даже выступить. Свободное слово у насъ всегда считалось за дерзость, самобытность за крамолу; человѣкъ пропадалъ въ государствѣ, распускался въ общинѣ. Переворотъ Петра I замѣнилъ устарѣлое, помѣщичье управленіе Русью — европейскимъ канцелярскимъ порядкомъ; все что можно было переписать изъ шведскихъ и нѣмецкихъ законодательствъ, все что можно было перенести изъ муниципально-свободной Голландіи въ страну общинно-самодержавную, все было перенесено; но неписанное, нравственно обузды-

вавшее власть, инстинктуальное признаніе правъ лица, правъ мысли, истины, не могло перейти и не перешло. Рабство у насъ увеличилось съ образованіемъ; государство росло, улучшалось, но лицо не выигрывало; напротивъ, чѣмъ сильнѣе становилось государство, тѣмъ слабѣе лицо. Европейскія формы администраціи и суда, военнаго и гражданскаго устройства, развились у насъ въ какой-то чудовищный, безвыходный деспотизмъ.

Еслибъ Россія не была такъ пространна, еслибъ чужеземное устройство власти не было такъ смутно устроено и такъ безпорядочно выполнено, то безъ преувеличенія можно сказать, чтовъ Россіи нельзя бы было жить ни одному человѣку, понимающему сколько-нибудь свое достоинство.

Избалованность власти, не встрѣчавшей никакого противудѣйствія, доходила нѣсколько разъ до необузданности, не имѣющей ничего себѣ подобнаго ни въ какой исторіи. Вы знаете мѣру ея изъ разсказовъ о поэтѣ своего ремесла, императорѣ Павлѣ. Отнимите капризное, фантастическое у Павла, и вы увидите, что онъ вовсе не оригиналенъ, что принципъ, вдохновлявшій его, одинъ и тотъ-же не токмо во всѣхъ царствованіяхъ, но въ каждомъ губернаторѣ, въ каждомъ квартальномъ, въ каждомъ помѣщикѣ. Опьяне-

ніе самовластья овладѣваетъ всѣми степенями знаменитой іерархіи въ четырнадцать ступеней. Во всѣхъ дѣйствіяхъ власти, во всѣхъ отношеніяхъ высшихъ къ нисшимъ проглядываетъ нахальное безстыдство, наглое хвастовство своей безотвѣтственностью, оскорбительное сознаніе, что лицо все вынесетъ : тройной наборъ, законъ о заграничныхъ пасахъ, исправительныя розги въ инженерномъ институтѣ. Такъ какъ Малороссія вынесла крѣпостное состояніе въ XVIII вѣкѣ; такъ какъ вся Русь наконецъ повѣрила, что людей можно продавать и перепродавать, и никогда никто не спросилъ, на какомъ законномъ основаніи все это дѣлается ; ни даже тѣ, которыхъ продавали. Власть у насъ увѣреннѣе въ себѣ, свободнѣе, нежели въ Турціи, нежели въ Персіи, ее ничего не останавливаетъ, никакое прошедшее ; отъ своего она отказалась, до европейскаго ей дѣла нѣтъ; народность она не уважаетъ, общечеловѣческой образованности не знаетъ, съ настоящимъ — она борется. Прежде покрайней - мѣрѣ правительство стыдилось сосѣдей, училось у нихъ, теперь оно считаетъ себя призваннымъ служить примѣромъ для всѣхъ притѣснителей; теперь оно поучаетъ.

Мы съ вами видѣли самое страшное развитіе императорства. Мы выросли подъ терроромъ, подъ

черными крыльями тайной полиціи, въ ея когтяхъ; мы изуродовались подъ безнадежнымъ гнетомъ, и уцѣлѣли кой-какъ. Но не мало-ли этого? не пора-ли развязать себѣ руки и слово для дѣйствія, для примѣра, не пора-ли разбудить дремлющее сознаніе народа? а развѣ можно будить, говоря шопотомъ, дальними намеками, когда крикъ и прямое слово едва слышны? Открытыя, откровенныя дѣйствія необходимы. 14 Декабря такъ сильно потрясло всю молодую Русь, оттого, что оно было на Исакіевской площади. Теперь не токмо площадь, но книга, каѳедра — все стало невозможно въ Россіи. Остается личный трудъ въ тиши, или личной протестъ издали.

Я остаюсь здѣсь не только потому, что мнѣ противно, переѣзжая черезъ границу, снова надѣть колодки; но для того чтобъ работать. Жить, сложа руки можно вездѣ; здѣсь мнѣ нѣтъ другаго дѣла, кромѣ нашего дѣла.

Кто больше двадцати лѣтъ проносилъ въ груди своей одну мысль, кто страдалъ за нее и жилъ ею, скитался по тюрьмамъ и ссылкамъ, кто ею пріобрѣлъ лучшія минуты жизни, самыя свѣтлыя встрѣчи, тотъ ее не оставитъ, тотъ ее не приведетъ въ зависимость внѣшней необходимости и географическому градусу широты и долготы. Совсѣмъ напротивъ, я здѣсь по-

лезнѣе, я здѣсь безъ-ценсурная рѣчь ваша, вашъ свободный органъ, вашъ случайный представитель.

Все это кажется новымъ и страннымъ только намъ, въ сущности тутъ ничего нѣтъ безпримѣрнаго. Во всѣхъ странахъ, при началѣ переворота, когда мысль еще слаба, а матеріальная власть необуздана, люди преданные и дѣятельные отъѣзжали, ихъ свободная рѣчь раздавалась издали, и самое это издали придавало словамъ ихъ силу и власть, потому что за словами виднѣлись дѣйствія, жертвы. Мощь ихъ рѣчей росла съ разстояніемъ, какъ сила верженія растетъ въ камнѣ, пущенномъ съ высокой башни. Эмиграція первый признакъ приближающагося переворота.

Для Рускихъ за границей есть еще другое дѣло. Пора дѣйствительно знакомить Европу съ Русью. Европа насъ не знаетъ; она знаетъ наше правительство, нашъ фасадъ и больше ничего; для этого знакомства обстоятельства превосходны, ей теперь какъ-то не идетъ гордиться и величаво завертываться въ мантію пренебрегающаго незнанія; Европѣ не къ лицу das vornehme Jgnoriren Россіи, съ тѣхъ поръ какъ она испытала мѣщанскую республику и алжирскихъ Казаковъ, съ тѣхъ поръ какъ отъ Дуная до атлантическаго Океана она побывала въ осадномъ положеніи, съ тѣхъ поръ какъ тюрьмы, галеры полны

гонимыхъ за убѣжденія... Пусть опа узнаетъ ближе народъ, котораго отроческую силу она оцѣнила въ боѣ, гдѣ онъ остался побѣдителемъ; разскажемъ ей объ этомъ мощномъ и не разгаданномъ народѣ, который въ тихомолку образовалъ государство въ шестдесятъ милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала, и первый перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія; объ народѣ, который какъ-то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ, подъ капральской палкой казарменной дисциплины и подъ позорнымъ кнутомъ татарскимъ; который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкой разгулъ, богатой натуры — подъ гнетомъ крѣпостнаго состоянія и въ отвѣтъ на царской приказъ образоваться отвѣчалъ черезъ сто лѣтъ громаднымъ явленіемъ Пушкина. Пусть узнаютъ Европейцы своего сосѣда, они его только боятся, надобно имъ знать чего они боятся.

До сихъ поръ мы были непростительно скромны и сознавая свое тяжкое положеніе безправія, забывали все хорошее, полное падеждъ и развитія что представляетъ наша народная жизнь. Мы дождались Нѣмца для того — чтобъ рекомендоваться Европѣ. — Не стыдно-ли?

Успѣю-ли я что сдѣлать?.. Не знаю, — надѣюсь!

И такъ прощайте, друзья, на долго...давайте ваши руки, вашу помощь, мнѣ нужно и то и другое. А тамъ кто знаетъ! чего мы не видали въ послѣднее время! быть можетъ и не такъ далекъ, какъ кажется, тотъ день, въ который мы соберемся какъ бывало въ Москвѣ, и безбоязненно сдвинемъ наши чаши при крикѣ : "За Русь и святую волю!"

Сердце отказывается вѣрить, что этотъ день не придетъ, замираетъ при мысли вѣчной разлуки. Будто я не увижу эти улицы, по которымъ я такъ часто ходилъ, полный юношескихъ мечтаній; эти домы такъ сроднившіеся съ воспоминаніями, наши рускія деревни, нашихъ крестьянъ, которыхъ я вспоминалъ съ любовью на самомъ югѣ Италіи?...не можетъ быть! — Ну, а если? — тогда я завѣщаю мой тостъ моимъ дѣтямъ и умирая на чужбинѣ, сохраню вѣру въ будущность Рускаго народа, и благословлю его изъ дали моей добровольной ссылки!

Парижъ, 1 Марта 1849 г.

I.

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ

(РАЗГОВОРЪ НА ПАЛУБѢ.)

Ist's denn so grosses Geheimniss was Gott und der
Mensch und die Welt sey?
Nein, doch niemand hört's gerne, da bleibt es geheim.

GŒTHE.

.....Я согласенъ, что въ вашемъ взглядѣ много смѣлости, силы, правды, много юмору даже; но принять его не могу; можетъ, это дѣло организаціи, нервной системы. У васъ не будетъ послѣдователей, пока вы не научитесь перемѣнять крови въ жилахъ.

— Быть можетъ. Однако мой взглядъ начинаетъ вамъ нравиться, вы отыскиваете физіологическія причины, обращаетесь къ природѣ.

— Только навѣрное не для того чтобъ успокоиться, отдѣлаться отъ страданій, смотрѣть въ безучастномъ созерцаніи съ высоты олимпическаго величія, какъ Гёте на треволненный міръ и любоваться броженіемъ этого хаоса, безсильно стремящагося установиться.

— Вы становитесь злы, но ко мнѣ это не относится; если я старался уразумѣть жизнь, у меня въ этомъ не было никакой цѣли, мнѣ хотѣлось что-нибудь узнать, мнѣ хотѣлось заглянуть подальше; все слышанное, читанное не удовлетворяло, не объясняло,

а, напротивъ, приводило къ противорѣчіямъ или къ нелѣпостямъ. Я не искалъ для себя ни утѣшенія, ни отчаянія, и это потому, что былъ молодъ; теперь, я всякое мимолетное утѣшеніе, всякую минуту радости цѣню очень дорого, ихъ остается все меньше и меньше. Тогда я искалъ только истины, посильнаго пониманья; много-ли уразумѣлъ, много-ли понялъ, не знаю. Не скажу, чтобъ мой взглядъ былъ особенно утѣшителенъ, но я сталъ покойнѣе, пересталъ сердиться на жизнь за то, что она не даетъ того, чего не можетъ дать—вотъ все выработанное мною.

— Я съ своей стороны не хочу перестать ни сердиться, ни страдать, это такое человѣческое право, что я и не думаю поступиться имъ; мое негодованіе — мой протестъ, я не хочу мириться.

— Да и не съ кѣмъ. Вы говорите, что вы не хотите перестать страдать; это значитъ, что вы не хотите принять истины, такъ какъ она откроется вашей собственной мыслію; можетъ, она и не потребуетъ отъ васъ страданій; вы впередъ отрѣкаетесь отъ логики, вы предоставляете себѣ по выбору принимать и отвергать послѣдствія. Помните того Англичанина, который всю жизнь не признавалъ Наполеона императоромъ, что ему не помѣшало два раза короноваться. Въ такомъ упорномъ желаніи оставаться въ разрывѣ съ міромъ, не только непослѣдовательность, но бездна суетности; человѣкъ любитъ эффектъ, ролю, особенно трагическую, страдать хорошо, бла-

городно, предпологаетъ несчастіе. Это еще не все— сверхъ суетности тутъ бездна трусости. Не сердитесь за слово, изъ-за боязни узнать истину, многіе предпочитаютъ страданіе—разбору; страданіе отвлекаетъ, занимаетъ, утѣшаетъ.....да, да, утѣшаетъ; а главное какъ всякое занятіе, мѣшаетъ человѣку углубляться въ себя, въ жизнь. Паскаль говорилъ, что люди играютъ въ карты для того, чтобъ не оставаться съ собой на единѣ. Мы постоянно ищемъ такихъ или другихъ картъ, соглашаемся даже проигрывать, лишь бы забыть дѣло. Наша жизнь постоянное бѣгство отъ себя, точно угрызенія совѣсти преслѣдуютъ, пугаютъ насъ. Какъ только человѣкъ становится на свои ноги, онъ начинаетъ кричать, чтобъ не слыхать рѣчей раздающихся внутри; ему грустно—онъ бѣжитъ разсѣяться; ему нечего дѣлать—онъ выдумываетъ занятіе; отъ ненависти къ одиночеству—онъ дружится со всѣми, все читаетъ, интересуется чужими дѣлами, наконецъ женится на скорую руку. Тутъ гавань, семейный міръ и семейная война не дадутъ много мѣста мысли; семейному человѣку какъ-то неприлично много думать; онъ не долженъ быть настолько празденъ. Кому и эта жизнь не удалась, тотъ напивается до пьяна всѣмъ на свѣтѣ—виномъ, нумизматикой, картами, скачками, женщинами, скупостью, благодѣяніями; ударяется въ мистицизмъ, идетъ въ Іезуиты, налагаетъ на себя чудовищные труды, и они ему все-таки легче кажутся нежели

какая-то угрожающая истина дремлющая внутри его. Въ этой боязни изслѣдовать, чтобъ не увидать вздоръ изслѣдуемаго, въ этомъ искуственномъ недосугѣ, въ этихъ поддѣльныхъ несчастіяхъ, усложняя каждый шагъ вымышленными путами, мы проходимъ по жизни съ просонья, не пришедши путемъ въ себя и умираемъ въ чаду нелѣпости и пустяковъ. Престранное дѣло во всемъ некасающимся внутреннихъ, жизненныхъ вопросовъ, люди умны, смѣлы, проницательны; они считаютъ себя напримѣръ, посторонними природѣ и изучаютъ ее добросовѣстно, тутъ другая метода, другой пріемъ. Не жалко-ли такъ бояться правды, изслѣдованія? Положимъ, что много мечтаній поблекнуть, будетъ не легче, а тяжеле — все-же нравственнѣе, достойнѣе, мужественнѣе не ребячиться. Еслибъ люди смотрѣли другъ на друга, какъ смотрятъ на природу, смѣясь сошли бы они съ своихъ пьедесталей и курульныхъ креселъ, взглянули бы на жизнь проще, перестали бы выходить изъ себя за то, что жизнь не исполняетъ ихъ гордые приказы и личныя фантазіи. Вы, напримѣръ, ждали отъ жизни совсѣмъ не то, что она вамъ дала; вмѣсто того, чтобъ оцѣнить то, что она вамъ дала, вы негодуете на нее. Это негодованіе пожалуй хорошо, острая закваска влекущая человѣка впередъ, къ дѣятельности, къ движенію; но вѣдь это начало, нельзя-же только негодовать, проводить всю жизнь въ оплакиваніи неудачь, въ борьбѣ и досадѣ. Скажите откровенно :

чѣмъ вы искали убѣдиться, что требованія ваши истинны.

— Я ихъ не выдумывалъ, они невольно родились въ моей груди; чѣмъ больше я размышлялъ объ нихъ потомъ, тѣмъ яснѣе раскрывалась мнѣ ихъ справедливость, ихъ разумность—вотъ мои доказательства. Это вовсе не уродство не, помѣшательство; тысячи другихъ, все наше поколѣніе страдаетъ почти также, больше или меньше, смотря по обстановкѣ, по степени развитія—и тѣмъ больше, чѣмъ больше развитія. Повсюдная скорбь самая рѣзкая характеристика нашего времени; тяжелая скука налегла на душу современнаго человѣка, сознаніе нравственнаго безсилія его томитъ, отсутствіе довѣрія къ чему бы то ни было старѣетъ его прежде времени. Я на васъ смотрю какъ на исключеніе, да и сверхъ того ваше равнодушіе мнѣ подозрительно, оно сбивается на охладившееся отчаяніе, на равнодушіе человѣка, который потерялъ не только надежду, но и безнадежность: это неестественный покой. Природа, истинная во всемъ что дѣлаетъ, какъ вы повторяли нѣсколько разъ, должна быть истинна и въ этомъ явленіи скорьби, тягости, всеобщность его даетъ ему нѣкоторое право. Сознайтесь, что именно съ вашей точки зрѣнія довольно трудно возражать на это.

— На что-же непремѣнно возражать; я ничего лучше не прошу какъ соглашаться съ вами. Тягостное состояніе, о которомъ вы говорите, очевидно, и коне-

чпо имѣегъ право на историческое оправданіе и еще болѣе на то, чтобъ сыскать выходъ изъ него. Страданіе, боль — это вызовъ на борьбу, это сторожевой крикъ жизни, обращающій вниманіе на опасность. Міръ, въ которомъ мы живемъ умираетъ, то есть тѣ формы, въ которыхъ проявляется жизнь; пикакія лекарства пе дѣйствуютъ болѣе на обветшалое тѣло его; чтобъ легко вздохнуть наслѣдникамъ надобно его похоронить, а люди хотятъ непремѣнно его вылечить и задерживаютъ смерть. Вамъ вѣрно случалось видѣть удручающую грусть, томительную, тревожную неизвѣстность, которая распространяется въ домѣ гдѣ есть умирающій, отчаяніе усиливается надеждой, нервы у всѣхъ натянуты, здоровые больны, дѣла не идутъ. Смерть больнаго облегчаетъ душу оставшихся; льются слезы, но нѣтъ болѣе убійственнаго ожиданія, несчастіе передъ глазами, во весь ростъ, безвозвратное, отрѣзавшее всѣ надежды, и жизнь начинаетъ врачевать, примирять, брать новый оборотъ. Мы живемъ во время большой и трудной агоніи, это достаточно объясняетъ нашу тоску. Къ тому-же предшествовавшіе вѣка особенно воспитали въ насъ грусть, болѣзненное томленіе. Три столѣтія тому назадъ все простое, здоровое, жизненное было еще подавлено; мысль едва осмѣливалась поднимать свой голосъ, ея положеніе было похоже на положеніе Жидовъ въ среднихъ вѣкахъ, лукавое по необходимости, рабское, озирающееся. Подъ этими вліяніями сложился нашъ

умъ, онъ выросъ, возмужалъ внутри этой нездоровой сферы; отъ католическаго мистицизма онъ естественно перешелъ въ идеализмъ и сохранилъ боязнь всего естественнаго, угрызенія обманутой совѣсти, притязанія на невозможныя блага; онъ остался при разладѣ съ жизнію, при романтической тоскѣ, онъ воспиталъ себя въ страданія и разорванность. Давно-ли мы застращенные съ дѣтства, перестали отказываться отъ самыхъ невинныхъ побужденій? давно-ли мы перестали содрогаться, находя внутри своей души страстные порывы, не взошедшіе въ каталогъ романтическаго тарифа? Вы давеча сказали, что мучащія васъ требованія развились естественно; оно и такъ, и нѣтъ—все естественно, золотуха очень естественно происходитъ отъ дурнаго питанья, отъ дурнаго климата, но мы ее все-же считаемъ чѣмъ-то чужимъ организму. Воспитаніе поступаетъ съ нами какъ отецъ Аннибала съ своимъ сыномъ. Оно беретъ обѣтъ прежде сознанія, опутываетъ насъ нравственной кабалой, которую мы считаемъ обязательною по ложной деликатности, по трудности отдѣлаться отъ того, что привито такъ рано, наконецъ отъ лѣни разобрать въ чемъ дѣло; воспитаніе насъ обманываетъ прежде нежели мы въ состояніи понимать, увѣряетъ въ невозможномъ дѣтей, отрѣзываетъ имъ свободное и прямое отношеніе къ предмету. Подрастая, мы видимъ, что ничто неладится, ни мысль, ни быть, что то, на что насъ учили опираться—гнило, хрупко, а

отъ чего предостерегали какъ отъ яду—цѣлебно; забитые и одураченные, пріученные къ авторитету и указкѣ, мы выходимъ съ лѣтами на волю, каждый своими силами добирается до истины, борясь, ошибаясь; томимые желаніемъ знать, мы подслушиваемъ у дверей, стараемся разглядѣть въ щель, кривя душой, притворяясь, мы считаемъ правду за порокъ и презрѣніе ко лжи за дерзость. Мудрено-ли послѣ этого, что мы не умѣемъ уладить ни внутренняго, ни внѣшняго быта, лишнее требуемъ, лишнее жертвуемъ, пренебрегаемъ возможнымъ и негодуемъ за то, что невозможное нами пренебрегаетъ; возмущаемся противъ естественныхъ условій жизни и покоряемся произвольному вздору. Вся наша цивилизація такова, она выросла въ нравственномъ междоусобіи; вырвавшись изъ школъ и монастырей, она не вышла въ жизнь, а прошлась по ней, какъ Фаустъ, чтобъ посмотрѣть, порефлектировать и потомъ удалиться отъ грубой толпы въ гостиныя, въ академію, въ книги. Она совершила весь свой путь съ двумя знаменами въ рукахъ; "романтизмъ для сердца" было написано на одномъ, "идеализмъ для ума" на другомъ. Вотъ откуда идетъ большая доля неустройства въ нашей жизни. Мы не любимъ простаго, мы не уважаемъ природу по преданію, хотимъ распоряжаться ею, хотимъ лечить заговориваніемъ и удивляемся, что больному не лучше; физика насъ оскорбляетъ своей независимой самобытностью, намъ хочется алхиміи,

магіи; а жизнь и природа равнодушно идутъ своимъ путемъ, покоряясь человѣку по мѣрѣ того, какъ онъ выучивается дѣйствовать ихъ-же средствами.

— Вы, кажется меня считаете нѣмецкимъ поэтомъ, и то еще прошлой эпохи, которые сердились за то, что у нихъ есть тѣло, за то, что они ѣдятъ и искали неземныхъ дѣвъ, "иную природу, другаго солнца". Мнѣ не хочется ни магіи, ни мистеріи, а просто выйти изъ того состоянія души, которое вы сейчасъ представили въ десять разъ рѣзче меня; выйти изъ нравственнаго безсилія, изъ жалкой неприлагаемости убѣжденій, изъ хаоса, въ которомъ наконецъ мы перестали понимать кто врагъ и кто другъ; мнѣ противно видѣть, куда ни обернусь, или пытаемыхъ или пытающихъ. Какое колдовство нужно на то, чтобъ растолковать людямъ, что они сами виноваты въ томъ, что имъ такъ скверно жить, объяснить имъ, напримѣръ, что не надобно грабить нищаго, что противно объѣдаться возлѣ умирающаго съ голоду, что убійство равно отвратительно ночью на большой дорогѣ тайкомъ, и днемъ открыто на большой площади при барабанномъ боѣ; что одно говорить, а другое дѣлать—подло....словомъ, всѣ тѣ новыя истины, которыя говорятъ, повторяютъ, печатаютъ со временъ семи греческихъ мудрецовъ, да и тогда я думаю онѣ уже были очень стары. Моралисты, попы гремятъ съ каѳедръ, толкуютъ о нравственности, о

грѣхахъ, читаютъ Евангеліе, читаютъ Руссо—никто не возражаетъ, и никто не исполняетъ.

— По совѣсти жалѣть объ этомъ нечего. Всѣ эти ученія и проповѣди по большей части невѣрны, неудобоисполнимы и сбивчивѣе простаго обычнаго быта. Бѣда въ томъ, что мысль забѣгаетъ всегда далеко впередъ, народы не поспѣваютъ за своими учителями, возьмите наше время, нѣсколько человѣкъ коснулись переворота, который совершить не въ силахъ ни они сами, ни народы. Передовые думали, что стоитъ сказать "брось одръ твой и иди за нами" — все и двинется — они ошиблись, народъ ихъ также мало зналъ, какъ они его, имъ не повѣрили. Не замѣчая, что за ними никого нѣтъ, эти люди предводительствовали, шли впередъ; спохватившись, они стали кричать отставшимъ, махать, звать ихъ, осыпать упреками—но поздно, слишкомъ далеко, голоса не достаетъ, да и языкъ ихъ не тотъ, которымъ говорятъ массы. Намъ больно сознаться, что мы живемъ въ мірѣ выжившемъ изъ ума, дряхломъ, истощенномъ, у котораго явнымъ образомъ не достаетъ силы и поведенія, чтобъ подняться на высоту собственной мысли; намъ жаль старый міръ, мы къ нему привыкли какъ къ родительскому дому, мы поддерживаемъ его, стараясь его разрушить и прилаживаемъ къ своимъ убѣжденіямъ его неспособныя формы, не видя что первая іота ихъ—его смертный приговоръ. Мы

носимъ платья шитыя не по нашей мѣркѣ, а по мѣркѣ нашихъ прадѣдовъ, мозгъ нашъ образовался подъ вліяніемъ предшествующихъ обстоятельствъ, онъ многаго не осиливаетъ, многое видитъ подъ ложнымъ угломъ. Люди съ такимъ трудомъ добились до современнаго быта, онъ имъ кажется такою счастливой пристанью послѣ безумія феодализма и тупаго гнета, слѣдовавшаго за нимъ, что они боятся измѣнять его, они отяжелѣли въ его формахъ, обжились въ нихъ, привычка замѣнила привязанность, горизонтъ сжался... размахъ мысли сдѣлался малъ, воля ослабла.

— Прекрасная картина; добавьте что возлѣ этихъ удовлетворенныхъ, которымъ современный порядокъ по плечу, съ одной стороны бѣдный, неразвитый народъ, одичалый, отсталый, голодный, въ безвыходной борьбѣ съ нуждой, въ изнуряющей работѣ, которая не можетъ его пропитать; а съ другой мы, не осторожно забѣжавшіе впередъ, землемѣры вбивающіе вѣхи новаго міра—и которые никогда неувидимъ даже выведеннаго фундамента. Отъ всѣхъ упованій, отъ всей жизни, которая прошла между рукъ, (да еще какъ прошла) если что-нибудь осталось, то это вѣра въ будущее; когда-нибудь, долго послѣ нашей смерти, домъ, для котораго мы расчистили мѣсто, выстроится и въ немъ будетъ удобно и хорошо—другимъ.

— Впрочемъ нѣтъ причины думать, что новый міръ будетъ строиться по нашему плану.....

...Молодой человѣкъ сдѣлалъ недовольное движеніе

головой и посмотрѣлъ съ минуту на море — совершеннѣйшій штиль продолжался; тяжелая туча едва двигалась надъ головами, такъ низко, что дымъ парохода стелясь мѣшался съ ней — море было чёрно, воздухъ не освѣжалъ.

— Вы со мною поступаете, сказалъ онъ помолчавъ, такъ какъ разбойники съ путешественниками; ограбивши у меня все, вамъ кажется еще мало, вы добираетесь до послѣдняго рубища, которое меня предохраняетъ отъ стужи, до моихъ волосъ; вы заставили меня сомнѣваться во многомъ, у меня оставалось будущее—вы отнимаете его, вы грабите мои надѣжды, вы убиваете сны, какъ Макбетъ.

— А я думалъ, что я больше похожъ на хирурга, который вырѣзываетъ дикое мясо.

— Пожалуй, это еще лучше, хирургъ отрѣзываетъ больную часть тѣла, не замѣняя ее здоровой.

— И по дорогѣ спасаетъ человѣка, освобождая его отъ тяжелыхъ узъ застарѣлой болѣзни.

— Знаемъ мы ваше освобожденіе. Вы отворяете двери темницы и хотите вытолкнуть колодника въ степь, увѣряя его, что онъ свободенъ; вы ломаете Бастилью, но не воздвигаете ничего взамѣну острога, остается одно пустое мѣсто.

— Это было бы чудесно, еслибъ было такъ какъ вы говорите, худо то, что развалины, мусоръ мѣшаютъ на каждомъ шагу.

— Чему мѣшаютъ? Гдѣ въ самомъ дѣлѣ наше

призваніе, гдѣ наше знамя? во что мы вѣримъ, во что не вѣримъ?

—,Вѣримъ во все, не вѣримъ въ себя; вы ищите найти знамя, а я ищу потерять его; вы хотите указку, а мнѣ кажется, что въ извѣстный возрастъ стыдно читать съ указкой. Вы сейчасъ сказали, что мы вбиваемъ вѣхи новому міру.....

— И ихъ вырываетъ изъ земли духъ отрицанія и разбора. Вы несравненно мрачнѣе меня смотрите на міръ и утѣшаете только для того, чтобъ еще ужаснѣе выразить современную тягость. Если и будущее не наше, тогда вся наша цивилизація ложь, мечта пятнадцатилѣтней дѣвочки, надъ которой она сама смѣется въ двадцать пять лѣтъ, наши труды вздоръ, наши усилія смѣшны, наши упованія похожи на ожиданія дунайскаго мужика. Впрочемъ можетъ быть вы то и хотите сказать, чтобъ мы бросили нашу цивилизацію, отказались отъ нея, воротились бы къ отставшимъ.

— Нѣтъ, отказаться отъ развитія невозможно. Какъ сдѣлать, чтобъ я не зналъ того что знаю! Наша цивилизація лучшій цвѣтъ современной жизни, кто-же поступится своимъ развитіемъ? Но какое-же это имѣетъ отношеніе къ осуществленію нашихъ идеаловъ, гдѣ лежитъ необходимость чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?

— Стало быть наша мысль привела насъ къ несбыточнымъ надеждамъ, къ нелѣпымъ ожиданіямъ;

съ ними какъ съ послѣднимъ плодомъ нашихъ трудовъ мы захвачены волнами на кораблѣ, который тонетъ. Будущее не наше, въ настоящемъ намъ нѣтъ дѣла; спасаться некуда, мы съ этимъ кораблемъ связаны на животъ и на смерть, остается сложа руки, ждать пока вода зальетъ — а кому скучно, кто поотважнѣе, тотъ можетъ броситься въ воду.

.....Le monde fait naufrage.
Vieux batiment, usé par tous les flots,
Jl s' engloutit—sauvons nous à la nage!

— Я ничего лучше не прошу, но только есть разница между спасаться въ плавь и топиться. Судьба молодыхъ людей, которыхъ вы напомнили этой пѣснью, страшна; сугубые страдальцы, мученики безъ вѣры, смерть ихъ пусть падетъ на страшную среду, въ которой они жили, пусть обличаетъ ее, позоритъ; но кто-же вамъ сказалъ, что нѣтъ другаго выхода, другаго спасенія изъ этого міра старчества и агоніи —какъ смерть? Вы оскорбляете жизнь. Оставьте міръ, къ которому вы не принадлежите, если вы дѣйствительно чувствуете, что онъ вамъ чуждъ. Его не спасемъ — спасите себя отъ угрожающихъ развалинъ; спасая себя, вы спасаете будущее. Что вы имѣете общаго съ этимъ міромъ—его цивилизацію? но вѣдь она теперь принадлежитъ вамъ, а не ему, онъ произвелъ ее, или, лучше сказать, изъ него произвели ее, онъ не грѣшенъ даже въ пониманіи ея;—его образъ жизни — онъ вамъ ненавистенъ, да и, по правдѣ,

трудно любить такую нелѣпость. Ваши страданія — онъ и не подозрѣваетъ; ваши радости ему не знакомы; вы молоды — онъ старъ; посмотрите, какъ онъ осунулся въ своей изношенной, аристократической ливреѣ, особенно послѣ тридцатаго года, лицо его подернулось матовой землистостью. Это facies hypocratica, по которой доктора узнають, что смерть уже занесла косу. Безсильно усиливается онъ иногда еще разъ схватить жизнь, еще разъ овладѣть ею, отдѣлаться отъ болѣзни, насладиться — не можетъ и впадаетъ въ тяжкій, горячечный полусонъ. Тутъ толкуютъ о фаланстерахъ, димократіяхъ, соціализмѣ, онъ слушаетъ и ничего не понимаетъ—иногда улыбается такимъ рѣчамъ, покачивая головою и вспоминая мечты, которымъ и онъ вѣрилъ когда-то, потомъ взошелъ въ разумъ и давно не вѣритъ..... Оттого-то онъ старчески равнодушно смотритъ на коммунистовъ и іезуитовъ, на пасторовъ и якобинцевъ, на братьевъ Ротшильдъ и на умирающихъ съ голоду; онъ смотритъ на все несущееся передъ глазами —сжавши въ кулакъ нѣсколько франковъ, за которые готовъ умерѣть или сдѣлаться убійцей. Оставьте старика доживать какъ знаетъ свой вѣкъ въ богадѣльнѣ, вы для него ничего не сдѣлаете.

— Оставить, это не такъ легко, не говоря о томъ, что оно противно куда бѣжать? гдѣ эта новая Пенсильванія, готовая....?

— Для старыхъ построекъ изъ новаго кирпича

Вильямъ Пеннъ везъ съ собою старый міръ на новую почву; Сѣверная Америка — исправленное изданіе прежняго текста, не болѣе. А Христіане — въ Римѣ перестали быть Римлянами — этотъ внутренній отъѣздъ полезнѣе.

— Мысль сосредоточиться въ себѣ, оторвать пуповину, связующую насъ съ родиной, съ современностью, проповѣдуется давно, но плохо осуществляется; она является у людей послѣ каждой неудачи, послѣ каждой утраченной вѣры, на ней опирались мистики и масоны, философы и иллюминаты; всѣ они указывали на внутренній отъѣздъ — никто не уѣхалъ. Руссо? — и тотъ отворачивался отъ міра, страстно любя его, онъ отрывался отъ него — потому что не могъ быть безъ него. Ученики его продолжали его жизнь въ Конвентѣ, боролись, страдали, казнили другихъ, снесли свою голову на плаху, но не ушли ни вонъ изъ Франціи, ни вонъ изъ кипѣвшей дѣятельности.

— Ихъ время нисколько не было похоже на наше. У нихъ впереди было бездно упованій. Руссо и его ученики воображали, что если ихъ идеи братства не осуществляются, то это отъ матеріальныхъ препятствій — тамъ сковано слово, тутъ дѣйствіе невольно — и они, совершенно послѣдовательно, шли грудью противъ всего мѣшавшаго ихъ идеѣ; задача была страшная, гигантская, но они побѣдили. Побѣдивши, они думали: вотъ теперь-то... но теперь-то ихъ повели

на гильотину, и это было самое лучшее что могло съ ними случиться: они умерли съ полной вѣрой, ихъ унесла бурная волна, середи битвы, труда, опьянѣнья, они были увѣрены, что когда возвратится тишина, ихъ идеалъ осуществится безъ нихъ, но осуществится. Наконецъ этотъ штиль пришелъ. Какое счастіе, что всѣ эти энтузіасты давно были схоронены! имъ бы пришлось увидѣть, что дѣло ихъ не подвинулось ни на вершокъ, что ихъ идеалы остались идеалами, что недостаточно разобрать по камешку Бастилью, чтобъ сдѣлать колодниковъ свободными людьми.—Вы сравниваете насъ съ ними, забывая, что мы знаемъ событія пятидесяти лѣтъ прошедшихъ послѣ ихъ смерти, что мы были свидѣтелями, какъ всѣ упованія теоретическихъ умовъ были осмѣяны, какъ демоническое начало исторіи нахохоталось надъ ихъ наукой, мыслію, теоріей, какъ оно изъ республики сдѣлало Наполеона, изъ революціи 1830 г. биржевой оборотъ. Свидѣтели всего бывшаго, мы не можемъ имѣть надежды нашихъ предшественниковъ. Глубже изучивши революціонные вопросы, мы требуемъ теперь и больше и шире того, что они требовали, а и ихъ-то требованія остались тою-же неприлагаемостью какъ были. Съ одной стороны вы видите логическую послѣдовательность мысли, ея успѣхъ; съ другой полное безсиліе ея надъ міромъ-глухимъ, нѣмымъ, безсильнымъ схватить мысль спасенія, такъ какъ она высказывается ему — потому-ли что она дурно высказы-

вается или потому, что имѣетъ только теоретическое, книжное значеніе, какъ напримѣръ римская философія, не выходившая никогда изъ небольшаго круга образованныхъ людей.

— Но кто-же по вашему правъ? мысль-ли теоретическая, которая точно также развилась и сложилась исторически, по сознательно, или фактъ современнаго міра, отвергающій мысль и представляющій, также какъ она, необходимый результатъ прошедшаго.

— Оба совершенно правы. Вся эта запутанность выходитъ изъ того, что жизнь имѣетъ свою эмбріогенію не совпадающую съ діалектикой чистаго разума. Я помянулъ древній міръ, вотъ вамъ примѣръ, вмѣсто того чтобъ осуществлять республику Платона и политику Аристотеля, онъ осуществляетъ римскую республику и политику ихъ завоевателей; вмѣсто утопій Цицерона и Сенеки — Лонгобардскія графства и германское право.

— Не пророчите-ли вы и нашей цивилизаціи такую-же гибель, какъ римской? — утѣшительная мысль и прекрасная перспектива.....

— Не прекрасная и не дурная. Отчего васъ удивляетъ мысль, которая до пошлости извѣстна, что все на свѣтѣ преходяще? Впрочемъ цивилизаціи не гибнутъ пока родъ человѣческій продолжаетъ жить безъ совершеннаго перерыва — у людей память хороша; развѣ римская цивилизація не жива для насъ? а она точно также какъ наша вытянулась далеко за предѣлы

окружавшей жизни; именно отъ этого она съ одной стороны и разцвѣла такъ пышно, такъ великолѣпно, а съ другой не могла фактически осуществиться. Она принесла свое міру современному, она приноситъ многое намъ, но ближайшее будущее Рима прозябало на другихъ пажитяхъ—въ катакомбахъ, гдѣ прятались гонимые Христiане — въ лѣсахъ, гдѣ кочевали дикіе Германы.

— Какъ-же это въ природѣ все такъ цѣлеобразно, а цивилизація высшее усиліе, вѣнецъ эпохи, выходитъ безцѣльно изъ нея, выпадаетъ изъ дѣйствительности, и увядаетъ наконецъ, оставляя по себѣ не полное воспоминаніе?—Между тѣмъ человѣчество отступаетъ назадъ, бросается въ сторону и начинаетъ съизнова тянуться, чтобъ окончить такимъ-же махровымъ цвѣтомъ—пышнымъ, но лишеннымъ сѣмянъ...Въ вашей философіи исторіи есть что-то возмущающее душу —для чего эти усилія?—жизнь народовъ становится праздной игрой, лепитъ, лепитъ по песчинѣ, по камешку, а тутъ опять все рухнется на земь и люди ползутъ изъ-подъ развалинъ, начинаютъ снова расчищать мѣсто, да строить хижины изо мха, досокъ и упадшихъ капителей, достигая вѣками, долгимъ трудомъ — паденія. Шекспиръ не даромъ сказалъ, что исторія скучная сказка, разсказанная дуракомъ.

— Это ужъ такой печальныи взглядъ у васъ. Вы похожи на тѣхъ монаховъ, которые при встрѣчѣ ничего лучшаго не находятъ сказать другъ другу, какъ

мрачное memento mori или на тѣхъ чувствительныхъ людей, которые не могутъ вспомнить безъ слезъ, "что люди родятся для того чтобъ умерѣть"; смотрѣть на конецъ, а не на самое дѣло—величайшая ошибка. На что растенію этотъ яркій, пышный вѣнчикъ, на что этотъ упоительный запахъ, который пройдетъ совсѣмъ не нужно? Но природа вовсе не такъ скупа, и не такъ пренебрегаетъ мимоидущимъ, настоящимъ, она на каждой точкѣ достигаетъ всего, чего можетъ достигнуть, идетъ до нельзя, до запаха, до наслажденія, до мысли.....до того, что разомъ касается до предѣловъ развитія и до смерти, которая осаживаетъ, умѣряетъ слишкомъ поэтическую фантазію и необузданное творчество ея. Кто-же станетъ негодовать на природу за то, что цвѣты утромъ распускаются, а вечеромъ вянутъ, что она розѣ и лилеѣ не умѣетъ придавать прочности кремня? И этотъ-то бѣдный, прозаическій взглядъ мы хотимъ перенести въ историческій міръ! Кто ограничилъ цивилизацію однимъ прилагаемымъ? —гдѣ у нея заборъ? она безконечна какъ мысль, какъ искуство, она чертитъ идеалы жизни, она мечтаетъ апотеозу своего собственнаго быта, но на жизни не лежитъ обязанность исполнять ея фантазій и мысли, тѣмъ болѣе, что это было бы только улучшенное изданіе того-же, а жизнь любитъ новое. Цивилизація Рима была гораздо выше и человѣчественнѣе, нежели варварской порядокъ; но въ его нестройности были зародыши развитія тѣхъ сторонъ, которыхъ вовсе не

было въ римской цивилизаціи и варварство восторжествовало, не смотря ни на Corpus juris civilis, ни на мудрое воззрѣніе римскихъ философовъ. Природа рада достигнутому и домагается высшаго; она не хочетъ обижать существующее; пусть оно живетъ, пока есть силы, пока новое подрастаетъ. Вотъ отъ чего такъ трудно произведенія природы вытянуть въ прямую линію, природа ненавидитъ фрунтъ, она бросается во всѣ стороны и никогда не идетъ правильнымъ маршемъ впередъ. Дикіе Германы были въ своей непосредственности, potentialiter, выше образованныхъ Римлянъ.

— Я начинаю подозрѣвать, что вы поджидаете нашествіе варваровъ и переселеніе народовъ.

— Я гадать не люблю. Будущаго нѣтъ, его образуетъ совокупность тысячи условій необходимыхъ и случайныхъ, да воля человѣческая, придающая нежданныя драматическія развязки и coups de thèâtre. Исторія импровизируется, рѣдко повторяется, она пользуется всякой нечаянностью, стучится разомъ въ тысячу воротъ...которыя отопрутся...кто знаетъ.

— Можетъ балтійскіе—и тогда Россія хлынетъ на Европу?

— Можетъ быть.

— И вотъ мы, долго мудрствуя, пришли опять къ бѣличьему колесу, опять къ corsi и ricorsi старика Вико. Опять возвратились къ Реѣ, безпрерывно рождающей въ странныхъ страданіяхъ дѣтей, которыми

закусываетъ Сатурнъ. Рея только стала добросовѣстна и не подмѣниваетъ новорожденныхъ каменьями, да и не стоитъ труда, въ числѣ ихъ нѣтъ ни Юпитера, ни Марса.....Какая цѣль всего этого? вы обходите этотъ вопросъ, не рѣшая его; стоитъ-ли дѣтямъ родиться для того, чтобъ отецъ ихъ съѣлъ, да вообще стоитъ-ли игра свѣчь?

— Какъ не стоитъ! тѣмъ болѣе что не вы за нихъ платите. Васъ смущаетъ, что не всѣ игры доигрываются, но безъ этого онѣ были бы нестерпимо скучны. Гёте давнымъ давно толковалъ, что красота проходитъ, потому-что только проходящее и можетъ быть красиво—это обижаетъ людей. У человѣка есть инстинктивная любовь къ сохраненію всего, что ему нравится; родился—такъ хочетъ жить во всю вѣчность, влюбился —такъ хочетъ любить и быть любимымъ во всю жизнь, какъ въ первую минуту признанія. Онъ сердится на жизнь, видя что въ пятьдесятъ лѣтъ нѣтъ той свѣжести чувствъ, той звонкости ихъ, какъ въ двадцать. Но такая неподвижная стоячесть противна духу жизни, — она ничего личнаго, индивидуальнаго не готовитъ впрокъ, она всякой разъ вся изливается въ настоящую минуту и надѣляя людей способностью наслажденія, насколько можно, не страхуетъ ни жизни, ни наслажденія, не отвѣчаетъ за ихъ продолженіе. Въ этомъ беспрерывномъ движеніи всего живаго, въ этихъ повсюдныхъ перемѣнахъ природа обновляется, живетъ, ими она вѣчно молода. Оттого

каждый историческій мигъ прекрасенъ, полонъ, замкнутъ по своему, какъ всякій годъ съ весной и лѣтомъ, съ зимой и осенью, съ бурями и хорошей погодой. Оттого каждый періодъ новъ, свѣжъ, исполненъ своихъ надеждъ, самъ въ себѣ носитъ свое благо и свою скорбь, настоящее принадлежитъ ему, но людямъ этого мало, имъ хочется чтобъ и будущее было ихъ.

— Человѣку больно что онъ и въ будущемъ не видитъ пристани, къ которой стремится. Онъ съ тоскливымъ безпокойствомъ смотритъ передъ собою на безконечный путь и видитъ, что также далекъ отъ цѣли, послѣ всѣхъ усилій, какъ за тысячу лѣтъ, какъ за двѣ тысячи лѣтъ.

— Васъ все сбиваетъ дурно понятая телеологія. Какая цѣль пѣсни, которую поетъ пѣвица?...звуки, звуки вырывающіеся изъ ея груди, звуки умирающіе въ ту минуту, какъ раздались. Если вы кромѣ наслажденія ими будете искать что-нибудь, выжидать иной цѣли, вы дождетесь когда кантатриса перестанетъ пѣть и у васъ останется воспоминаніе и раскаяніе, что, вмѣсто того чтобъ слушать, вы ждали чего-то...Васъ сбиваютъ категоріи, которыя дурно уловляютъ жизнь. Вы подумайте порядкомъ, что эта цѣль — программа что-ли или приказъ? — кто его составилъ, кому онъ объявленъ, обязателенъ онъ или нѣтъ?—если да —то что мы куклы или люди въ самомъ дѣлѣ; нравственно свободныя существа или колеса въ машинѣ. Для меня легче жизнь а слѣдственно и исторію считать

за достигнутую цѣль, нежели за средство достиженія.

— То есть, просто, цѣль природы и исторіи мы съ вами....?

— Отчасти, да, плюсъ настоящее всего существующаго; тутъ все входитъ: и наслѣдіе всѣхъ прошлыхъ усилій и зародыши всего что будетъ; вдохновеніе артиста и энергія гражданина и наслажденіе юноши, который въ эту самую минуту пробирается гдѣ-нибудь къ завѣтной бесѣдкѣ, гдѣ его ждетъ подруга, робкая и отдающаяся вся настоящему, не думая ни о будущемъ, ни о цѣли...и веселье рыбы, которая плещется, вотъ на мѣсячномъ свѣтѣ.....и гармонія всей солнечной системы.....словомъ, какъ послѣ феодальныхъ титуловъ, я смѣло могу поставить три "и прочая.....и прочая".....

— Вы совершенно правы относительно природы, но мнѣ кажется вы забыли, что черезъ всѣ измѣненія и спутанности исторіи прошла красная нитка, связующая ее въ одно цѣлое, эта нитка прогрессъ—или можетъ быть вы не принимаете и прогрессъ.

— Прогрессъ—неотъемлемое свойство сознательнаго развитія, которое не прерывалось; это дѣятельная память и физіологическое усовершеніе людей общественной жизнію.

— Неужели вы тутъ не видите цѣли?

— Совсѣмъ напротивъ, я тутъ вижу послѣдствіе. Если прогрессъ цѣль, то для кого мы работаемъ? кто этотъ Молохъ, который по мѣрѣ приближенія къ нему

тружениковъ, вмѣсто награды пятится и въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель толпамъ, которыя ему кричатъ : morituri te salutant, только и умѣетъ отвѣтить горькой насмѣшкой, что послѣ ихъ смерти будетъ прекрасно на землѣ. Неужели и вы обрекаете современныхъ людей на жалкую участь каріатидъ, поддерживающихъ террасу, на которой когда-нибудь другіе будутъ танцовать, или.... на то, чтобъ быть несчастными работниками, которые, по колѣно въ грязи, тащутъ барку съ таинственнымъ руномъ и съ смиренной надписью "прогрессъ въ будущемъ" на флагѣ. Утомленные падаютъ на дорогѣ, другіе съ свѣжими силами принимаются за веревки, а дороги, какъ вы сами сказали, остается столько-же какъ при началѣ, потому-что прогрессъ безконеченъ. Это одно должно было насторожить людей; цѣль безконечно далекая не цѣль, а если хотите, уловка; цѣль должна быть ближе, по-крайней-мѣрѣ заработная плата или наслажденіе въ трудѣ. Каждая эпоха, каждое поколѣніе, каждая жизнь имѣли, имѣютъ свою полноту, по дорогѣ развиваются новыя требованія, испытанія, новыя средства, одни способности усовершаются на счетъ другихъ, наконецъ самое вещество мозга улучшается....что вы улыбаетесь?...да, да, церебринъ улучшается....Какъ все естественное становится вамъ ребромъ, удивляетъ васъ, идеалистовъ, точно какъ нѣкогда рыцари удивлялись, что виланы хотятъ тоже человѣческихъ правъ. Когда Гёте былъ

въ Италіи, онъ сравнивалъ черепъ древняго быка съ черепомъ нашихъ быковъ и нашелъ, что у нашего кость тоньше, а вмѣстилище большихъ полушарій мозга пространнѣе; древній быкъ былъ очевидно сильнѣе нашего, а нашъ развился въ отношеніи къ мозгу въ своемъ мирномъ подчиненіи человѣку. За что-же вы считаете человѣка менѣе способнымъ къ развитію нежели быка? этотъ родовой ростъ, не цѣль, какъ вы полагаете, а свойство преемственно продолжающагося существованія поколѣній. Цѣль для каждаго поколѣнія — оно само. Природа не только никогда не дѣлаетъ поколѣній средствами для достиженія будущаго, но она вовсе объ будущемъ не заботится; она готова, какъ Клеопатра, распустить въ винѣ жемчужину, лишь бы потѣшиться въ настоящемъ, у нея сердце баядеры и вакханки,

— И бѣдная не можетъ осуществить своего призванія!...Вакханка на діэтѣ, Баядера въ трауръ!...въ наше время она право скорѣе похожа на кающуюся Магдалину. Или можетъ мозгъ выдѣлался въ сторону.

— Вы вмѣсто насмѣшки сказали вещь, которая гораздо дѣльнѣе, нежели вы думаете. Одностороннее развитіе всегда влечетъ за собою avortement другихъ забытыхъ сторонъ. Дѣти, слишкомъ развитые въ психическомъ отношеніи, дурно растутъ, слабы тѣломъ; вѣками не-естественнаго быта мы воспитали себя въ идеализмъ, въ искуственную жизнь и разрушили равновѣсіе. Мы были велики и сильны, даже сча-

стливы въ нашей отчужденности, въ нашемъ теоретическомъ блаженствѣ, а теперь перешли эту степень и она стала для насъ невыносима; между тѣмъ разрывъ съ практическими сферами сдѣлался страшный; виноватыхъ въ этомъ нѣтъ ни съ той, ни съ другой стороны. Природа натянула всѣ мышцы, чтобъ перешагнуть въ человѣкѣ ограниченность звѣря; а онъ такъ перешагнулъ, что одной ногой совсѣмъ вышелъ изъ естественнаго быта—сдѣлалъ онъ это потому, что онъ свободенъ. Мы столько толкуемъ о волѣ, такъ гордимся ею и въ то-же время досадуемъ за то, что насъ никто не ведетъ за руку, что оступаемся и несемъ послѣдствія своихъ дѣлъ. Я готовъ повторить ваши слова, что мозгъ выдѣлался въ сторону отъ идеализма, люди начинаютъ замѣчать это и идутъ теперь въ другую сторону; они вылечатся отъ идеализма такъ, какъ вылечились отъ другихъ историческихъ болѣзней, отъ рыцарства, отъ католицизма, отъ протестантизма...

— Согласитесь впрочемъ, что путь развитія болѣзнями и отклоненіями—престранный.

— Да вѣдь путь и не назначенъ...природа слегка, самыми общими нормами, намекнула свои виды и предоставила всѣ подробности на волю людей, обстоятельствъ, климата, тысячи столкновеній. Борьба, взаимное дѣйствіе естественныхъ силъ и силъ воли, которой слѣдствія нельзя знать впередъ, придаетъ поглащающій интересъ каждой исторической эпохѣ.

Еслибъ человѣчество шло прямо къ какому-нибудь результату, тогда исторіи не было бы, а была бы логика, человѣчество остановилось бы готовымъ въ непосредственномъ statu quo, какъ животныя. Все это по-счастію невозможно, не нужно и хуже существующаго. Животный организмъ мало-по-малу развиваетъ въ себѣ инстинктъ, въ человѣку развитіе идетъ далѣе.....выработывается разумъ и выработывается трудно, медленно—его нѣтъ ни въ природѣ, ни внѣ природы, его надобно достигать, съ нимъ улаживать жизнь какъ придется, потому-что вовсе нѣтъ libretto. А будь libretto, исторія потеряетъ весь интересъ, сдѣлается ненужна, скучна, смѣшна; горесть Тацита и восторгъ Колумба превратятся въ шалость, въ гаерство; великіе люди сойдутъ на одну доску съ театральными героями, которые, худо-ли, хорошо-ли играютъ, непремѣнно идутъ и дойдутъ къ извѣстной развязкѣ. Въ исторіи все импровизація, все воля, все ex tempore, впередъ ни предѣловъ, ни маршрутовъ нѣтъ, есть условія, святое безпокойство, огонь жизни, и вѣчный вызовъ бойцамъ пробовать силу, идти вдаль куда хотятъ, куда только есть дорога —а гдѣ ея нѣтъ, тамъ ее сперва проложитъ геній.

— А если на бѣду не найдется Колумба?

— Кортесъ сдѣлаетъ за него. Геніальныя натуры почти всегда находятся когда ихъ нужно, впрочемъ въ нихъ нѣтъ необходимости, народы дойдутъ послѣ,

дойдутъ иной дорогой, болѣе трудной; генiй роскошь исторiи, ея поэзiя, ея coup d'état, ея скачекъ, торжество ея творчества.

— Все это хорошо, но мнѣ кажется, при такой неопредѣленности, распущенности, исторiя можетъ продолжаться во вѣки вѣковъ или завтра окончиться.

— Безъ сомнѣнiя. Со скуки люди не умрутъ, если родъ человѣческiй очень долго заживется; хотя вѣроятно люди и натолкнутся на какiе-нибудь предѣлы, лежащiе въ самой природѣ человѣка, на такiя физiологическiя условiя, которыхъ нельзя будетъ перейти, оставаясь человѣкомъ; но собственно недостатка въ дѣлѣ, въ занятiяхъ не будетъ, три-четверти всего что мы дѣлаемъ, повторенiе того, что дѣлали другiе. Изъ этого вы видите, что исторiя можетъ продолжаться миллiоны лѣтъ. Съ другой стороны я ничего не имѣю противъ окончанiя исторiи завтра. Мало-ли что можетъ быть! Енкiева комета зацѣпитъ земной шаръ, геологическiй катаклизмъ пройдетъ по поверхности, ставя все вверхъ дномъ, какое-нибудь газообразное испаренiе сдѣлаетъ на полъ-часа невозможнымъ дыханiе—вотъ вамъ и финалъ исторiи.

— Фу, какiе ужасы! вы меня стращаете какъ маленькихъ дѣтей, но я увѣряю васъ что этого не будетъ. Стоило бы очень развиваться три тысячи лѣтъ съ прiятной будущностью задохнуться отъ какого-нибудь сѣрноводороднаго испаренiя! Какъ-же вы не видите что это нелѣпость?

— Я удивляюсь, какъ это вы до сихъ поръ не привыкнете къ путямъ жизни. Въ природѣ, такъ какъ въ душѣ человѣка, дремлетъ безконечное множество силъ, возможностей; какъ только соберутся условія, нужныя для того чтобъ ихъ возбудить, онѣ развиваются и будутъ развиваться до нельзя, они готовы собой наполнить міръ, но онѣ могутъ запнуться на полдорогѣ, принять иное направленіе, остановиться, разрушиться. Смерть одного человѣка не меньше нелѣпа, какъ гибель всего рода человѣческаго. Кто намъ обезпечилъ вѣковѣчность планеты? она также мало устоитъ при какой-нибудь революціи въ солнечной системѣ, какъ геній Сократа устоялъ противъ цикуты —но можетъ ей не подадутъ этой цикуты...можетъ... я съ этого началъ. Въ сущности для природы это все равно, ея не убудетъ, изъ нея ничего не вынешь, все въ ней, какъ ни мѣняй—и она съ величайшей любовью, похоронивши родъ человѣческій, начнетъ опять съ уродливыхъ папоротниковъ и съ ящерицъ въ полверствы длиною — вѣроятно еще съ какими-нибудь усовершеніями, взятыми изъ новой среды и изъ новыхъ условій.

— Ну, для людей это далеко не все равно; я думаю, Александръ Македонскій нисколько не былъ бы радъ, узнавши что онъ пошелъ на замаску—какъ говоритъ Гамлетъ.

— На счетъ Александра Македонскаго я васъ успокою,—онъ этого никогда не узнаетъ. Разумѣется,

что для человѣка совсѣмъ не все равно жить или не жить; изъ этого ясно одно, что надобно пользоваться жизнію, настоящимъ; не даромъ природа всѣми языками своими безпрерывно манитъ къ жизни и шепчетъ на ухо всему свое vivere memento.

— Напрасный трудъ. Мы помнимъ, что мы живемъ по глухой боли, по досадѣ, которая точитъ сердце, по однообразному бою часовъ...Трудно наслаждаться, пьянить себя, зная, что весь міръ около васъ рушится, и стало быть гдѣ-нибудь задавитъ-же и васъ. Да еще это куда бы ни шло, а то умереть на старости лѣтъ, видя, что вѣтхія покачнувшіяся стѣны и не думаютъ падать. Я не знаю въ исторіи такого удушливаго времени; была борьба, были страданія и прежде, но была еще какая-нибудь замѣна, можно было погибнуть—по-крайней-мѣрѣ съ вѣрой,—намъ не за что умирать и не для чего жить.....самое время наслаждаться жизнію!

— А вы думаете, что въ падающемъ Римѣ было легче жить?

— Конечно, его паденіе было столько-же очевидно какъ міръ шедшій въ замѣну его.

— Очевидно для кого? Неужели вы думаете, что Римляне смотрѣли на свое время такъ, какъ мы смотримъ на него. Гиббонъ не могъ отдѣлаться отъ обаянія, которое производитъ древній Римъ на каждую сильную душу. Вспомните сколько вѣковъ продолжалась его агонія; намъ это время скрадывается

по бѣдности событій, по бѣдности въ лицахъ, по томному однообразію; именно такіе-то періоды, нѣмые, сѣрые и страшны для современниковъ; вѣдь годы въ нихъ имѣли тѣже триста шестдесять пять дней, вѣдь и тогда были люди съ душой горячей и блекли, терялись отъ разгрома падающихъ стѣнъ. Какіе звуки скорби вырывались тогда изъ груди человѣческой!— ихъ стонъ теперь наводитъ ужасъ на душу.

— Они могли креститься.

— Положеніе христіанъ было тогда тоже очень печальное, они четыре столѣтія прятались по подземельямъ, успѣхъ казался невозможнымъ, жертвы были передъ глазами.

— Но ихъ поддерживала фанатическая вѣра — и она оправдалась.

— Только на другой день послѣ торжества явилась ересь, языческій міръ ворвался въ святую тишину ихъ братства и Христіанинъ со слезами обращался назадъ къ временамъ гоненій и благословлялъ воспоминія о нихъ—читая мартирологъ.

— Вы, кажется, начинаете меня утѣшать тѣмъ, что всегда было также скверно, какъ теперь.

— Нѣтъ, я хотѣлъ только напомнить вамъ, что нашему вѣку не принадлежитъ монополь страданій и что вы дешево цѣните прошедшія скорби. Мысль была и прежде нетерпѣлива, ей хочется сей-часъ, ей ненавистно ждать — а жизнь недовольствуется отвлеченными идеями, не торопится, медлитъ съ каждымъ

шагомъ, потому-что ея шаги трудно поправляются. Отсюда трагическое положеніе мыслящихъ...Но чтобъ опять не отклониться, позвольте мнѣ теперь васъ спросить, отчего вамъ кажется что міръ насъ окружающій такъ проченъ и долголѣтенъ?....

— Давно тяжелыя и крупныя капли дождя падали на насъ, глухіе раскаты грома становились слышнѣе, молніи ярче; тутъ дождь полился ручьями..... всѣ бросились въ каюту, пароходъ скрыпѣлъ, качка была невыносима,—разговоръ не продолжался.

Roma. via del Corso.
31 Декабря 1847 г.

II.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Pereat!

Женщины плачутъ чтобъ облегчить душу, мы не умѣемъ плакать. Въ замѣну слезъ я хочу писать — не для того, чтобъ описывать, объяснять кровавыя событія, а просто чтобъ говорить объ нихъ, дать волю рѣчи, слезамъ, мысли, желчи. Гдѣ тутъ описывать, собирать свѣденія, обсуживать! — въ ушахъ еще раздаются выстрѣлы, топотъ несущейся кавалеріи, тяжелый, густой звукъ лафетныхъ колесъ по мертвымъ улицамъ. Въ памяти мелькаютъ отдѣльныя подробности—раненый на носилкахъ держитъ рукой бокъ и нѣсколько капель крови на рукѣ, омнибусы наполненные трупами, плѣнные съ связанными руками, пушки на place de la Bastille, лагерь у Porte St. Denis, на Елисейскихъ поляхъ и мрачное ночное sentinelle prenez garde à vous!..Какія тутъ описанія, мозгъ слишкомъ воспаленъ, кровь слишкомъ остра.

Сидѣть у себя въ комнатѣ, сложа руки, не имѣть возможности выйти за ворота и слышать возлѣ, кру-

гомъ, вблизи, вдали, выстрѣлы, канонаду, крики, барабанный бой и знать что возлѣ льется кровь, рѣжутся, колютъ, что возлѣ умираютъ—отъ этого можно умереть, сойти съума. Я не умеръ, но я состарѣлся, я оправляюсь послѣ іюньскихъ дней, какъ послѣ тяжкой болѣзни.

А торжественно начались оии. Двадцать третьяго числа, часа въ четыре передъ обѣдомъ шелъ я берегомъ Сены къ Hôtel de Ville, лавки запирались, колонны національной гвардіи съ зловѣщими лицами шли по разнымъ направленіямъ, небо было покрыто тучами, шелъ дождикъ. Я остановился на Pont neuf, сильная молнія сверкнула изъ-за тучи, удары грома слѣдовали другъ за другомъ и середь всего этого раздался мѣрный протяжный звукъ набата съ колокольни св. Сульпиція, которымъ еще разъ обманутый пролетарій звалъ своихъ братій къ оружію. Соборъ и всѣ зданія по берегу были необыкновенно освѣщены нѣсколькими лучами солнца, ярко выходившими изъ подъ тучи, барабанъ раздавался съ разныхъ сторонъ, артиллерія тянулась со стороны Карусельской площади.

Я слушалъ громъ, набатъ и не могъ насмотрѣться на панораму Парижа, будто я съ нимъ прощался; я страстно любилъ Парижъ въ эту минуту; это была послѣдняя дань великому городу, послѣ іюньскихъ дней онъ мнѣ опротивѣлъ.

Съ другой стороны рѣки, на всѣхъ переулкахъ и

улицахъ строились баррикады. Я какъ теперь вижу эти сумрачныя лица, таскавшія камни, дѣти, женщины помогали имъ. На одну баррикаду, повидимому оконченную, взошелъ молодой Политехникъ, водрузилъ знамя и запѣлъ тихимъ, печально торжественнымъ голосомъ Марсельезу, всѣ работавшіе запѣли и хоръ этой великой пѣсни, раздававшійся изъ-за камней баррикадъ, захватывалъ душу....набатъ все раздавался. Между тѣмъ по мосту простучала артиллерія и генералъ Бедо осматривалъ съ моста въ трубу непріятельскую позицію.....

Въ это время еще можно было все предупредить, тогда еще можно было спасти республику, свободу всей Европы, тогда еще можно было помириться. Тупое и неловкое правительство не умѣло этого сдѣлать, собраніе не хотѣло, реакціонеры искали мести, крови, искупленія за 24 февраля, закормы Насіоналя дали имъ исполнителей.

Ну что вы скажите, любезный князь Радецкій и сіятельнѣйшій графъ Паскевичъ Эриванскій! вы не годитесь въ помощники Каваньяку. Метернихъ и всѣ члены третьяго отдѣленія Собственной Канцеляріи дѣти кротости, de bons enfants, въ сравненіи съ собраніемъ осерчалыхъ лавочниковъ.

Вечеромъ 26 іюня мы услышали, послѣ побѣды Насіоналя надъ Парижемъ, правильные залпы, съ небольшими разстановками.....Мы всѣ взглянули другъ на друга, у всѣхъ лица были зеленыя .....

"Вѣдь это растрѣливаютъ" сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна. За такія минуты ненавидятъ десять лѣтъ, мстятъ всю жизнь. Горе тѣмъ кто прощаютъ такія минуты!

Послѣ бойни продолжавшейся четверо сутокъ, наступила тишина и миръ осаднаго положенія; улицы были еще оцѣплены, рѣдко, рѣдко гдѣ-нибудь встрѣчался экипажъ, надменная національная гвардія, съ свирѣпой и тупой злобой на лицѣ, берегла свои лавки, грозя штыкомъ и прикладомъ; ликующія толпы пьяной Мобили сходили по бульварамъ, распѣвая: mourir pour la patrie, мальчишки 16, 17 лѣтъ хвастались кровью своихъ братій, запекшейся на ихъ рукахъ, на нихъ бросали цвѣты мѣщанки, выбѣгавшія изъ-за прилавка, чтобъ привѣтствовать побѣдителей. Каваньякъ возилъ съ собою въ колязкѣ какого-то изверга, убившаго десятки Французовъ. Буржуази торжествовала. А домы предмѣстья св. Антонія еще дымились, стѣны разбитыя ядрами обваливались, раскрытая внутренность комнатъ представляла каменныя раны, сломанная мебель тлѣла, куски разбитыхъ зеркалъ мерцали.....А гдѣ-же хозяева, жильцы? — объ нихъ никто и не думалъ....мѣстами посыпали пескомъ, но кровь все таки выступала....Къ Пантеону разбитому ядрами не подпускали, по бульварамъ стояли палатки, лошади глодали бережены деревья Елисейскихъ полей, на Place de la Concorde вездѣ было сѣно,

кирасирскія латы, сѣдла, въ Тюлерійскомъ саду солдаты у рѣшетки варили супъ. Парижъ этого не видалъ и въ 1814 году.

Прошло еще нѣсколько дней — и Парижъ сталъ принимать обычный видъ, толпы праздношатающихся снова явились на бульварахъ, нарядныя дамы ѣздили въ колязкахъ и кабріолетахъ смотрѣть развалины домовъ и слѣды отчаяннаго боя...однѣ частыя патрули и партіи арестантовъ напоминали страшные дни, тогда только стало уясняться происшедшее. У Байрона есть описаніе ночной битвы; кровавыя подробности ея скрыты темнотою; при разсвѣтѣ, когда битва давно кончена, видны ея остатки, клинокъ, окрававленная одежда. Вотъ этотъ-то разсвѣтъ наставалъ теперь въ душѣ, онъ освѣтилъ страшное опустошеніе. Половина надеждъ, половина вѣрованій была убита, мысли отрицанія, отчаянія бродили въ головѣ, укоренялись. Предполагать нельзя было, чтобъ въ душѣ нашей, прошедшей черезъ столько опытовъ, испытанной современнымъ скептицизмомъ, оставалось такъ много истребляемаго.

Послѣ такихъ потрясеній, живой человѣкъ не остается по старому. Душа его или становится еще религіознѣе, держится съ отчаяннымъ упорствомъ за свои вѣрованія, находитъ въ самой безнадежности утѣшеніе и человѣкъ вновь зеленѣетъ, обожженный грозою, нося смерть въ груди—или онъ мужественно и скрѣпя сердце отдаетъ послѣднія упованія, стано-

вится еще трезвѣе и не удерживаетъ послѣднія слабыя листья, которыя уноситъ рѣзкій осенній вѣтеръ.

Что лучше? Мудрено сказать.

Одно ведетъ къ блаженству безумія.

Другое къ несчастію знанія.

Выбирайте сами. Одно чрезвычайно прочно, потому-что отнимаетъ все. Другое ничѣмъ не обезпечено, за то многое даетъ. Я избираю знаніе и пусть оно лишитъ меня послѣднихъ утѣшеній, я пойду нравственнымъ нищимъ по бѣлу свѣту, но съ корнемъ вонъ дѣтскія надежды, отроческія упованья! — всѣ ихъ подъ судъ неподкупнаго разума.

Внутри человѣка есть постоянный революціонный трибуналъ, есть безпощадный Фукье-Тинвиль и, главное, есть гильотина. Иногда судья засыпаетъ, гильотина ржавѣетъ, ложное, прошедшее, романтическое, слабое подпимаетъ голову, обживается и вдругъ какой - нибудь дикой ударъ будитъ оплошный судъ, дремлющаго палача и тогда начинается свирѣпая расправа — малѣйшая уступка, пощада, сожаленіе, ведутъ къ прошедшему, оставляютъ цѣпи. Выбора нѣтъ : или казнить и идти впередъ, или миловать и запнуться на полдорогѣ.

Кто не помнитъ своего логическаго романа, кто не помнитъ какъ въ его душу попала первая мысль сомнѣнія, первая смѣлость изслѣдованія—и какъ она захватывала потомъ болѣе и болѣе и дотрогивалась до святѣйшихъ достояній души? Это-то и есть стра-

шный судъ разума. Казнить вѣрованія не такъ легко какъ кажется, трудно раставаться съ мыслями, съ которыми мы выросли, сжились, которыя насъ лелѣяли, утѣшали — пожертвовать ими кажется неблагодарностью. Да, но въ той средѣ, въ которой стоитъ трибуналъ, тамъ нѣтъ благодарности, тамъ неизвѣстно святотатство и если революція какъ Сатурнъ ѣстъ своихъ дѣтей, то отрицаніе какъ Неронъ убиваетъ свою мать, чтобъ отдѣлаться отъ прошедшаго. Люди боятся своей логики и опрометчиво вызвавъ передъ ея судъ церковь и государство, семью и нравственность, добро и зло — стремятся спасти клочки, отрывки стараго. Отказываясь отъ Христіанства, берегутъ безсмертіе души, идеализмъ, провидѣніе. Люди шедшіе вмѣстѣ тутъ расходятся, одни идутъ на право, другіе на лѣво; одни замираютъ на полдорогѣ какъ верстовые столбы, показывая сколько пройдено, другіе бросаютъ послѣднюю ношу прошедшаго и идутъ бодро впередъ. Переходя изъ стараго міра въ новый, ничего нельзя взять съ собою.

Разумъ безпощаденъ какъ Конвентъ, нелицепріятенъ и строгъ, онъ ни на чемъ не останавливается и требуетъ на лавку подсудимыхъ самое верховное бытіе, для добраго короля теологіи настаетъ 21 января. Этотъ процессъ, какъ процессъ Людовика XVI, пробный камень для Жирондистовъ; все слабое, половинчатое или бѣжитъ, или лжетъ, не подаетъ голоса, или подаетъ безъ вѣры. Между тѣмъ люди, произ-

несшіе приговоръ, думаютъ, что казнивши короля, нечего больше казнить, что 22 января республика готова и счастлива. Какъ будто достаточно атеизма, чтобъ не имѣть религіи, какъ будто достаточно убить Людовика XVI, чтобъ не было монархіи. Удивительное сходство феноменологіи террора и логики. Терроръ именно начался послѣ казни короля, вслѣдъ за нимъ явились на помостѣ благородные отроки революціи, блестящіе, краснорѣчивые, слабые. Жаль ихъ, но спасти невозможно и головы ихъ пали, а за ними покатилась львиная голова Дантона и голова баловня революціи Камиль Демулена. — Ну теперь, теперь по-крайней-мѣрѣ кончено? Нѣтъ, теперь чередъ неподкупныхъ палачей, они будутъ казнены за то, что вѣрили въ возможность димократіи во Франціи, за то, что казнили во имя равенства, да, казнены какъ Анахарсисъ Клооцъ, мечтавшій о братствѣ народовъ, за нѣсколько дней до Наполеоновской эпохи, за нѣсколько лѣтъ до Вѣнскаго Конгреса.

Не будетъ міру свободы, пока все религіозное, политическое, не превратится въ человѣческое, простое, подлежащее критикѣ и отрицанію. Возмужалая логика ненавидитъ канонизированныя истины, она ихъ растригаетъ изъ ангельскаго чина въ людской, она изъ священныхъ таинствъ дѣлаетъ явныя истины, она ничего не считаетъ неприкосновеннымъ и если республика присвоиваетъ себѣ такія-же права, какъ монархія — презираетъ ее, какъ монархію; нѣтъ,

гораздо больше. Монархія не имѣетъ смысла, она держится насиліемъ, а отъ имени Республика сильнѣе бьется сердце; монархія сама-по-себѣ религія, у республики нѣтъ мистическихъ отговорокъ, нѣтъ божественнаго права, она съ нами стоитъ на одной почвѣ. Мало ненавидить корону, надобно перестать уважать и фригійскую шапку; мало не признавать преступленіемъ оскорбленіе величества, надобно признавать преступнымъ Salus populi. Пора человѣку потребовать къ суду: республику, законодательство, представительство, всѣ понятія о гражданинѣ и его отношеніяхъ къ другимъ и къ государству. Казней будетъ много; близкимъ, дорогимъ надобно пожертвовать—мудрено-ли жертвовать ненавистнымъ? въ томъ-то и дѣло чтобъ отдать дорогое, если мы убѣдимся, что оно не истинно. И въ этомъ наше дѣйствительное дѣло. Мы не призваны собирать плодъ, но призваны быть палачами прошедшаго, казнить, преслѣдовать его, узнавать его во всѣхъ одеждахъ и приносить на жертву будущему. Оно торжествуетъ фактически, погубимъ его въ идеѣ, въ убѣжденіи, во имя человѣческой мысли. Уступокъ дѣлать не кому—трехцвѣтное знамя уступокъ слишкомъ замарано, оно долго не просохнетъ отъ іюньской крови. И кого въ самомъ дѣлѣ щадить? Всѣ элементы разрушающіеся вамъ являются во всей жалкой нелѣпости, во всемъ отвратительномъ безуміи своемъ.—Что вы уважаете?

народное правительство, что-ли?—кого вамъ жаль — Парижъ?

Три мѣсяца люди, избранные всеобщей подачей голосовъ, люди выборные всей земли французской ничего не дѣлали и вдругъ стали во весь ростъ, чтобъ показать міру зрѣлище невиданное — восьмисотъ человѣкъ дѣйствующихъ какъ одинъ злодѣй, какъ одинъ извергъ. Кровь лилась рѣками, а они не нашли слова любви, примиренія; все великодушное, человѣческое покрывалось воплемъ мести и негодованія, голосъ умирающаго Афра не могъ тронуть этого многоголоваго Калигулу, этого Бурбона размѣненнаго на мѣдные гроши; они прижали къ сердцу національную гвардію растрѣливавшую безоружныхъ, Сенаръ благословлялъ Каваньяка и Каваньякъ умильно плакалъ, исполнивъ всѣ злодѣйства, указанныя адвокатскимъ пальцомъ представителей. А грозное меньшинств опритаилось, Гора скрылась за облаками, довольная, что ее не растрѣляли, не сгноили въ подвалахъ, молча смотрѣла какъ обираютъ оружіе у гражданъ, какъ декретируютъ депортацію, какъ сажаютъ въ тюрьму людей за все на свѣтѣ—за то, что они не стрѣляли въ своихъ братій.

Убійство въ эти страшные дни сдѣлалось обязанностью, въ эти дни человѣкъ, не отмочившій себѣ рукъ въ пролетарской крови, становился подозрителенъ для мѣщанъ. По-крайней-мѣрѣ большинство

имѣло твердость быть злодѣемъ. А эти жалкіе, презрительные друзья народа, риторы, пустыя сердца!.. Одинъ лишь мужественный плачь, одно великое негодованіе и раздалось, и то внѣ камеры. Мрачное проклятіе старца Ламене останется на головѣ бездушныхъ канибаловъ, и всего ярче выступитъ на лбу малодушныхъ, которые произнеся слово Республика, испугались смысла его.

Парижъ! Какъ долго это имя горѣло путеводной звѣздой народовъ; кто не любилъ, кто не поклонялся ему — но его время миновало, пускай онъ идетъ со сцены. Въ іюньскіе дни онъ завязалъ великую борьбу, которую ему не развязать. Парижъ состарѣлся— и юношескія мечты ему больше не идутъ; для того чтобъ оживиться, ему нужны сильныя потрясенія, Варѳоломеевскія ночи, сентябрскіе дни;—но іюньскіе ужасы не оживили его; откуда-же возметъ дряхлый Вампиръ еще крови, крови праведниковъ, той крови, которая 27 іюня отражала огонь плошекъ зажженныхъ ликующими мѣщанами. Парижъ любилъ играть въ солдаты, онъ посадилъ императоромъ счастливаго солдата, онъ рукоплескалъ злодѣйствамъ называемымъ побѣдою, онъ воздвигалъ статуи, онъ мѣщанскую фигуру маленькаго капрала опять поставилъ, черезъ пятнадцать лѣтъ, на колонну, онъ съ благоговѣніемъ переносилъ прахъ водворителя рабства, онъ и теперь надѣялся найти въ солдатахъ якорь спасенія отъ сво-

боды и равенства, онъ позвалъ дикія орды одичалыхъ Африканцевъ противъ братій своихъ, чтобъ не дѣлиться съ ними и зарѣзалъ ихъ бездушной рукой убійцъ по ремеслу. Пусть-же онъ несетъ послѣдствіе своихъ дѣлъ, своихъ ошибокъ...Парижъ растрѣливалъ безъ суда...это не можетъ пройти даромъ, кровь зоветъ кровь...Что выйдетъ изъ этой крови? — кто знаетъ; но что бы ни вышло, довольно, что въ этомъ разгарѣ бѣшенства, мести, раздора, возмездія, погибнетъ міръ тѣснящій новаго человѣка, мѣшающій ему жить, мѣшающій водвориться будущему—и это прекрасно, а потому — Да здравствуетъ хаосъ и истребленіе!

Vive la mort!

И да водружится будущее!

Парижъ, 24 Іюля 1848 г.

III.

LVII годъ

РЕСПУБЛИКИ ОДНОЙ

и

НЕРАЗДѢЛЬНОЙ.

Ce n'est pas le socialisme, c'est la république.

(Изъ одной рѣчи произнесенной
въ Шалѣ 22 октября 1848 года.)

На дняхъ праздновали Первое Вандеміера пятьдесять-седьмаго года. Въ Шалѣ на Елисейскихъ поляхъ собрались всѣ аристократы димократической республики, всѣ алые члены собранія. Къ концу обѣда Ледрю-Ролленъ произнесъ блестящую рѣчь. Рѣчь его, наполненная красныхъ розъ для республики и колючихъ шиповъ для правительства, имѣла полный успѣхъ и заслуживала его. Когда онъ кончилъ, раздалось громкое Vive la République démocratique! Всѣ встали и стройно, торжественно, безъ шляпъ запѣли Марсельезу. Слова Ледрю-Роллена, звуки завѣтной пѣсни освобожденія и бокалы вина въ свою очередь одушевили всѣ лица, глаза горѣли, и тѣмъ болѣе горѣли, что не все бродившее въ головѣ являлось на губахъ. Барабанъ лагеря Елисейскихъ полей напоминалъ, что непріятель близко, что осадное положеніе и солдатская диктатура продолжаются.

Большая часть гостей были люди въ цвѣтѣ лѣтъ,

но уже больше или меньше искусившіе свои силы на политической аренѣ. Шумно, горячо говорили они между собою. Сколько энергіи, отваги, благородства въ характерѣ Французовъ, когда они еще не подавили въ себѣ хорошаго начала своей національности, или уже вырвались изъ мелкой и грязной среды мѣщанства, которое какъ тина покрываетъ зеленью своей всю Францію. Что за мужественное, рѣшительное выраженіе въ лицахъ, что за стремительная готовность подтвердить дѣломъ—слово, сейчасъ идти на бой, стать подъ пулю, казнить, быть казненнымъ. Я долго смотрѣлъ на нихъ и мало-по-малу невыносимая грусть поднялась со дна души и налегла на всѣ мысли, мнѣ стало смертельно жаль эту кучку людей—благородныхъ, преданныхъ, умныхъ, даровитыхъ, чуть-ли не лучшій цвѣтъ новаго поколѣнія. . . . . . Не думайте, что мнѣ стало ихъ жаль потому, что можетъ быть они не доживутъ до 1го Брюмера или до 1го Нивоза 57го года, что можетъ черезъ недѣлю они погибнуть на баррикадахъ, пропадутъ на галерахъ, въ депортаціи, на гильотинѣ или по новой модѣ ихъ можетъ перестрѣляютъ съ связанными руками загнавши куда-нибудь въ уголъ Карусельской площади или подъ внѣшніе форты — все это очень печально, но я не объ этомъ жалѣлъ, грусть моя была глубже.

Мнѣ было жаль ихъ откровенное заблужденіе, ихъ добросовѣстную вѣру въ несбыточныя вещи, ихъ го-

рячее упованіе, столько-же чистое и столько-же призрачное какъ рыцарство Донъ-Кихота. Мнѣ было жаль ихъ, какъ врачу бываетъ жаль людей не подозрѣвающихъ страшнаго недуга въ груди своей. — Сколько нравственныхъ страданій готовятъ себѣ эти люди—они будутъ биться какъ герои, они будутъ работать всю жизнь и не успѣютъ. Они отдадутъ кровь, силы, жизнь, и состарѣвшись увидятъ, что изъ ихъ труда ничего не вышло, что они дѣлали не то что надобно и умрутъ съ горькимъ сомнѣніемъ въ человѣка, который не виноватъ; или—еще хуже—впадутъ въ ребячество и будутъ какъ теперь ждать всякой день огромной перемѣны, водворенія ихъ республики — принимая предсмертныя муки умирающаго за страданія предшествующія родамъ. Республика, такъ какъ они ее понимаютъ, отвлеченная и неудобоисполнимая мысль, плодъ теоретическихъ думъ, апотеоза существующаго государственнаго порядка, преображеніе того что есть, ихъ республика послѣдняя мечта, поэтическій бредъ стараго міра. Въ этомъ бреду есть и пророчество, но пророчество относящееся къ жизни за гробомъ, къ жизни будущаго вѣка. Вотъ чего они—люди прошедшаго, не смотря на революціонность свою, связанные съ старымъ міромъ на животъ и на смерть — не могутъ понять. Они воображаютъ, что этотъ дряхлый міръ можетъ какъ Улиссъ помолодѣть—не замѣчая того, что осуществленіе одной закраины ихъ республики мгновенно убьетъ

его; они не знаютъ что нѣтъ круче противорѣчія какъ между ихъ идеаломъ и существующимъ порядкомъ, что одно должно умерѣть, чтобъ другому можно было жить. Они не могутъ выйти изъ старыхъ формъ, они ихъ принимаютъ за какія-то вѣчныя границы и оттого ихъ идеалъ — носитъ только имя и цвѣтъ будущаго, а въ сущности принадлежитъ міру прошедшему, не отрѣшается отъ него.

Зачѣмъ они не знаютъ этого?

Роковая ошибка ихъ состоитъ въ томъ, что увлеченные благородной любовью къ ближнему, къ свободѣ, увлеченные нетерпѣніемъ и негодованіемъ, они бросились освобождать людей прежде нежели сами освободились, они нашли въ себѣ силу порвать железныя, грубыя цѣпи, не замѣчая того, что стѣны тюрьмы остались. Они хотятъ, не мѣняя стѣнъ, дать имъ иное назначеніе, какъ будто планъ острога можетъ годиться для свободной жизни.

Вѣтхій міръ, католико-феодальный, далъ всѣ видоизмѣненія, къ которымъ онъ былъ способенъ, развился во всѣ стороны, до высшей степени изящнаго и отвратительнаго, до обличенія всей истины въ немъ заключенной, и всей лжи, наконецъ онъ истощился. Онъ можетъ еще долго стоять, но обновляться не можетъ; общественная мысль, развивающаяся теперь, такова, что каждый шагъ къ осуществленію ея будетъ выходъ изъ него — Выходъ! — Тутъ-то и остановка! Куда? Что тамъ за его стѣнами? — Страхъ беретъ —

пустота, ширина, воля...какъ идти не зная куда, какъ терять не видя пріобрѣтеній!—Еслибъ Колумбъ такъ разсуждалъ, онъ никогда не снялъ бы якоря — сумашествіе ѣхать по океану не зная дороги, по океану, по которому никто не ѣздилъ, плыть въ страну, существованіе которой вопросъ. Этимъ сумашествіемъ онъ открылъ новый міръ. Конечно, еслибъ народы переѣзжали изъ одного готоваго hôtel garni въ другой —еще лучшій, было бы легче, да бѣда въ томъ, что некому заготовлять новыхъ квартиръ. Въ будущемъ хуже нежели въ океанѣ — ничего нѣтъ, оно будетъ такимъ, какимъ его сдѣлаютъ обстоятельства и люди.

Если вы довольны старымъ міромъ, старайтесь его сохранить, онъ очень хилъ и на долго его не станетъ при такихъ толчкахъ какъ 24 февраля; но если вамъ невыносимо жить въ вѣчномъ раздорѣ убѣжденій съ жизнію, думать одно и дѣлать другое, выходите изъ-подъ выбѣленныхъ, средневѣковыхъ сводовъ на свой страхъ; отважная дерзость въ иныхъ случаяхъ выше всякой мудрости. Я очень знаю, что это не легко; шутка-ли разстаться со всѣмъ, къ чему человѣкъ привыкъ со дня рожденія, съ чѣмъ вмѣстѣ росъ и выросъ. Люди о которыхъ мы говоримъ, готовы на страшныя жертвы, — но не на тѣ, которыя отъ нихъ требуетъ новая жизнь. Готовы-ли они пожертвовать современной цивилизаціей, образомъ жизни, религіей, принятой условной нравственностью? Готовы-ли они лишиться всѣхъ плодовъ выработанныхъ съ такими

усиліями, плодовъ, которыми мы хвастаемся три столѣтія, которые намъ такъ дороги, лишиться всѣхъ удобствъ и прелестей нашего существованія, предпочесть дикую юность—образованной дряхлости, необработанную почву, непроходимые лѣса—истощеннымъ полямъ и расчищеннымъ паркамъ, сломать свой наслѣдственный замокъ, изъ одного удовольствія участвовать въ закладкѣ новаго дома, который построится, безъ сомнѣнія, гораздо послѣ насъ? Это вопросъ безумнаго, скажутъ многіе. — Его дѣлалъ Христосъ иными словами.

Либералы долго играли, шутили съ идеей революціи и дошутились до 24 февраля. Народный ураганъ поставилъ ихъ на вершину колокольни и указалъ имъ куда они идутъ и куда ведутъ другихъ; посмотрѣвши на пропасть, открывавшуюся передъ ихъ глазами, они поблѣднѣли; они увидѣли, что не только то падаетъ, что они считали за предразсудокъ, но и все остальное, что они считали за вѣчное и истинное; они до того перепугались, что одни уцѣпились за падающія стѣны, а другіе остановились кающимися на полдорогѣ и стали клясться всѣмъ прохожимъ, что они этого не хотѣли. Вотъ отчего люди, провозглашавшіе республику, сдѣлались палачами свободы, вотъ отчего либеральныя имена, звучавшія въ ушахъ нашихъ лѣтъ двадцать, являются ретроградными депутатами, измѣнниками, инквизиторами. Они хотятъ свободы, даже республики въ извѣстномъ кругѣ

литературно - образованномъ. За предѣлами своего умѣреннаго круга они становятся консерваторами. Такъ раціоналистамъ нравилось объяснять тайны религіи, имъ нравилось раскрывать значеніе и смыслъ миѳовъ, они не думали что изъ этого выйдетъ, не думали, что ихъ изслѣдованія начинающіяся со страха Господня, окончатся атеизмомъ, что ихъ критика церковныхъ обрядовъ приведетъ къ отрицанію религіи.

Либералы всѣхъ странъ, со времени реставраціи, звали народы на низверженіе монархически-феодальнаго устройства во имя равенства, во имя слезъ несчастнаго, во имя страданій притѣсненнаго, во имя голода неимущаго, они радовались гоняя до упаду министровъ, отъ которыхъ требовали неудобо-исполнимаго, они радовались когда одна феодальная подставка падала за другой и до того увлеклись наконецъ, что перешли собственныя желанія. Они опомнились, когда изъ-за полуразрушенныхъ стѣнъ явился — не въ книгахъ, не въ парламентской болтовнѣ, не въ филантропическихъ разглагольствованіяхъ, а на самомъ дѣлѣ—пролетарій, работникъ съ топоромъ и черными руками, голодный и едва одѣтый рубищемъ. Этотъ "несчастный, обдѣленный братъ" о которомъ столько говорили, котораго такъ жалѣли, спросилъ наконецъ, гдѣ-же его доля во всѣхъ благахъ, въ чемъ его свобода, его равенство, его братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли присту-

помъ улицы Парижа, покрыли ихъ трупами и спрятались отъ брата за штыками осаднаго положенія, спасая цивилизацію и порядокъ!

Они правы, только они непослѣдовательны. Зачѣмъ-же они прежде подламывали монархію? Какъже они не поняли, что, уничтожая монархическій принципъ, революція не можетъ остановиться на томъ, чтобъ вытолкать за дверь какую-нибудь династію. Они радовались какъ дѣти, что Людовикъ Филиппъ не успѣлъ доѣхать до С. Клу, а ужъ въ Hôtel de Ville явилось новое правительство и дѣло пошло своимъ чередомъ; въ то время какъ эта легкость переворота должна имъ была показать несущественность его. Либералы были удовлетворены. Но народъ не былъ удовлетворенъ, но народъ поднялъ теперь свой голосъ, онъ повторилъ ихъ слова, ихъ обѣщанія, а они какъ Петръ троекратно отрѣклись и отъ словъ и отъ обѣщанія, какъ только увидѣли, что дѣло идетъ не на шутку — и начали убійства. Такъ Лютеръ и Кальвинъ топили анабаптистовъ, такъ Протестанты отрѣкались отъ Гегеля, и Гегелисты отъ Фейербаха. Таково положеніе реформаторовъ вообще, они собственно наводятъ только понтоны, по которымъ увлеченные ими народы переходятъ съ одного берега на другой. Для нихъ нѣтъ среды лучше какъ конституціонное сумрачное ни-то, ни-сё. И въ этомъ-то мірѣ словопреній, раздора, непримиримыхъ противорѣчій, не измѣняя его, хотѣли эти суетные люди

осуществить свои pia desideria свободы равенства и братства.

Формы европейской гражданственности, ея цивилизація, ея добро и зло разочтены по другой сущности, развились изъ иныхъ понятій, сложились по инымъ потребностямъ. До нѣкоторой степени формы эти, какъ все живое, были измѣняемы, но какъ все живое измѣняемы до нѣкоторой степени, организмъ можетъ воспитываться, отклоняться отъ назначенія, прилаживаться къ вліяніямъ до тѣхъ поръ, пока отклоненія не отрицаютъ его особности, его индивидуальности, то что составляетъ его личность; какъ скоро организмъ встрѣчаетъ такого рода вліянія, дѣлается борьба и организмъ побѣждаетъ или гибнетъ. Явленіе смерти въ томъ и состоитъ, что составныя части организма получаютъ иную цѣль, онѣ не пропадаютъ, пропадаетъ личность, а онѣ вступаютъ въ рядъ совсѣмъ другихъ отношеній, явленій.

Государственныя формы Франціи и другихъ европейскихъ державъ — не совмѣстны по внутреннему своему понятію ни съ свободой, ни съ равенствомъ, ни съ братствомъ, всякое осуществленіе этихъ идей будетъ отрицаніемъ современной европейской жизни, ея смертью. Никакая конституція, никакое правительство не въ состояніи дать феодально-монархическимъ государствамъ истинной свободы и равенства — не разрушая до тла все феодальное и монархическое. Европейская жизнь, христіанская и

аристократическая, образовала нашу цивилизацію, наши понятія, нашъ бытъ; ей необходима христіанская и аристократическая среда. Среда эта могла развиваться сообразно съ духомъ времени, съ степенью образованія, сохраняя свою сущность, въ католическомъ Римѣ, въ кощунствующемъ Парижѣ, въ философствующей Германіи; но далѣе идти нельзя, не переступая границу. Въ разныхъ частяхъ Европы люди могутъ быть посвободнѣе, поровнѣе, нигдѣ не могутъ они быть свободны и равны — пока существуетъ эта гражданская форма, пока существуетъ эта цивилизація. Это знали всѣ умные консерваторы и оттого поддерживали всѣми силами старое устройство. Неужели вы думаете, что Метернихъ и Гизо не видѣли несправѣдливости общественнаго порядка, ихъ окружавшаго?—но они видѣли, что эти несправѣдливости такъ глубоко вплетены во весь организмъ, что стоитъ коснуться до нихъ—все зданіе рухнется; понявши это, они стали стражами status quo. А либералы разнуздали димократію, да и хотятъ воротиться къ прежнему порядку. Кто-же правѣе?

Въ сущности, само собою разумѣется, всѣ неправы —и Гизо и Метернихи и Каваньяки, всѣ они дѣлали дѣйствительныя злодѣянія изъ-за мнимой цѣли, они тѣснили, губили, лили кровь для того чтобъ задержать смерть. Ни Метернихъ съ своимъ умомъ, ни Каваньякъ съ своими солдатами, ни республиканцы съ своимъ непониманіемъ, не могутъ въ самомъ дѣлѣ

остановить потокъ, теченье котораго такъ сильно обозначилось, только вмѣсто облегченія они усыпаютъ людямъ путь толченымъ стекломъ. Идущіе народы пройдутъ, хуже, труднѣе, изрѣжутъ себѣ ноги, но все таки пройдутъ; сила соціальныхъ идей велика, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ихъ началъ понимать истинный врагъ, врагъ по праву существующаго гражданскаго порядка—пролетарій, работникъ; которому досталась вся горечь этой формы жизни и котораго миновали всѣ ея плоды. Намъ еще жаль старый порядокъ вещей, кому-же и пожалѣть его какъ не намъ? онъ только для насъ и былъ хорошъ, мы воспитаны имъ, мы его любимыя дѣти, мы сознаемся что ему надобно умерѣть, но не можемъ ему отказать въ слезѣ. Ну а массы задавленныя работой, изнуренныя голодомъ, притупленныя невѣжествомъ, онѣ о чемъ будутъ плакать на его похоронахъ....? Онѣ были эти неприглашенные на пиръ жизни, о которыхъ говоритъ Малтюсъ, ихъ подавленность была необходимымъ условіемъ нашей жизни.

Все наше образованіе, наше литературное и научное развитіе, наша любовь изящнаго, наши занятія, предполагаютъ среду постоянно расчищаемую другими, приготовляемую другими; надобенъ чей-то трудъ для того, чтобъ намъ доставить досугъ необходимый для нашего психическаго развитія, тотъ досугъ, ту дѣятельную праздность, которая способствуетъ мыслителю сосредоточиваться, поэту

мечтать, эпикурейцу наслаждаться, которая способствуетъ пышному, капризному, поэтическому, богатому развитію нашихъ аристократическихъ индивидуальностей.

Кто не знаетъ, какую свѣжесть духу придаетъ беззаботное довольство; бѣдность вырабатывающаяся до Жильбера исключеніе, бѣдность страшно искажаетъ душу человѣка — не меньше богатство. Забота объ однихъ матеріальныхъ нуждахъ подавляетъ способности. А развѣ довольство можетъ быть доступно всѣмъ при современной гражданской формѣ? Наша цивилизація — цивилизація меньшинства, она только возможна при большинствѣ чернорабочихъ. Я не моралистъ и не сентиментальный человѣкъ; мнѣ кажется, если меньшинству было дѣйствительно хорошо и привольно, если большинство молчало, то эта форма жизни въ прошедшемъ оправдана. Я не жалѣю о двадцати поколѣніяхъ Нѣмцевъ истраченныхъ на то, чтобъ сдѣлать возможнымъ Гёте, и радуюсь, что псковской оброкъ далъ возможность воспитать Пушкина. Природа безжалостна; точно какъ извѣстное дерево, она мать и мачиха вмѣстѣ; она ничего не имѣетъ противъ того, что двѣ трети ея произведеній идутъ на питаніе одной трети, лишь бы они развивались. Когда не могутъ всѣ хорошо жить, пусть живутъ нѣсколько, пусть живетъ одинъ— на счетъ другихъ, лишь бы кому-нибудь было хорошо и широко. Только съ этой точки и можно понять ари-

стократію. Аристократія вообще болѣе или менѣе образованнная антропофагія; Канибалъ, который ѣстъ своего невольника, помѣщикъ, который беретъ страшный процентъ съ земли, фабрикантъ, который богатѣетъ на счетъ своего работника — составляютъ только видоизмѣненія одного и того-же людоѣдства. Я впрочемъ готовъ защищать и самую грубую антропофагію, если одинъ человѣкъ себя разсматриваетъ какъ блюдо, а другой хочетъ его съѣсть—пусть ѣстъ; они стоятъ того, одинъ чтобъ быть людоѣдомъ, другой чтобъ быть кушаніемъ.

Пока развитое меньшинство, поглащая жизнь поколѣній, едва догадывалось отчего ему такъ ловко жить, пока большинство, работая день и ночь; не совсѣмъ догадывалось, что вся выгода работы для другихъ, и тѣ и другіе считали это естественнымъ порядкомъ, міръ антропофагіи могъ держаться. Люди часто принимаютъ предразсудокъ, привычку за истину— и тогда она ихъ не тѣснитъ; но когда они однажды поняли, что ихъ истина вздоръ, дѣло кончено, тогда только силою можно заставить дѣлать то, что человѣкъ считаетъ нелѣпымъ. Учредите постные дни безъ вѣры? —Ни подъ какимъ видомъ; человѣку сдѣлается также невыносимо ѣсть постное, какъ вѣрующему ѣсть скоромное.

Работникъ не хочетъ больше работать для другаго — вотъ вамъ и конецъ антропофагіи, вотъ предѣлъ аристократіи. Все дѣло остановилось теперь за тѣмъ,

что работники не сосчитали своихъ силъ, что крестьяне отстали въ образованіи; когда они протянутъ другъ другу руку, — тогда вы распроститесь съ вашимъ досугомъ, съ вашей роскошью, съ вашей цивилизаціей, тогда окончится поглощеніе большинства на выработываніе свѣтлой и роскошной жизни меньшинству. Въ идеѣ теперь уже кончена эксплуатація человѣка человѣкомъ. Кончена потому, что никто не считаетъ это отношеніе справедливымъ!

Какъ-же этотъ міръ устоитъ противъ соціальнаго переворота? во имя чего будетъ онъ себя отстаивать? — религія его ослабла, монархической принципъ потерялъ авторитетъ; онъ поддерживается страхомъ и насиліемъ; димократическій принципъ ракъ снѣдающій его изнутри.

Духота, тягость, усталь, отвращеніе отъ жизни — разпространяется вмѣстѣ съ судорожными попытками куда-нибудь выйти. Всѣмъ на свѣтѣ стало дурно жить —это великій признакъ.

Гдѣ эта тихая, созерцательная, кабинетная жизнь въ сферѣ знанія и искуствъ, въ которой жили Германцы; гдѣ этотъ вихрь веселья, остроты, либерализма, нарядовъ, пѣсенъ, въ которомъ кружился Парижъ? Все это прошедшее, воспоминаніе. Послѣднее усиліе спасти старый міръ обновленіемъ изъ его собственныхъ началъ не удалось.

Все мельчаетъ и вянетъ на истощенной почвѣ — нѣту талантовъ, нѣту творчества, нѣту силы мысли,

нѣту силы воли; міръ этотъ пережилъ эпоху своей славы, время Шиллера и Гёте прошло также какъ время Рафаеля и Бонаротти, какъ время Вольтера и Руссо, какъ время Мирабо и Дантона; блестящая эпоха индустріи проходитъ, она пережита, такъ какъ блестящая эпоха аристократіи; всѣ нищаютъ, не обогащая никого; кредиту нѣтъ, всѣ перебиваются съ дня на день, образъ жизни дѣлается менѣе и менѣе изящнымъ, граціознымъ, всѣ жмутся, всѣ боятся, всѣ живутъ какъ лавочники, нравы мелкой буржуази сдѣлались общими; никто не беретъ осѣдлости, все на время, наемно, шатко. Это то тяжелое время, которое давило людей въ третьемъ столѣтіи, когда самые пороки древняго Рима утратились, когда императоры стали вялы, легіоны мирны. Тоска мучила людей энергическихъ и беспокойныхъ до того, что они толпами бѣжали куда - нибудь въ Ѳиваидскія степи, кидая на площадь мѣшки золота и разставаясь на вѣкъ и съ родиной и съ прежними богами. — Это время настаетъ для насъ, тоска наша растетъ!

Кайтесь, господа, кайтесь! судъ міру вашему пришелъ. Не спасти вамъ его ни осаднымъ положеніемъ, ни республикой, ни казнями, ни благотвореніями, ни даже раздѣленіемъ полей. Можетъ-быть судьба его не была бы такъ печальна, еслибъ его не защищали съ такимъ усердіемъ и упорствомъ, съ такой безнадежной ограниченностью. Никакое перемиріе не поможетъ

теперь во Франціи; враждебныя партіи не могутъ ни объясниться, ни понять друга друга, у нихъ разныя логики, два разума. Когда вопросы становятся такъ, нѣтъ выхода — кромѣ борьбы, одинъ изъ двухъ долженъ остаться на мѣстѣ—монархія или соціализмъ.

Подумайте, у кого больше шансовъ? Я предлагаю пари за соціализмъ. "Мудрено себѣ представить!"— Мудрено было и христіанству восторжествовать надъ Римомъ. Я часто воображаю, какъ Тацитъ или Плиній, умно разсуждали съ своими пріятелями объ этой нелѣпой сектѣ Назареевъ, объ этихъ Пьеръ Ле - Ру, пришедшихъ изъ Іудеи, съ энергической и полубезумной рѣчью, о тогдашнемъ Прудонѣ явившемся въ самый Римъ проповѣдывать конецъ Рима. Гордо и мощно стояла имперія въ противоположность этимъ бѣднымъ пропагандистамъ—а не устояла однако.

Или вы не видите новыхъ Христіанъ, идущихъ строить; новыхъ варваровъ, идущихъ разрушать?— они готовы, они какъ лава тяжело шевелятся подъ землею, внутри горъ. Когда настанетъ ихъ часъ — Геркуланумъ и Помпея изчезнутъ, хорошое и дурное, правый и виновытый погибнутъ рядомъ. Это будетъ не судъ, не расправа, а катаклизмъ, переворотъ.... Эта лава, эти варвары, этотъ новый міръ, эти Назареи, идущіе покончить дряхлое и безсильное и расчистить мѣсто свѣжему и новому, ближе нежели вы думаете. Вѣдь это они умираютъ отъ голода, отъ холода, они устали надъ нашей головой и подъ нашими

ногами, на чердакахъ и въ подвалахъ, въ то время какъ мы съ вами au premier,

Шампанскимъ вафли запивая,

толкуемъ о соціализмѣ. Я знаю, что это не новость, что оно и прежде было такъ, но прежде они не догадывались, что это очень глупо.

— Но неужели будущая форма жизни вмѣсто прогресса должна водвориться ночью варварства, должна купиться утратами?—Не знаю, но думаю, что образованному меньшинству, если оно доживетъ до этого разгрома и не закалится въ свѣжихъ, новыхъ понятіяхъ, жить будетъ хуже. Многіе возмущаются противъ этого, я нахожу это утѣшительнымъ, для меня въ этихъ утратахъ доказательство, что каждая историческая фаза имѣетъ полную дѣйствительность, свою индивидуальность, что каждая достигнутая цѣль, а не средство; оттого у каждой свое благо, свое хорошее, лично принадлежащее ей и которое съ нею гибнетъ. Что вы думаете, римскіе Патриціи много выиграли въ образѣ жизни, перешедши въ христіанство? или аростократы до революціи развѣ не лучше жили, нежели мы съ вами живемъ?

— Все это такъ, но мысль о крутомъ и насильственномъ переворотѣ, имѣетъ въ себѣ что-то отталкивающее для многихъ. Люди видящіе, что перемѣна необходима, желали бы чтобъ она сдѣлалась исподволь. Сама природа, говорятъ они, по мѣрѣ того какъ она складывалась и становилась богаче, развитѣе, пе-

рестала прибѣгать къ тѣмъ страшнымъ катаклизмамъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ кора земнаго шара, наполненная костями цѣлыхъ населеній погибнувшихъ въ ея перевороты; тѣмъ болѣе стройная, покойная метаморфоза свойственна той степени развитія природы, въ которой она достигла сознанія.

— Она достигла его нѣсколькими головами, малымъ числомъ избранныхъ, остальные достигаютъ еще и оттого покорены Naturgewalt-амъ, инстинктамъ, темнымъ влеченіямъ, страстямъ. Для того чтобъ мысль ясная и разумная для васъ, была мыслію другаго недостаточно, чтобъ она была истинна, для этого нужно, чтобъ его мозгъ былъ развитъ такъ-же какъ вашъ, чтобъ онъ былъ освобожденъ отъ преданія. Какъ вы уговорите работника терпѣть голодъ и нужду, пока исподволь перемѣнится гражданское устройство? Какъ вы убѣдите собственника, ростовщика, хозяина разжать руку, которой онъ держится за свои монополи и права? Трудно представить себѣ такое самоотверженіе. Что можно было сдѣлать—сдѣлано; развитіе средняго сословія, конституціонный порядокъ дѣлъ ничто иное какъ промежуточная форма, связующая міръ феодально-монархическій съ соціально-республиканскимъ. Буржуази именно представляетъ это полуосвобожденіе, эту дерзкую нападку на прошедшее съ желаніемъ унаслѣдовать его власть. Она работала для себя — и была права. Человѣкъ серьезно дѣлаетъ что-нибудь — только тогда когда дѣлаетъ для

себя. Не могла-же буржуази себя принимать за уродливое, промежутное звѣно, она принимала себя за цѣль; но такъ какъ ея нравственный принципъ былъ меньше и бѣднѣе прошлаго, а развитіе идетъ быстрѣе и быстрѣе, то и нечему дивиться, что міръ буржуази истощился такъ скоро и не имѣетъ въ себѣ болѣе возможности обновленія. Наконецъ подумайте, въ чемъ можетъ быть этотъ переворотъ исподволь — въ раздробленіи собственности, въ родѣ того что было сдѣлано въ первую революцію? — Результатъ этого будетъ тотъ, что всѣмъ на свѣтѣ будетъ мерзко; мелкій собственникъ — худшій буржуа изъ всѣхъ; всѣ силы, таящіяся теперь въ многострадальной, но мощной груди пролетарія изсякнутъ; правда, онъ не будетъ умирать съ голода, да на этомъ и остановится, ограниченный своимъ клочкомъ земли, или своей коморкой въ работничьихъ казармахъ. Такова перспектива мирнаго, органическаго переворота. Если это будетъ, тогда главный потокъ исторіи найдетъ себѣ другое русло, онъ не потеряется въ пескѣ и глинѣ, какъ Рейнъ, человѣчество не пойдетъ узкимъ и грязнымъ проселкомъ, — ему надобно широкую дорогу. Для того чтобъ расчистить ее, оно ничего не пожалѣетъ.

Въ природѣ консерватизмъ такъ-же силенъ какъ революціонный элементъ. Природа дозволяетъ жить старому и не нужному, пока можно; но она не пожалѣла Мамонтовъ и Мастодонтовъ для того, чтобъ

уладить земной шаръ. Переворотъ ихъ погубившій, не былъ направленъ противъ нихъ; еслибъ они могли какъ-нибудь спастись, они бы уцѣлѣли и потомъ спокойно и мирно выродились бы, окруженные средой имъ не свойственной. Мамонты, которыхъ кости и кожу находятъ въ сибирскихъ льдахъ, вѣроятно спаслись отъ геологическаго переворота; это Комнены, Палеологи въ феодальномъ мірѣ. Природа ничего не имѣетъ противъ этого, также какъ исторія. Мы ей подкладываемъ сентиментальную личность и наши страсти, мы забываемъ нашъ метафорическій языкъ и принимаемъ образъ выраженія за самое дѣло. Не замѣчая нелѣпости, мы вносимъ маленькія правила нашего домашняго хозяйства во всемірную экономію, для которой жизнь поколѣній, народовъ, цѣлыхъ планетъ не имѣетъ никакой важности въ отношеніи къ общему развитію. Въ противуположность намъ субъективнымъ, любящимъ одно личное, для природы гибель частнаго, исполненіе той-же необходимости, той-же игры жизни, какъ возникновеніе его, она не жалѣетъ объ немъ потому, что изъ ея широкихъ объятій ничего не можетъ утратиться, какъ ни измѣняйся.

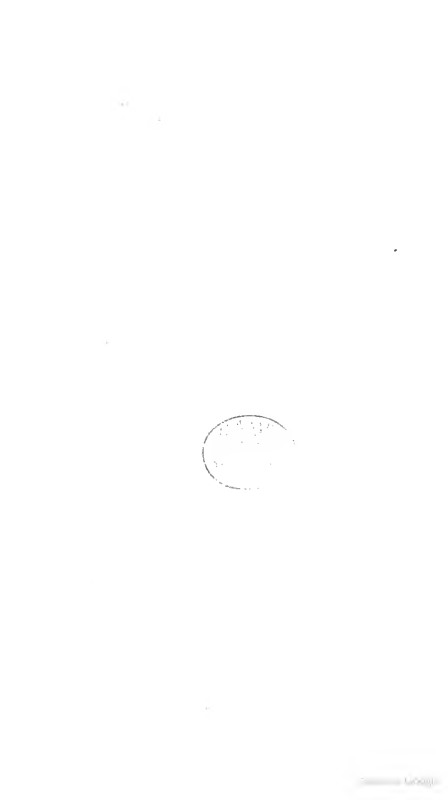
1 октября 1848 года.
Champs Elysées.

IV.

VIXERUNT!

Смертiю смерть поправъ.

(Заутреня передъ Свѣтлымъ Воскресенiемъ.)

Двадцатое Ноября 1848 года, въ Парижѣ, погода была ужасная, суровый вѣтеръ съ преждевременнымъ снѣгомъ и инеемъ въ первый разъ послѣ лѣта напоминалъ о приближеніи зимы. Зимы ждутъ здѣсь какъ общественнаго несчастія, неимущіе приготовляются дрогнуть въ нетопленныхъ мансардахъ, безъ теплой одежды, безъ достаточной пищи; смертность увеличивается въ эти два мѣсяца изморози, гололедицы и сырости; лихорадки изнуряютъ и лишаютъ силы рабочихъ людей.

Въ этотъ день совсѣмъ не разсвѣтало, мокрый снѣгъ тая, падалъ безпрерывно въ туманномъ воздухѣ, вѣтеръ рвалъ шляпы и съ ожесточеніемъ тормошилъ сотни трехцвѣтныхъ флаговъ привязанныхъ къ высокимъ шестамъ около площади Согласія. Густыми массами стояли на ней войска и народная стража, въ воротахъ Тьюлерійскаго сада былъ разбитъ

какой-то наметъ съ христіанскимъ крестомъ на верху; отъ сада до обелиска площадь, оцѣпленная солдатами, была пуста. Линейные полки, Мобиль, уланы, драгуны, артиллерія наполняли всѣ улицы идущія къ площади. Незнавшему нельзя было догадаться что тутъ готовилось.....не снова - ли царская казнь.....не объявленіе-ли, что отечество въ опасности....? Нѣтъ, это было 21 Января не для короля, а для народа, для революціи.....это были похороны 24 Февраля!

..... Часу въ девятомъ утра нестройная кучка пожилыхъ людей стала пробираться черезъ мостъ; печально плелись они, поднявши воротники пальто и выискивая не твердой ногой гдѣ посуше ступить. Передъ ними шли двое вожатыхъ. Одинъ, закутанный въ африканской кабанъ, едва выказывалъ жесткія, суровыя черты средневѣковаго кондотьера; въ его исхудаломъ и болѣзненномъ лицѣ не примѣшивалось ничего человѣческаго, смягчающаго къ чертамъ хищной птицы; отъ хилой фигуры его вѣяло бѣдой и несчастіемъ. Другой, толстый, разодѣтый, съ кудрявыми сѣдыми волосами, шелъ въ одномъ фракѣ, съ видомъ изученной, оскорбительной небрежности; на его лицѣ нѣкогда красивомъ, осталось одно выраженіе сладострастно - сознательнаго довольства почетомъ, своимъ мѣстомъ.

Ни какое привѣтствіе не встрѣтило ихъ, одни покорныя ружья брякнули на караулъ. Въ то-же время, съ противуположной стороны, отъ Мадлены, двига-

лась другая кучка людей, еще болѣе странныхъ, въ средневѣковомъ нарядѣ, въ митрахъ и ризахъ; — окруженные кадильницами, съ четками и молитвенниками, они казались давно умершими и забытыми тѣнями феодальныхъ вѣковъ.

Зачѣмъ шли тѣ и другіе?

Одни шли провозглашать подъ охраною ста тысячи штыковъ, народную волю, уложеніе составленное подъ выстрѣлами, обсуженное въ осадномъ положеніи—во имя свободы, равенства и братства; другіе шли благословить этотъ плодъ философіи и революціи во имя отца и сына и святаго духа.

Народъ не пришелъ даже взглянуть на эту пародію. Онъ грустными толпами гулялъ около общаго гроба всѣхъ падшихъ за него братій, около іюньской колонны. Мелкіе лавочники, разнощики, сидѣльцы, дворники близь лежащихъ домовъ, трактирные слуги, да наша братья — иностранные туристы — составляли кайму за шпалерами войскъ и вооруженныхъ буржуа. Но и эти зрители смотрѣли съ удивленіемъ на чтеніе, котораго слышать было невозможно, на маскарадныя платья судей — красныя, чёрныя, съ мѣхомъ и безъ мѣха, на снѣгъ, который хлесталъ въ глаза, на боевой порядокъ войскъ, которому придавали что-то грозное выстрѣлы съ эспланады Инвалиднаго дома. Солдаты и пальба невольно напоминали іюньскіе дни, сердце сжималось. Лица у всѣхъ были озабочены, будто всѣ имѣли сознаніе своей неправоты — одни оттого, что

совершаютъ преступленіе, другіе оттого, что участвуютъ въ немъ, допустивъ его. При малѣйшемъ шорохѣ, шумѣ, тысячи головъ оборачивались, ожидая вслѣдъ за тѣмъ свистъ пули, крикъ возстанія, мѣрный звукъ набата. Вьюга продолжалась. Войска, промокнувшіе до костей, роптали; наконецъ ударилъ барабанъ, масса шевельнулась и началась безконечная дефилея подъ бѣдные звуки Mourir pour la patrie, которыми замѣнили великую Марсельезу.

Около этого времени, молодой человѣкъ, съ которымъ мы уже знакомы, продрался сквозь толпу къ человѣку среднихъ лѣтъ и сказалъ ему съ знаками истинной радости "вотъ не ожиданное счастье, я не зналъ что вы здѣсь".

— Ахъ, здраствуйте! — отвѣчалъ тотъ, дружески протягивая ему обѣ руки, — давно-ли вы пріѣхали?

— На дняхъ.

— Откуда?

— Изъ Италіи.

— Ну что, плохо?

— Лучше не говорить.....скверно.

— То-то, мой милый мечтатель и идеалистъ — я зналъ, что вы не устоите противъ февральскаго искушенія и приготовите себѣ этимъ много страданій, страданія всегда достигаютъ уровня надеждъ...Вы все жаловались на застой, на дремоту въ Европѣ. Съ этой стороны, кажется, нельзя ее упрекнуть теперь?

— Не смѣйтесь! Есть обстоятельства, надъ которы-

ми смѣяться не хорошо, какой бы скептицизмъ ни былъ въ душѣ. Слезъ не достаетъ подъ часъ, время-ли трунить? Мнѣ, я признаюсь вамъ, страшно обернуться, страшно вспомнить; году еще нѣтъ, какъ мы съ вами разстались, а точно вѣкъ прошелъ. Видѣть исполняющимися всѣ лучшія упованія, всѣ задушевныя надежды, видѣть возможность ихъ осуществленія — и пасть такъ глубоко, такъ низко! все утратить и не въ бою, не въ борьбѣ съ врагомъ, а отъ собственнаго безсилья, неумѣнья — это страшно. Мнѣ стыдно встрѣчаться съ какимъ-нибудь легитимистомъ; они смѣются въ глаза и я чувствую что они правы. Какая школа—не развитія, а притупленія всѣхъ способностей. Я ужасно радъ что столкнулся съ вами, у меня наконецъ просто сдѣлалась необходимость васъ видѣть; я съ вами заочно ссорился и мирился, написалъ какъ-то вамъ предлинное письмо и теперь душевно радъ, что изодралъ его — оно было полно дерзкихъ надеждъ, я думалъ васъ побить ими, а теперь мнѣ хотѣлось бы чтобъ вы окончательно увѣрили меня, что этотъ міръ гибнетъ, что ему выхода нѣтъ, что ему назначено заглохнуть, порости травой. Теперь вы меня не огорчите, да впрочемъ я и не ждалъ облегченія отъ встрѣчи съ вами; отъ вашихъ словъ мнѣ становится всякой разъ тяжеле, а не легче.... да, я этого-то и хочу.... убѣдите меня, и я завтра ѣду въ Марсель и отправляюсь съ первымъ пароходомъ въ Америку или въ Египетъ, лишь бы вонъ изъ Европы.

Я усталъ, я изнемогаю здѣсь, я чувствую болѣзнь въ груди, въ мозгу, я сойду съ ума, если останусь.

— Мало нервныхъ болѣзней упорнѣе идеализма. Я васъ застаю послѣ всѣхъ событій, случившихся въ послѣднее время, такимъ какъ оставилъ. Вы лучше хотите страдать нежели понимать. Идеалисты большіе баловни и большіе трусы; я ужъ извинялся за это выраженіе, вы знаете, что тутъ рѣчь не о личной храбрости, ея почти слишкомъ много. Идеалисты трусы передъ истиной, вы ее отталкиваете, вы боитесь фактовъ, не идущихъ подъ ваши теоріи. Вы думаете, что помимо вами открытыхъ путей, нѣтъ міру спасенія; вы хотите чтобъ за вашу преданность, міръ плясалъ по вашей дудкѣ, и какъ только замѣчаете, что у него свой шагъ и свой тактъ, вы сердитесь, вы въ отчаяніи, вы даже не имѣете любопытства посмотрѣть на его собственную пляску.

— Называйте какъ хотите, трусостью или глупостью — но дѣйствительно у меня нѣтъ любопыства видѣть этотъ макабрской танецъ, у меня нѣтъ пристрастія Римлянъ къ страшнымъ зрѣлищамъ, можетъ оттого что я не понимаю всѣхъ тонкостей—искуства умирать.

— Достоинство любопытства мѣряется достоинствомъ зрѣлища. Публика Колизея состояла изъ той же праздной толпы, которая тѣснилась на аутодафе, на казняхъ—сегодня пришла сюда, чтобъ чѣмъ-нибудь занять внутреннюю пустоту, завтра пойдетъ съ

тѣмъ-же усердіемъ смотрѣть какъ будутъ вѣшать кого-нибудь изъ нынѣшнихъ героевъ. Есть другое, болѣе почтенное любопытство, корни его въ болѣе здоровой почвѣ, оно ведетъ къ знанію, къ изученію, оно мучится объ неоткрытой части свѣта, подвергается заразѣ, чтобъ узнать ея свойство.

— Словомъ, которое имѣетъ въ виду пользу, но какая-же польза смотрѣть на умирающаго, зная что время помощи прошло? Это просто поэзія любопытства.

— Для меня, это поэтическое любопытство, какъ вы называете его, чрезвычайно человѣчественно—я уважаю Плинія, остающагося досматривать грозное изверженіе Везувія въ своей лодкѣ, забывающаго явную опасность. Удалиться было благоразумнѣе и во всякомъ случаѣ покойнѣе.

— Я понимаю намекъ; но сравненіе ваше не совсѣмъ идетъ, при гибели Помпеи нечего было дѣлать человѣку, смотрѣть или идти прочь зависило отъ него. Я хочу уйти не отъ опасности, а оттого что не могу остаться дольше; подвергаться опасности гораздо легче, нежели кажется издали; но видѣть гибель сложа руки, знать что не принесешь никакой пользы, понимать чѣмъ можно бы помочь и не имѣть возможности передать, указать, растолковать; быть празднымъ свидѣтелемъ, какъ люди, пораженные какимъ то повальнымъ безуміемъ, мечутся, крутятся, губятъ другъ друга, какъ ломится цѣлая цивилизація, цѣлый

міръ, вызывая хаосъ и разрушеніе—это выше силъ человѣка. Съ Везувіемъ нечего дѣлать, но въ мірѣ исторіи человѣкъ дома, тутъ онъ не только зритель, но и дѣятель, тутъ онъ имѣетъ голосъ и если не можетъ принять участія, онъ долженъ протестовать хоть своимъ отсутствіемъ.

— Человѣкъ конечно дома въ исторіи, — но изъ вашихъ словъ можно подумать, что онъ гость въ природѣ; какъ будто между природой и исторіей каменная стѣна. Я думаю, онъ тамъ и тутъ дома, но ни тамъ, ни тутъ не самовластный хозяинъ. Человѣкъ оттого не такъ оскорбляется непокорностью природы, что ея самобытность очевидна для него; мы вѣримъ въ ея дѣйствительность независимую отъ насъ; а въ дѣйствительность исторіи, особенно современной, не вѣримъ; въ исторіи человѣку кажется воля вольная дѣлать что хочетъ. Все это горькіе слѣды дуализма, отъ котораго такъ долго двоилось у насъ въ глазахъ и мы колебались между двумя оптическими обманами; дуализмъ утратилъ свою грубость, но и теперь незамѣтно остается въ нашей душѣ. Нашъ языкъ, наши первыя понятія, сдѣлавшіяся естественными отъ привычки, отъ повтореній, мѣшаютъ видѣть истину. Еслибъ мы не знали съ пятилѣтняго возраста, что исторія и природа совершенно разное, намъ было бы легко понимать, что развитіе природы незамѣтно переходитъ въ развитіе человѣчества; что это двѣ главы одного романа, двѣ фазы одного процесса,

очень далекія на закраинахъ и чрезвычайно близкія въ серединѣ. Насъ не удивило бы тогда, что доля всего совершающагося въ исторіи покорена физіологіи, темнымъ влеченіямъ. Разумѣется, законы историческаго развитія, не противуположны законамъ логики, но они не совпадаютъ въ своихъ путяхъ съ путями мысли; такъ какъ ничто въ природѣ не совпадаетъ съ отвлеченными нормами, которыя троитъ чистый разумъ. Зная это, мы устремились бы на изученіе, на открытіе этихъ физіологическихъ вліяній. Дѣлаемъ ли мы это? Занимался-ли кто-нибудь серьезно физіологіей общественной жизни, исторіей какъ дѣйствительно объективной наукой? — никто, ни консерваторы, ни радикалы, ни философы, ни историки.

— Однако дѣйствовали много; можетъ потому, что намъ такъ-же естественно дѣлать исторію, какъ пчелѣ медъ, что это не плодъ размышленій, а внутренняя потребность духа человѣческаго.

— Вы хотите сказать инстинктъ. Вы правы, онъ велъ, онъ и теперь еще ведетъ массы. Но мы не въ томъ положеніи, мы утратили дикую мѣткость инстинкта, мы на столько рефлектеры, что заглушили въ себѣ естественныя влеченія, которыми исторія пробивается къ дальнѣйшему. Мы вообще городскіе жители, равно лишенные физическаго и нравственнаго такта, — земледѣлецъ, морякъ, знаетъ впередъ погоду, а мы нѣтъ. У насъ осталось отъ инстинкта одно безпокойное желаніе дѣйствовать — и это пре-

красно. Сознательнаго дѣйствія, т. е. такого, которое бы вполнѣ удовлетворяло, не можетъ еще быть, мы дѣйствуемъ ощупью. Мы все пробуемъ втѣснять свои мысли, свои желанія — средѣ, насъ окружающей, и эти опыты, постоянно неудачные, служатъ для нашего воспитанія. Вы досадуете, что народы не исполняютъ мысль дорогую вамъ, ясную для васъ, что они не умѣютъ спастись оружіями, которыя вы имъ даете — и перестать страдать; но почему вы думаете, что народъ именно долженъ исполнять вашу мысль, а не свою, именно въ это время, а не въ другое? увѣрены-ли вы, что средство, вами придуманное, не имѣетъ неудобствъ; увѣрены-ли вы, что онъ понимаетъ его, увѣрены-ли вы, что нѣтъ другого средства, что нѣтъ цѣлей шире?—Вы можете угадать народную мысль, это будетъ удача, но скорѣй вы ошибетесь. Вы и массы принадлежите двумъ разнымъ образованіямъ, между вами вѣка, больше нежели океаны, которые теперь переплываютъ такъ легко. Массы полны тайныхъ влеченій, полны страстныхъ порывовъ, у нихъ мысль не разъединилась съ фантазіей, у нихъ она не остается по нашему теоріей, она у нихъ тотчасъ переходитъ въ дѣйствіе, имъ оттого и трудно привить мысль, что она не шутка для нихъ. Оттого онѣ иногда обгоняютъ самыхъ смѣлыхъ мыслителей, увлекаютъ ихъ по неволѣ, покидаютъ середь дороги тѣхъ, которымъ поклонялись вчера, и отстаютъ отъ другихъ вопреки очеви-

дности; онѣ дѣти, онѣ женщины, онѣ капризны, бурны, непостоянны. Вмѣсто того чтобъ изучить эту самобытную физіологію рода человѣческаго, сродниться, понять ея пути, ея законы, мы принимаемся критиковать, учить, приходить въ негодованіе, сердиться, какъ будто народы или природа отвѣчають за что-нибудь, какъ будто имъ есть дѣло, нравится-ли намъ или не нравится ихъ жизнь, которая влечетъ ихъ по неволѣ къ неяснымъ цѣлямъ и безотвѣтнымъ дѣйствіямъ! До сихъ поръ это дидактическое, жреческое отношеніе имѣло свое оправданіе, но теперь оно становится смѣшно и ведетъ насъ къ битой роли — разочарованныхъ. Вы обижены тѣмъ, что дѣлается въ Европѣ, васъ возмущаетъ эта свирѣпая, тупая и побѣдоносная реакція; и меня также, но вы вѣрные романтизму — сердитесь, хотите бѣжать для того только, чтобъ не видать истины. Я согласенъ, что пора выходить изъ нашей искуственной, условной жизни, но не бѣгствомъ въ Америку. Что вы тамъ найдете? Сѣверные штаты послѣднее опрятное изданіе того-же феодально-христіанскаго текста, да еще въ грубомъ англійскомъ переводѣ; годъ тому назадъ отъѣздъ вашъ не имѣлъ бы ничего удивительнаго — обстоятельства тащились томно, вяло. А какъ-же ѣхать въ пущій разгаръ перелома, когда все въ Европѣ бродитъ, работаетъ, когда падаютъ вѣковыя стѣны, кумиръ валится за кумиромъ, когда въ Вѣнѣ научились строить баррикады....

— Дополните пожалуйста, а въ Парижѣ научились ихъ ломать ядрами. Когда вмѣстѣ съ кумирами, (которые впрочемъ возстановляются на другой день), падаютъ на всегда лучшіе плоды европейской жизни, такъ трудно выработанные, выращенные вѣками. Я вижу судъ, я вижу казнь, смерть; но я не вижу ни воскресенія, ни помилованія. Эта часть свѣта кончила свое, силы ея истощились; народы, живущіе въ этой полосѣ, дожили до конца своего призванія, они начинаютъ тупѣть, отставать. Исторія по видимому нашла другое русло; я иду туда; вы мнѣ сами доказывали въ прошломъ году что-то подобное — помните, на пароходѣ, когда мы плыли изъ Генуи въ Чивитту.

— Помню, это было передъ грозой. Только тогда вы возражали мнѣ, а теперь согласились черезъ край. Вы не жизнію, не мыслію дошли до вашего новаго взгляда, оттого вмѣсто спокойнаго характера, онъ имѣетъ у васъ характеръ судорожный; вы дошли до него par dépit, отъ минутнаго отчаянія, которымъ вы наивно и безъ намѣренія прикрыли прежнія надежды. Еслибъ этотъ взглядъ не былъ въ васъ капризомъ будирующаго любовника, а просто трезвымъ знаніемъ того что дѣлается, вы иначе выражались бы, иначе смотрѣли бы; вы оставили бы личную rancune, вы забыли бы себя, тронутые и исполненные ужаса, при видѣ трагической судьбы, совершающейся передъ вашими глазами; но идеалисты скупы

на то чтобъ отдаваться, они такъ-же упорно себялюбивы, какъ монахи, которые переносятъ всякія лишенія, не выпуская изъ виду себя, свою личность, награду. Чего вы боитесь оставаться здѣсь? развѣ вы уходите изъ театра при началѣ пятаго дѣйствія каждой трагедіи, боясь разстроить нервы?...Судьба Эдипа не облегчится тѣмъ, что вы оставите партеръ, онъ все такъ-же погибнетъ. Оставаться до послѣдней сцены лучше, иногда зритель задавленный, сломанный несчастіемъ Гамлета, встрѣтитъ молодаго Фортинбраса, полнаго жизни и надеждъ. Самое зрѣлище смерти торжественно — въ немъ лежитъ великое поученіе... Туча, висѣвшая надъ Европой, не дозволявшая никому свободно дышать, разразилась, молнія за молніей, ударъ за ударомъ, земля трясется, а вы хотите бѣжать оттого, что Радецкій взялъ Миланъ, а Каваньякъ Парижъ. Вотъ что значитъ не признавать объективность исторіи; я ненавижу смиреніе но въ этихъ случаяхъ смиреніе показываетъ пониманье, тутъ мѣсто покорности передъ исторіей, признанія ея. Сверхъ того она лучше идетъ нежели можно было ожидать. За что-же вы сердитесь? Мы приготовлялись зачахнуть, увянуть въ нездоровой и утомительной средѣ медленнаго старчества, а у Европы вмѣсто маразма открылся тифусъ; она рушится, разваливается, таетъ, забывается ..... забывается до того, что въ ея борьбахъ обѣ стороны бредятъ и не понимаютъ больше ни себя, ни врага. Пятое

дѣйствіе трагедіи началось 24 февраля; грусть, трепетное состояніе духа совершенно естественно, ни одинъ серьезный человѣкъ не глумится при такихъ событіяхъ, но это далеко отъ отчаянія и отъ вашего взгляда. Вы воображаете, что вы отчаяваетесь оттого, что вы революціонеръ и ошибаетесь; вы отчаяваетесь оттого, что вы консерваторъ.

— Очень благодаренъ; по вашему, я стою на одной доскѣ съ Радецкимъ и Виндишгрецомъ.

— Нѣтъ, вы гораздо хуже. Какой-же консерваторъ Радецкій? онъ все ломаетъ, онъ чуть не подорвалъ порохомъ Миланской соборъ. Неужели вы серьезно полагаете что это консерватизмъ, когда дикіе Кроаты берутъ приступомъ австрійскіе города и не оставляютъ тамъ камня на камнѣ? Ни они, ни ихъ генералы не знаютъ что дѣлаютъ, но только они не хранятъ. Вы все судите по знаменамъ: эти за императора — консерваторы, эти за республику — революціонеры. Ныньче монархическое начало и консерватизмъ дерутся съ обѣихъ сторонъ. Самый вредный консерватизмъ тотъ, который со стороны республики, тотъ, который проповѣдуете вы.

— Однако не мѣшало бы сказать что я стремлюсь сохранить, въ чемъ именно вы находите мой революціонный консерватизмъ?

— Скажите, вѣдь вамъ досадно, что конституція, которую сегодня провозглашаютъ, такъ глупа?

— Разумѣется.

— Васъ сердитъ, что движеніе въ Германіи ушло сквозь франкфуртскую воронку и исчезло, что Карлъ Альбертъ не отстоялъ независимость Италіи, что Пій IX оказывается какъ-то изъ рукъ вонъ плохъ?

— Что-же изъ этого? я не хочу и защищаться.

— Это-то и есть консерватизмъ. Еслибъ ваши желанія исполнились, вышло бы торжественное оправданіе стараго міра. Все было бы оправдано—кромѣ революціи.

— Стало быть, намъ остается радоваться, что Австрійцы побѣдили Ломбардію?

— Зачѣмъ-же радоваться? Ни радоваться, ни удивляться; Ломбардія не могла освободиться демонстраціями въ Миланѣ и помощію Карла Альберта.

— Хорошо намъ здѣсь разсуждать объ этомъ sub specie eternitatis...Впрочемъ я умѣю отдѣлять человѣка отъ его діалектики; я увѣренъ, что вы забыли бы всѣ ваши теоріи передъ грудами труповъ, передъ ограбленными городами, оскорбленными женщинами, передъ дикими солдатами въ бѣлыхъ мундирахъ.

— Вы вмѣсто отвѣта дѣлаете воззваніе къ состраданію, которое всегда удается. Сердце есть у всѣхъ, кромѣ у нравственныхъ уродовъ. Судьбой Милана такъ-же легко тронуть какъ судьбою герцогини Ламбаль, человѣку естественно сострадать; вы не вѣрьте Лукрецію, что нѣтъ больше наслажденія, какъ смотрѣть съ берега на тонущій корабль—это клевета поэта. Случайныя жертвы, падающія отъ дикой силы, возмущаютъ все

нравственное существо наше. Я не видалъ Радецкаго въ Миланѣ, но видѣлъ чуму въ Александріи, я знаю какъ эти роковые бичи унижаютъ, оскорбляютъ человѣка, но на этомъ плачѣ останавливаться — бѣдно, слабо. Рядомъ съ негодованіемъ въ душѣ является непреоборимое желаніе противудѣйствія, борьбы, изслѣдованія, изыскапія средствъ, причинъ. Чувствительностію не разрѣшишь этихъ вопросовъ. Доктора разсуждаютъ о трудно-больномъ не такъ, какъ безутѣшные родственники, они могутъ въ душѣ плакать, принимать участіе, но для борьбы съ болѣзнію надобно пониманье, а не слезы. Наконецъ, какъ бы врачъ ни любилъ больнаго, онъ не долженъ теряться, онъ не долженъ удивляться приближенію смерти, неотразимость которой онъ понялъ. Впрочемъ если вы жалѣете только людей, гибнувшихъ при этомъ страшномъ броженіи и разгромѣ, вы правы; къ безчувственности надобно воспитаться; люди, не имѣющіе никакаго сострадапія къ ближнему — военноначальники, министры, судьи, палачи—всею жизнію своей отучали себя отъ всего человѣческаго, еслибъ имъ не удалось это, они остановились бы на полъ-дорогѣ. Ваша скорбь вполнѣ оправдана, и я не имѣю для васъ утѣшеній — развѣ одни количественныя: вспомните, что все случившееся, отъ возстанія въ Палермѣ до взятія Вѣны, не стоило Европѣ трети людей, погибнувшихъ подъ Эйлау, на примѣръ. Наши понятія такъ еще сбиты, что мы не

умѣемъ считать падшихъ, если они пали въ рядахъ, куда ихъ привела не охота драться, не убѣжденіе, а гражданская чума, называемая рекрутствомъ. Павшіе за баррикадами знали по-крайнѣй-мѣрѣ за что падаютъ; ну а тѣ еслибъ могли слышать чѣмъ началось рѣчное свиданіе двухъ императоровъ, имъ пришлось бы краснѣть за свою храбрость. "Изъ чего мы съ вами деремся? — спросилъ Наполеонъ — это недоразумѣніе". "Въ самомъ дѣлѣ, не изъ чего" — отвѣчалъ Александръ и они поцаловались. Десятки тысячъ воиновъ, съ удивительной отвагой, перебили бездну другихъ и сами легли костьми изъ-за недоразумѣнія. Какъ бы то ни было, мало-ли, много-ли погибло людей, повторяю, ихъ жаль, очень жаль. Но мнѣ кажется, что вы печалитесь не объ однихъ людяхъ, вы еще что-то оплакиваете!

— Очень многое. Я оплакиваю революцію 24 февраля, такъ величественно начавшуюся и такъ скромно погибнувшую. Республика была возможна, я ее видѣлъ, я дышалъ ея воздухомъ; республика была не мечта, а быль, и что-же изъ нея сдѣлалось? Мнѣ ее жаль, такъ какъ жаль Италію, проснувшуюся для того, чтобъ на другой день быть побѣжденной, такъ какъ жаль Германію, которая встала во весь ростъ для того, чтобъ упасть къ ногамъ своихъ тридцати помѣщиковъ. Мнѣ жаль, что человѣчество опять отодвинулось на цѣлое поколѣніе, что движеніе опять заморено, остановлено.

— Что касается до движенія собственно, его не уймешь. Девизъ нашего времени, больше нежели когда-нибудь semper in motu...а видите какъ я былъ правъ, упрекая васъ въ консерватизмѣ, онъ у васъ доходитъ до противурѣчій. Не вы-ли мнѣ разсказывали, годъ тому назадъ, о страшномъ нравственномъ паденіи образованныхъ сословій во Франціи и вдругъ повѣрили, что за ночь изъ нихъ сдѣлались республиканцы, что оттого что народъ прогналъ въ три шеи упрямаго старика и на мѣсто упорнаго квекера, окруженнаго мелкими дипломатами, позволилъ сѣсть безхарактерному теофилантропу, окруженному мелкими журналистами.

— Теперь легко быть проницательнымъ.

— И тогда было не трудно, 26 Февраля опредѣлило весь характеръ 24го. Всѣ неконсерваторы поняли, что эта республика игра словъ — Бланки и Прудонъ, Барбесъ и Пьеръ Ле-Ру. Тутъ не даръ пророчества нуженъ, а навыкъ добросовѣстнаго изученія, привычка наблюдать, вотъ оттого-то я и рекомендую укрѣплять, изощрять умъ естественными науками. Натуралистъ привыкаетъ не вносить до поры, до времени, ничего своего, слѣдитъ, выжидаетъ; онъ не проронитъ ни одного признака, ни одной перемѣны, онъ ищетъ истину безкорыстно, не подкладывая ни любви своей, ни своей ненависти. Замѣтьте, что самый проницательный публицистъ первой революціи былъ коновалъ и что химикъ Распаль 27 февраля

печаталъ въ своемъ журналѣ, который сожгли студенты въ quartier latin, то, что теперь всѣ увидѣли, но чего уже поправить нельзя. Непростительно было ждать что-нибудь отъ политическаго сюрприза 24 февраля — кромѣ броженія; оно и началось съ этого дня и это великій результатъ его; отрицать броженіе нельзя, оно влечетъ Францію и всю Европу отъ потрясенія къ потрясенію. Того-ли вы хотѣли, того-ли ждали? Нѣтъ, вы ждали что благоразумная республика удержится на золотушныхъ ножкахъ ламартиновской елейности, обернутыхъ бюльтенями Ледрю-Роллена. Это было бы всемірное несчастіе, такая республика была бы самымъ тяжелымъ тормазомъ, который задержалъ бы всѣ колеса исторіи. Республика временнаго правительства, основанная на старыхъ монархическихъ началахъ, была бы вреднѣе всякой монархіи. Она явилась не какъ нелѣпость насилія, а какъ вольное соглашеніе, не какъ историческое несчастіе, а какъ нѣчто раціональное, справедливое съ своимъ тупымъ большинствомъ голосовъ и съ своею ложью на знамени. Слово "республика" имѣло ту нравственную силу, которой нѣтъ больше ни у одного трона; обманывая своимъ именемъ, она ставила подпорки для поддержки падующаго государственнаго устройства. Реакція спасла движеніе, реакція сбросила маски и этимъ спасла революцію. Люди, которые годы остались бы въ опьяненіи отъ ламартиновскаго лаудану-

ма, протрезвѣли отъ трехмѣсячнаго осаднаго положенія; они знаютъ теперь, что значитъ усмирять возмущенія по понятіямъ этой республики. Вещи, которыя были доступны для нѣсколькихъ человѣкъ, доступны всѣмъ; всѣ знаютъ, что не Каваньякъ виноватъ въ томъ что дѣлалось, что винить палача глупо, что онъ больше гадокъ нежели виноватъ. Реакція не зная что дѣлаетъ, подрубила ноги послѣднимъ кумирамъ, за которыми какъ за нрестоломъ въ алтарѣ прятался старый порядокъ. Народъ не вѣритъ теперь въ республику и превосходно дѣлаетъ, пора перестать вѣрить въ какую бъ то ни было единую, спасающую церковь. Религія республики была на мѣстѣ въ 93 г. и тогда она была колоссальна, велика, тогда она произвела этотъ величавый рядъ гигантовъ, которыми замыкается длинная эра политическихъ переворотовъ. Формальная республика показала себя послѣ іюньскихъ дней. Теперь начинаютъ понимать несовмѣстность братства и равенства съ этими капканами называемыми ассизами; свободы и этихъ боинь подъ именемъ военносудныхъ коммиссіи; теперь никто не вѣритъ въ подтасованныхъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ въ жмурки судьбу людей, безъ аппеляцій; въ гражданское устройство, защищающее только собственность, ссылающее людей въ видѣ мѣры общественнаго спасенія, содержащее хоть сто человѣкъ постояннаго войска, которые не спрашивая причины, готовы спустить курокъ по первой коман-

дѣ. Вотъ польза реакціи. Сомнѣнія бродятъ, занимаютъ умы, заставляютъ задумываться; а не легко было дойти до нихъ, особенно Французамъ, которые чрезвычайно туги па пониманіе новаго, не смотря на всю остроту свою. Тоже въ Германіи; Берлину, Вѣнѣ удалось сначала, они-было обрадовались своимъ діэтамъ, своимъ хартіямъ, о которыхъ скромно вздыхали тридцать пять лѣтъ. Теперь, испытавъ реакцію и зная по опыту что такое діэты и камеры, они не удовлетворятся никакой хартіей, ни данной, ни взятой, онѣ сдѣлались для Нѣмцевъ то, что для человѣка игрушка, о которой онъ мечталъ ребенкомъ. Европа догадалась, благодаря реакціи, что представительная система хитро придуманное средство перегонять въ слова и безконечные споры общественныя потребности и энергическую готовность дѣйствовать. Вмѣсто того, чтобъ радоваться этому, вы негодуете. Вы негодуете за то, что національное собраніе, составленное изъ реакціонеровъ, облеченное нелѣпой властію, подъ вліяніемъ трусости вотировало нелѣпость; а по моему это великое доказательство, что ни этихъ вселенскихъ соборовъ для законодательства, ни представителей въ родѣ первосвященниковъ — вовсе не нужно, что умной конституціи теперь вотировать не возможно. Не смѣшно-ли писать уложеніе для грядущихъ поколѣній, когда у дряхлаго міра едва есть время, на то чтобъ распоряжаться будущимъ и продиктовать какъ-ни-

будь духовное завѣщаніе? Вы оттого не рукоплещете всѣмъ этимъ неудачамъ, что вы консерваторъ, что вы, сознательно или нѣтъ, принадлежите къ этому міру. Въ прошломъ году, сердясь, негодуя на него, вы не выходили изъ него; за это онъ обманулъ васъ 24 февраля; вы повѣрили, что онъ можетъ спастись домашними средствами, агитаціей, реформами, что онъ можетъ обновиться, оставаясь при старомъ; вы вѣрили что онъ можетъ исправиться и теперь вѣрите. Сдѣлайся уличный бунтъ, провозгласи Французы Ледрю-Роллена президентомъ, вы опять взойдете въ восторгъ. Пока вы молоды, это простительно, но оставаться въ этомъ направленіи на долго я не совѣтую, вы сдѣлаетесь смѣшны. У васъ натура живая, воспріимчивая—переступите послѣдній заборъ, отрясите послѣднюю пыль съ сапоговъ вашихъ и убѣдитесь, что маленькія революціи, маленькія перемѣны, маленькія республики недостаточны, кругъ дѣйствія ихъ слишкомъ ограниченъ, онѣ теряютъ всякой интересъ. Не надобно имъ поддаваться, всѣ они заражены консерватизмомъ. Я отдаю имъ справедливость, разумѣется, они имѣютъ свою хорошую сторону; въ Римѣ при Піи IX стало лучше жить, нежели при пьяномъ и зломъ Григоріи XVI; республика 26 Февраля въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даетъ болѣе удобную форму для новыхъ идей, нежели монархія, но всѣ эти пальятивные средства столько-же вредны, сколько полезны, они минутнымъ облегче-

ніемъ заставляютъ забыть болѣзнь. А потомъ какъ вглядишься въ эти улучшенія, какъ посмотришь съ какимъ кислымъ, недовольнымъ лицемъ дѣлаются онѣ, какъ всякую уступку представляютъ благодѣяніемъ, даютъ нехотя, оскорбляя — такъ право охота пройдетъ слишкомъ дорого цѣнить ихъ услугу. Я не умѣю выбирать между рабствами, такъ какъ между религіями; у меня вкусъ притупился, я не въ состояніи различать тонкостей; которое рабство хуже, которое лучше, которая религія ближе къ спасенію, которая дальше, что притѣснительнѣе: честная республика или честная монархія, революціонный консерватизмъ Радецкаго или консервативная революціонность Каваньяка, что пошлѣе: квекеры или іезуиты, что хуже, розги или краподина. Съ обѣихъ сторонъ рабство, съ одной хитрое, прикрытое именемъ свободы и слѣдственно опасное; съ другой дикое, животное и слѣдственно близкое къ паденію. По счастію они другъ въ другѣ не узнаютъ родственныхъ чертъ и готовы ежеминутно вступить въ бой; пусть борются, пусть составляютъ коалиціи, пусть грызутъ другъ друга и тащутъ въ могилу. Кто бы изъ нихъ ни восторжествовалъ, ложь или насиліе, на первый случай это побѣда не для насъ, а впрочемъ и не для нихъ, все что побѣдители успѣютъ, это, ловко попировать денекъ другой.

— А намъ оставаться попрежнему зрителями, вѣчными зрителями, жалкими присяжными, которыхъ

вердиктъ не исполняется; понятыми, въ свидѣтельствѣ которыхъ не нуждаются. Я удивляюсь вамъ и не знаю, долженъ - ли завидовать или нѣтъ; съ такимъ дѣятельнымъ умомъ у васъ столько — какъ бы это сказать? — столько воздержности.

— Что дѣлать? Я себя не хочу насиловать, искренность и независимость мои кумиры, мнѣ не хочется стать ни подъ то, ни подъ другое знамя; оба стана такъ хорошо стоятъ на дорогѣ къ кладбищу, что помощь моя имъ не нужна. Такія положенія бывали и прежде. Какое участіе могли принимать христіане въ римскихъ борьбахъ за претендентовъ на императорство? ихъ называли трусами, они улыбались и дѣлали свое дѣло, молились и проповѣдывали.

— Проповѣдывали потому, что были сильны вѣрою, имѣли единство ученія; гдѣ у насъ Евангеліе, новая жизнь, къ которой мы зовемъ; добрая вѣсть, о которой мы призваны свидѣтельствовать міру?

— Проповѣдуйте вѣсть о смерти, указывайте людямъ каждую новую рану на груди стараго міра, каждой успѣхъ разрушенія; указывайте хилость его начинаній, мелкость его домогательствъ, указывайте, что ему нельзя выздоровѣть, что у него нѣтъ ни опоры, ни вѣры въ себя, что его никто не любитъ въ самомъ дѣлѣ, что онъ держится на недоразумѣніяхъ; указывайте, что каждая его побѣда ему - же ударъ; проповѣдуйте смерть какъ добрую вѣсть, приближающагося искупленія.

— Ужъ не лучше-ли молиться?..кому проповѣдывать, когда съ обѣихъ сторонъ падаютъ ряды жертвъ? это одинъ парижскій Архіерей не зналъ, что во время сраженія ни у кого нѣтъ уха. Погодимте еще немного; когда борьба кончится, тогда начнемте проповѣдывать о смерти, никто не будетъ мѣшать на обширномъ кладбищѣ, на которомъ лягутъ рядомъ всѣ бойцы; кому-же лучше и слушать апотеозу смерти какъ не мертвымъ? Если дѣла пойдутъ какъ теперь, зрѣлище будетъ оригинальное; будущее, водворяемое погибнетъ вмѣстѣ съ дряхлымъ, отходящимъ; недоношенная димократія замретъ, терзая холодную и исхудалую грудь умирающей монархіи.

— Будущее, которое гибнетъ, не будущее. Димократія по преимуществу настоящее; это борьба, отрицаніе іерархіи, общественной неправды, развившейся въ прошедшемъ; очистительный огонь, который сожжетъ отжившія формы и, разумѣется, потухнетъ, когда сожигаемое кончится. Димократія не можетъ ничего создать, это не ея дѣло, она будетъ нелѣпостію послѣ смерти послѣдняго врага; димократы только знаютъ (говоря словами Кромвеля), чего не хотятъ; чего они хотятъ, они не знаютъ.

— За знаніемъ чего мы не хочемъ таится предчувствіе чего хочемъ; на этомъ основана мысль, которая до того часто повторялась, что совѣстно на нее ссылаться, мысль о томъ, что каждое разрушеніе своего рода созданіе. Человѣкъ не можетъ довольствоваться

однимъ разрушеніемъ, это противно его творческой натурѣ. Для того чтобъ онъ проповѣдывалъ смерть, ему нужна вѣра въ возрожденіе. Христіанамъ легко было возвѣщать кончину древняго міра, у нихъ похороны совпадали съ крестинами.

— У насъ не одно предчувствіе, но есть и нѣчто побольше; только мы не такъ легко удовлетворяемся какъ Христіане, у нихъ одинъ критеріумъ и былъ— вѣра. Для нихъ конечно было большое облегченіе въ незыблемой увѣренности, что церковь восторжествуетъ, что міръ приметъ крещеніе, имъ и въ голову не приходило, что крещеный ребенокъ выйдетъ не совсѣмъ по желанію духовныхъ родителей. Христіанство осталось благочестивымъ упованіемъ; теперь, на канунѣ смерти, какъ въ первомъ столѣтіи, оно утѣшается въ небѣ, въ раѣ; безъ неба оно пропало. Водвореніе мысли о новой жизни несравненно труднѣе въ наше время, у насъ нѣтъ неба, нѣтъ "веси Божіей", наша весь человѣческая и должна осуществиться на той почвѣ, на которой существуетъ все дѣйствительное—на землѣ. Тутъ нельзя сослаться ни на искушеніе діавола, ни на помощь Божію, ни на жизнь за гробомъ. Димократія впрочемъ и не идетъ такъ далеко, она сама еще стоитъ на христіанскомъ берегу, въ ней бездна аскетическаго романтизма, либеральнаго идеализма; въ ней страшная мощь разрушенія, но какъ примется создавать, она теряется въ ученическихъ опытахъ, въ политическихъ

этюдахъ. Конечно, разрушеніе создаетъ, оно разчищаетъ мѣсто, и это ужъ созданіе, оно отстраняетъ цѣлый рядъ лжи, и это ужъ истина. Но дѣйствительнаго творчества въ димократіи нѣтъ — и потому-то она не будущее. Будущее внѣ политики, будущее носится надъ хаосомъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ стремленій и возметъ изъ нихъ нитки въ свою новую ткань, изъ которой выйдутъ саванъ прошедшему и пеленки новорожденному. Соціализмъ соотвѣтствуетъ назарейскому ученію въ римской имперіи.

— Если припомнить что вы сейчасъ сказали о Христіанствѣ и продолжить сравненіе, то будущность соціализма незавидная — остаться вѣчнымъ упованіемъ.

— И по дорогѣ развить блестящій періодъ исторіи подъ своимъ благословеніемъ. Евангеліе не осуществилось, да это и не нужно было; а осуществились средніе вѣка, вѣка возстановленія, вѣка революціи и Христіанство проникло во всѣ эти явленія, учавствовало во всемъ, указывало, напутствовало. Исполненіе соціализма представляетъ также неожиданное сочетаніе отвлеченнаго ученія съ существующими фактами. Жизнь осуществляетъ только ту сторону мысли, которая находитъ себѣ почву, да и почва при томъ не остается страдательнымъ носителемъ, а даетъ свои соки, вноситъ свои элементы. Новое, возникающее изъ борьбы утопій и консерва-

тизма, входитъ въ жизнь не такъ какъ его ожидала та или другая сторона; оно является переработаннымъ, инымъ, составленнымъ изъ воспоминаній и надеждъ, изъ существующаго и водворяемаго, изъ преданій и возникновеній, изъ вѣрованій и знаній, изъ отжившихъ Римлянъ и нежившихъ Германцевъ, соединяемыхъ одной церковью, чуждой обоимъ. Идеалы, теоретическія построенія, никогда не осуществляются такъ, какъ они носятся въ нашемъ умѣ.

— Какъ и для чего они приходятъ въ голову послѣ этого? Это какая-то иронія.

— А отчего вамъ хочется, чтобъ въ умѣ человѣка все было въ обрѣзъ? что за прозаическое сведеніе всего на крайне нужное, на необходимо полезное, на неминуемо прилагаемое. Вспомните старика Лира, который, когда одна изъ дочерей уменьшала его штатъ и увѣряла, что ему про нужду достанетъ, сказалъ ей: "про нужду можетъ быть, но знаешь-ли ты, когда человѣкъ сводится только на то что ему нужно, онъ дѣлается звѣремъ". Фантазія и мысль человѣка несравненно свободнѣе, нежели полагаютъ; цѣлые міры поэзіи, лиризма, мышленія, независимые до нѣкоторой степени отъ окружающихъ обстоятельствъ, дремлютъ въ душѣ каждаго. Ихъ будитъ толчекъ и они просыпаются съ своими видѣніями, рѣшеніями, теоріями; мысль, опираясь на фактическое данное, стремится къ ихъ всеобщимъ нормамъ, старается ускользнуть отъ случайныхъ и временныхъ

опредѣленій въ логическія сферы — но отъ нихъ до сферъ практическихъ очень далеко.

— Слушая ваши слова, я думалъ теперь, отчего у васъ такъ много нелицепріятной справедливости—и нашелъ причину : вы не ринуты въ потокъ, вы не вовлечены въ этотъ круговоротъ; посторонній всегда лучше разбираетъ семейныя дѣла, нежели члены семейства. Но еслибъ вы, какъ многіе, какъ Барбесъ, какъ Маццини, работали всю жизнь, потому-что внутри вашей души раздавался голосъ, который требовалъ этой дѣятельности, котораго прекричать не было у васъ возможности, потому-что онъ поднимался изъ глубины оскорбленнаго сердца, обливающагося кровью при видѣ притѣсненія, замирающаго при видѣ насилія;—еслибъ этотъ голосъ былъ не только въ умѣ и сознаніи, но въ крови, въ нервахъ, и вы, слѣдуя ему, попали бы въ дѣйствительное столкновеніе съ властью, долю жизни были бы въ цѣпяхъ, скитались бы изгнанникомъ и вдругъ для васъ наступила бы заря того дня, который вы ожидали полжизни — вы бы какъ Маццини, на итальянскомъ языкѣ, при громѣ рукоплесканій, говорили бы въ Миланѣ на площади, открыто, слова независимости и братства, не боясь бѣлаго мундира и желтыхъ усовъ. Еслибъ вы, послѣ десятилѣтняго заключенія, какъ Барбесъ, были принесены ликующей толпой на площадь того города, гдѣ вамъ одинъ товарищъ палача читалъ приговоръ, а другой его товарищъ васъ миловалъ пожизненными

цѣпями; и вы бы послѣ всего этого увидѣли осуществленною вашу мысль и слышали бы двухсоттысячную толпу, которая привѣтствуетъ мученика крикомъ Vive la république и вслѣдъ за тѣмъ вамъ пришлось бы увидѣть Радецкаго въ Миланѣ, Каваньяка въ Парижѣ и опять сдѣлаться скитальцемъ, колодникомъ; представьте къ тому, что вы не имѣли бы утѣшенія отнести все это на счетъ матеріальной, грубой силы, а напротивъ, видѣли бы народъ измѣняющій самому себѣ, видѣли бы тѣ-же толпы, избирающія теперь кому дать въ руки ножъ противъ себя, — вы не стали бы тогда умѣренно и основательно разсуждать на сколько мысль обязательна и гдѣ предѣлы воли. Нѣтъ, вы прокляли бы эти людскія стада, любовь превратилась бы въ ненависть, или хуже, въ презрѣніе. Вы можетъ пошли бы въ монастырь со всѣмъ атеизмомъ вашимъ.

— Это было бы доказательствомъ, что и я слабъ, подтвержденіемъ того, что всѣ люди слабы, что мысль не только не обязательна для міра, но даже для самаго человѣка. Но, простите, я никакъ не могу вамъ позволить свести разговоръ нашъ на личности. Замѣчу одно, да, я зритель, только это и не роль и не натура моя, это мое положеніе; я понялъ его, это мое счастіе; когда-нибудь поговоримъ обо мнѣ, теперь мнѣ не хочется отвлекаться.—Вы говорите, что я проклялъ бы народъ, можетъ быть, но это было бы очень глупо. Народы, массы—это стихіи, океаниды, ихъ путь — путь природы, они ея ближайшіе преемники, влекутся

темнымъ инстинктомъ, безотчетными страстями, упорно хранять то, до чего достигли, хотя бы оно было дурно; ринутые въ движеніе, они неотразимо увлекаютъ съ собою или давятъ все что попало на дорогѣ, хотя бы оно было хорошо. Они идутъ какъ извѣстный индѣйскій кумиръ, всѣ встрѣчные бросаются подъ его колесницу, и первые раздавленные бываютъ усерднѣйшіе поклонники идола. Народы обвинять нелѣпо, они правы, потому-что всегда сообразны обстоятельствамъ своей былой жизни; на нихъ нѣтъ отвѣтственности ни за добро, ни за зло, они факты какъ урожай и неурожай, какъ дубъ и колосъ. Отвѣтственность скорѣе на меньшинствѣ, которое представляетъ собою сознанную мысль своего времени, хотя и оно не виновато; вообще юридическая точка зрѣнія не годится нигдѣ, кромѣ въ судѣ, и именно потому всѣ суды въ мірѣ никуда не годятся. Понимать и обвинять, это почти такъ-же нелѣпо, какъ непонимать и казнить. Виновато - ли меньшинство, что все историческое развитіе, вся цивилизація предшествующихъ вѣковъ была для него, что у него умъ развитъ на счетъ крови и мозга другихъ, что оно вслѣдствіе этого далеко ушло впередъ отъ одичалаго, неразвитаго, задавленнаго тяжкимъ трудомъ народа. Тутъ не вина, тутъ трагическая, роковая сторона исторіи, ни богатый не отвѣчаетъ за богатство, найденное имъ въ колыбели, ни бѣдный за бѣдность, оба оскорблены несправедливостью, фатализмомъ. Если мы и имѣемъ нѣко-

торое право требовать, чтобъ страждущій, худой отъ голода и горя, притѣсненный и оскорбляемый народъ, отпустилъ намъ наше неправое стяженіе, наше превосходство, наше развитіе, потому-что мы въ немъ неповинны, потому-что мы работаемъ надъ тѣмъ, чтобъ сознательно поправить безсознательный грѣхъ, то откуда возмемъ мы силу проклинать, презирать народъ, который остался Каспаромъ Гаузеромъ для того, чтобъ мы съ вами читали Данта, слушали Бетговена. Презирать за то, что онъ не понимаетъ насъ, пользующихся монополью пониманія — это безобразная, гнусная жестокость. Вспомните какъ было дѣло: образованное меньшинство, долго наслаждаясь въ своемъ исключительномъ положеніи, въ своемъ аристократическомъ, литературномъ, художественномъ, правительственномъ кругѣ, наконецъ почувствовало угрызеніе совѣсти, оно вспомнило забытыхъ братій, мысль несправѣдливости общественнаго устройства, мысль о равенствѣ, какъ электрическая искра, облетѣла лучшіе умы прошлаго вѣка. Книжно, теоретически поняли люди несправѣдливость и книжно хотѣли ее поправить, это позднее раскаяніе меньшинства назвали либерализмомъ. Они, добросовѣстно желая вознаградить народъ за тысячелѣтнія униженія, прологласили его самодержавнымъ, требовали чтобъ каждый поселянинъ вдругъ сдѣлался политическимъ человѣкомъ, понялъ запутанные вопросы полусвободнаго и полурабскаго законода-

тельства, оставилъ свою работу, т. е. кусокъ хлѣба, и, новый Цинцинатъ, шелъ бы заниматься общественными дѣлами. О хлѣбѣ насущномъ — либерализмъ серьезно не думалъ, онъ слишкомъ романтикъ, чтобъ печься о такихъ грубыхъ потребностяхъ. Либерализму легче было выдумать народъ, нежели его изучить. Онъ налгалъ на него изъ любви, не меньше того, что на него налгали другіе изъ ненависти. Либералы сочинили свой народъ a priori, построили его по воспоминаніямъ, изъ прочтеннаго, одѣли его въ Римскую тогу и въ пастушескій нарядъ. О дѣйствительномъ народѣ мало думали; онъ жилъ, работалъ, страдалъ, возлѣ, около и если его кто-нибудь зналъ, то это его враги—попы и легитимисты. Судьба его оставалась по старому, за то народъ вымышленный сдѣлался кумиромъ въ новой политической религіи— елей, которымъ мазали чело царей, перешелъ на загорѣлое чело, покрытое морщинами и горькимъ потомъ. Не освободивши ни его рукъ, ни его ума, либерализмъ посадилъ народъ на тронъ и, кланяясь ему въ поясъ, старался въ тоже время оставить власть себѣ. Народъ поступилъ какъ одинъ изъ его представителей, Санчо-Панса, онъ отказался отъ мнимаго престола или лучше сказать, и не садился на него. Мы начинаемъ понимать ложное съ обѣихъ сторонъ, это значитъ, что мы выходимъ на дорогу, будемте указывать ее всѣмъ, но зачѣмъ-же обертываясь назадъ, мы будемъ ругаться? я не токмо не виню народъ, но не виню и

либераловъ; они большею частію любили народъ по своему, они много жертвовали для своей идеи, это всегда почтенно — но они были на ложномъ пути. Ихъ можно сравнить съ прежними натуралистами, которые начинали и оканчивали изученіе природы въ гербаріи, въ музеѣ; все, что они знали о жизни, былъ трупъ, мертвая форма, слѣдъ жизни; честь и слава тѣмъ, которые догадались взять котомку и идти въ горы, плыть за моря ловить природу и жизнь на самомъ дѣлѣ. Но зачѣмъ-же ихъ славой, ихъ успѣхами задвигать труды ихъ предшественниковъ? Либералы были вѣчные жители большихъ городовъ и маленькихъ кружковъ, люди журналовъ, книгъ, клубовъ, они вовсе не знали народа, они его глубокомысленно изучали по историческимъ источникамъ, по памятникамъ — а не по деревнѣ, не по рынку. Больше или меньше всѣ мы грѣшны въ этомъ, отсюда недоразумѣнія, обманутыя надежды, досада, наконецъ отчаяніе. Еслибъ вы были знакомы съ внутренней жизнію Франціи, вы не удивлялись бы что народъ хочетъ вотировать за Бонапарта, вы знали бы что народъ французскій не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о свободѣ, о республикѣ, но имѣетъ бездну національной гордости; онъ любитъ Бонапартовъ, терпѣть не можетъ Бурбоновъ, не давая себѣ полнаго отчета — почему. Бурбоны для него напоминаютъ корвею, Бастилію, дворянъ; Бонапарты, разсказы стариковъ, пѣсни Беранже, побѣды и наконецъ вос-

поминамія о томъ, какъ сосѣдъ, такой-же крестьянинъ возвращался генераломъ, полковникомъ, съ почетнымъ легіономъ на груди...и сынъ сосѣда торопится подать голосъ за племянника.

— Конечно такъ. Одно странно, отчего-же они забыли деспотизмъ Наполеона, его конскрипціи, тиранство префектовъ, если у нихъ такъ хороша память?

— Это очень просто, для народа деспотизмъ не можетъ составить характеристики имперіи. Для него до сихъ поръ всѣ правительства были деспотизмомъ. Онъ, на примѣръ, узналъ республику, провозглашенную для удовольствія Реформы, для пользы Насіоналя —по 45-сантимному налогу, по депортаціямъ, по тому, что бѣднымъ работникамъ не выдаютъ пассовъ въ Парижъ. Народъ вообще плохой филологъ, слово Республика, его не тѣшитъ, ему отъ него не легче. Слова Имперія, Наполеонъ, его электризуютъ, далѣе онъ не идетъ.

— Если на все смотрѣть такимъ образомъ, то я самъ начинаю думать, что не только перестанешь сердиться и что-нибудь дѣлать, но перестанешь имѣть даже желаніе что-нибудь дѣлать.

— По моему, я говорилъ вамъ, понимать, это ужъ дѣйствовать, помогать, приготовлять орудіе. Вы думаете, что когда поймешь окружающее, пройдетъ желаніе дѣйствовать, это значило бы, что вы хотѣли дѣлать не то что надобно. Ищите въ такомъ случаѣ другой работы; не найдете внѣшней, найдете внутреннюю.

Страненъ человѣкъ, который ничего не дѣлаетъ, имѣя дѣло, но вѣдь страненъ и тотъ, который не имѣя дѣла, дѣлаетъ. Трудъ вовсе не клубокъ на ниткѣ, который даютъ котенку чтобъ его занимать, онъ опредѣляется не однимъ желаніемъ, но и требованіемъ на него.

— Я никогда не сомнѣвался что думать всегда можно, и не смѣшивалъ насильственнаго бездѣйствія съ произвольнымъ безмысліемъ. Я предвидѣлъ впрочемъ утѣшительный результатъ, къ которому вы придете—оставаться въ разсуждающемъ бездѣйствіи, остановливая, умомъ сердце и критикой любовь къ человѣчеству.

— Для того чтобъ дѣятельно участвовать въ мірѣ насъ окружающемъ, я повторяю вамъ, мало желанія и любви къ человѣчеству. Все это какія-то неопредѣленныя, мерцающія понятія — что такое любить человѣчество? Что такое самое человѣчество? Все это здается мнѣ прежними христіанскими добродѣтелями, подогрѣтыми на философскомъ очагѣ. Народы любятъ соотечественниковъ — это понятно, но что такое любовь, которая обнимаетъ все что перестало быть обезьяной, отъ Эскимоса и Готтентота до Далай-Ламы и Папы — я не могу въ толкъ взять; что-то слишкомъ широко; если это та любовь, которою мы любимъ природу, планеты, вселенную, то я не думаю, чтобъ она могла быть особенно дѣятельна. Или инстинктъ или пониманіе среды, въ которой вы живете, ведутъ васъ къ дѣятельности? Инстинктъ вашъ утраченъ,—

утратьте ваше отвлеченное знаніе и станьте самоотверженно передъ истиной, поймите ее, тогда вы увидите какая дѣятельность нужна, какая нѣтъ. Хотите вы политической дѣятельноси въ существующемъ порядкѣ, сдѣлайтесь Марастомъ, сдѣлайтесь Одилономъ Барро, и она вамъ будетъ. Вы этого не хотите, вы чувствуете, что всякой порядочный человѣкъ совершенно посторонній во всѣхъ политическихъ вопросахъ, что онъ не можетъ серьезно думать—нуженъ или не нуженъ президентъ республикѣ; можетъ или нѣтъ собраніе посылать людей на каторгу безъ суда; должно-ли подать голосъ за Каваньяка или за Луи Бонапарта. Думайте мѣсяцъ, думайте годъ, кто изъ нихъ лучше, вы не рѣшите, оттого что они, какъ говорятъ дѣти, "оба хуже". Все что остается дѣлать человѣку, уважающему себя — вовсе не вотировать. Посмотрите на другіе вопросы à l'ordre du jour — все то-же; "они посвящены богамъ", смерть у нихъ за плечами. Что дѣлаетъ священникъ, призванный къ умирающему? Онъ не лечитъ его, онъ не возражаетъ на его бредъ, а читаетъ ему отходную. Читайте отходную, читайте смертный приговоръ, исполненіе котораго идетъ не по днямъ, а по часамъ; убѣдитесь разъ навсегда, что никто изъ осужденныхъ не уйдетъ отъ казни: ни самодержавіе петербургскаго царя, ни свобода мѣщанской республики, да и не жалѣйте ни того, ни другого. Убѣждайте лучше легкомысленныхъ поверхностныхъ людей, которые рукоплещутъ

паденію австрійской имеріи и блѣднѣють за судьбу полу - республики, — что паденіе ея такой - же великій шагъ къ освобожденію народовъ и мысли, какъ паденіе Австріи, что никакихъ исключеній не надобно, никакой пощады, что время снисхожденія не пришло; скажите словами либераловъ-реакціонеровъ, что "амнистія дѣло будущаго", требуйте вмѣсто любви къ человѣчеству, ненависти ко всему что мѣшаетъ развитію, что валяется на дорогѣ и мѣшаетъ идти впередъ. Пора перевязать всѣхъ враговъ развитія и свободы одной веревкой, такъ какъ они перевязываютъ колодниковъ и провести ихъ по улицамъ, чтобъ всѣ видѣли круговую поруку — французскаго кодекса и рускаго свода—Каваньяка и Радецкаго— это будетъ великое поученіе. Кто теперь послѣ этихъ грозныхъ, потрясающихъ событій не протрезвится, никогда не протрезвится и умретъ какимъ-нибудь рыцаремъ Тоггенбургомъ либерализма, какъ Лафайетъ. Терроръ казнилъ людей, наша судьба легче, мы призваны казнить учрежденія, разрушать вѣрованія, отнимать надежду на старое, ломать всѣ предразсудки, касаться до всѣхъ прежнихъ святынь безъ уступокъ, безъ пощады. Улыбка, привѣтъ одному возникающему, одной зарѣ и если мы не въ силахъ подвинуть ея часа, то по-крайней-мѣрѣ можемъ указывать ея близость тѣмъ, которые не видятъ.

— Какъ этотъ старикъ нищій на Вандомской площади, который всякую ночь предлагаетъ прохо-

жимъ свой телескопъ, чтобъ посмотрѣть на дальнія звѣзды?

— Ваше сравненіе очень хорошо, именно показывайте каждому идущему мимо, какъ все ближе и ближе подступаютъ, какъ растутъ и поднимаются волны карающаго потока. Указывайте съ тѣмъ вмѣстѣ и бѣлый парусъ ковчега....тамъ вдали на горизонтѣ. Вотъ вамъ и дѣло. Когда все утонетъ, когда все ненужное растворится и погибнетъ въ соленой водѣ, когда она начнетъ сбывать и уцѣлѣвшій ковчегъ остановится, тогда будетъ людямъ другое дѣло, много дѣла. Теперь нѣтъ!

Парижъ, 1 Декабря 1848 г.

V.

CONSOLATIO.

Der Mensch ist nicht geboren frey zu seyn.

GŒTHE—*(TASSO.)*

Изъ окрестностей Парижа мнѣ нравится больше другихъ Монмаранси. Тамъ ничего не бросается въ глаза, ни особенно береженые парки, какъ въ Сен-Клу, ни будуары изъ деревьевъ, какъ въ Тріанонѣ; а ѣхать оттуда не хочется. Природа въ Монмаранси чрезвычайно проста, она похожа на тѣ женскія лица, которыя не останавливаютъ, не поражаютъ, но привлекаютъ какимъ-то милымъ и довѣрчивымъ выраженіемъ и привлекаютъ тѣмъ сильнѣе, что это дѣлается совершенно не замѣтно для насъ. Въ такой природѣ и въ такихъ лицахъ есть обыкновенно что-то трогательное, успокоивающее и именно за этотъ покой, за эту каплю воды Лазарю, всего больше благодаритъ душа современнаго человѣка, безпрерывно потрясенная, растерзанная, взволнованная. Я нѣсколько разъ находилъ отдыхъ въ Монмаранси, и за это благодаренъ ему. Тамъ есть большая роща, мѣстоположеніе довольно высокое, и тишина, которой подъ Парижемъ нигдѣ нѣтъ. Не знаю отчего, но эта

роща напоминаетъ мнѣ всегда нашъ рускій лѣсъ... идешь и думаешь..:..вотъ сейчасъ пахнетъ дымкомъ отъ авиновъ, вотъ сейчасъ откроется село...съ другой стороны должно быть господская усадьба, дорога туда пошире и идетъ просѣкомъ, и вѣрите-ли? мнѣ становилось грустно, что черезъ нѣсколько минутъ выходишь на открытое мѣсто и видишь вмѣсто Звенигорода—Парижъ; вмѣсто окошечка земскаго или попа — окошечко, въ которое такъ долго и такъ печально смотрѣлъ Жанъ-Жакъ.....

Именно къ этому домику шли разъ изъ рощи какіе-то повидимому путешественники : дама лѣтъ двадцати пяти, одѣтая вся въ черномъ и мущина среднихъ лѣтъ, преждевременно сѣдой. Выраженіе ихъ лицъ было серьезно, даже покойно. Долгая привычка сосредоточиваться и жизнь, обильная мыслію, событіями, даютъ чертамъ особенно благородный покой. Это не природная тишина, а тишина послѣ бурь, послѣ борьбы и побѣды.

— Вотъ домъ Руссо, сказалъ мущина, указывая на маленькое строеніе окна въ три ;—они остановились. Одно окошко было немного пріотворено, занавѣска колебалась отъ вѣтра.

— Это движеніе занавѣски, замѣтила дама, наводитъ невольный страхъ, такъ и кажется, вотъ сейчасъ подозрительный и раздраженный старикъ ее отдернетъ и спроситъ насъ, зачѣмъ мы тутъ стоимъ. Кому придетъ въ голову, глядя на мирный домикъ, окру-

женный зеленью что онъ былъ Прометеевской скалой для великаго человѣка, котораго вся вина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ любилъ людей, слишкомъ вѣрилъ въ нихъ, желалъ имъ больше добра, нежели они сами? Современники не могли ему простить, что онъ высказалъ тайное угрызеніе ихъ собственной совѣсти и вознаграждали себя искуственнымъ хохотомъ презрѣнія, а онъ оскорблялся; они смотрѣли на поэта братства и свободы, какъ на безумнаго; они боялись признать въ немъ разумъ, это значило бы признать свою глупость, а онъ плакалъ объ нихъ. За цѣлую жизнь преданности, страстнаго желанія помочь, любить, быть любимымъ, освобождать...находилъ онъ мимолетные привѣты и постоянный холодъ, надменную ограниченность, гоненія, сплетни! Мнительный и нѣжный отъ природы, онъ не могъ стать независимо отъ этихъ мелочей и потухалъ, оставленный всѣми, больной въ нищетѣ. Въ отвѣтѣ на всѣ его стремленія къ симпатіи, къ любви, ему досталась одна Тереза, въ ней сосредоточивалось для него все теплое, вся сторона сердца—Тереза, которая не могла научиться узнавать который часъ, существо неразвитое, полное предразсудковъ, которая стягивала жизнь Руссо въ узкую подозрительность, въ мѣщанскіе пересуды и кончила тѣмъ, что разсорила его съ послѣдними друзьями. Сколько горькихъ минутъ провелъ онъ, облокачиваясь на эту оконницу, съ которой кормилъ птицъ. У бѣднаго старика только

и оставалось что природа — и онъ, восхищаясь ею, закрылъ глаза усталые отъ жизни, тяжелые отъ слезъ. Говорятъ, что онъ даже ускорилъ минуту покоя.... на этотъ разъ Сократъ самъ осудилъ себя на смерть за грѣхъ сознанія, за преступленіе геніальности. Когда вглядишься серьезно во все что дѣлается, становится противно жить. Все на свѣтѣ гадко и притомъ глупо; люди хлопочутъ, работаютъ, ни минуты не находятъ отдыха, а дѣлаютъ все вздоръ; другіе хотятъ ихъ вразумить, остановить, спасти—ихъ распинаютъ, гонятъ —и все это въ какомъ-то бреду, не давая себѣ труда понять. Волны подымаются, торопятся, клубятся безъ цѣли, безъ нужды .... тамъ онѣ разбиваются съ бѣшенствомъ объ скалу, тутъ подмываютъ берегъ... мы стоимъ середь водоворота, бѣжать некуда.—Я знаю, Докторъ, вы не такъ смотрите на жизнь, она васъ не сердитъ, потому-что вы въ ней ищете одинъ физіологическій интересъ и мало требуете отъ нея, вы большой оптимистъ. Иногда я съ вами соглашаюсь, вы меня сбиваете съ толку вашей діалектикой; но какъ только сердце принимаетъ участіе, какъ только изъ общихъ сферъ, гдѣ все разрѣшено и успокоено, коснешься живыхъ вопросовъ, взглянешь на людей, душа возмущается. Подавленное на минуту негодованіе снова просыпается и досадуешь объ одномъ: что нѣтъ достаточно силъ ненавидѣть, презирать людей за ихъ лѣнивое бездушіе, за ихъ нежеланіе стать выше, благороднѣе... еслибъ было можно отвер-

нуться отъ нихъ! и пусть они дѣлаютъ, что хотятъ въ своихъ полипникахъ, пусть живутъ нынче какъ вчера, опираясь на привычки и обряды, безсмысленно принимая на вѣру что дѣлать и чего не дѣлать...и измѣняя притомъ на каждомъ шагу своей собственной нравственности, своему собственному катихизису!

— Я не думаю, чтобъ вы были справедливы. Развѣ люди виноваты въ вашемъ довѣріи къ нимъ, въ вашемъ идеальномъ понятіи объ ихъ нравственномъ достоинствѣ.

— Я не понимаю что вы говорите, я сейчасъ сказала совершенно противуположное. Кажется, это не верхъ довѣрія, когда говорятъ объ людяхъ, что у нихъ ничего нѣтъ кромѣ мученическихъ вѣнцовъ для всякаго пророка и безполезнаго раскаянія послѣ ихъ смерти; что они готовы броситься какъ звѣри на того, кто замѣняя ихъ совѣсть, назоветъ ихъ дѣла; кто снимая на себя ихъ грѣхи, хочетъ разбудить ихъ сознаніе.

— Да, но вы забываете источникъ вашего негодованія; вы сердитесь на людей за многое, чего они не сдѣлали, потому-что вы считаете ихъ способными на всѣ эти прекрасныя свойства, къ которымъ вы воспитали себя или къ которымъ васъ воспитали, — но они по большей части этого развитія не имѣли. Я не сержусь, потому-что и не жду отъ людей ничего кромѣ того, что они дѣлаютъ, я не вижу ни повода, ни права требовать отъ нихъ чего-нибудь другого,

нежели что они могутъ дать, а могутъ они дать то, что даютъ; требовать больше, обвинять — ошибка, насиліе. Люди только справедливы къ безумнымъ и къ совершеннымъ дуракамъ, ихъ по-крайней-мѣрѣ мы не обвиняемъ за дурное устройство мозга, имъ прощаемъ природные недостатки; съ остальными страшная моральная требовательность. Почему мы ждемъ отъ всѣхъ встрѣчныхъ на улицѣ примѣрныхъ доблестей, необыкновеннаго пониманія—я не знаю; вѣроятно по привычкѣ все идеализировать, все судить свысока; такъ какъ обыкновенно судятъ жизнь по мертвой буквѣ, страсть по кодексу, лице по родовому понятію. Я иначе смотрю, я привыкъ къ взгляду врача, къ взгляду совершенно противуположному судьѣ. Врачь живетъ въ природѣ, въ мірѣ фактовъ и явленій, онъ не учитъ, онъ учится; онъ не мститъ, а старается облегчить; видя страданіе, видя недостатки, онъ ищетъ причину, связь, онъ ищетъ средствъ въ томъ-же мірѣ фактовъ. Нѣтъ средствъ, онъ грустно пожимаетъ плечами, досадуетъ на свое невѣдѣніе— и не думаетъ о наказаніи, о пѣни, не порицаетъ. Взглядъ судьи проще, ему собственно взгляда и не надобно, не даромъ Ѳемиду представляютъ съ завязанными глазами, она тѣмъ справѣдливѣе, чѣмъ меньше видитъ жизнь; нашъ братъ, напротивъ, хотѣлъ бы чтобы пальцы и уши имѣли глаза. Я не оптимистъ и не пессимистъ, я смотрю, вглядываюсь, безъ заготовленной темы, безъ придуманнаго идеала,

и не тороплюсь съ приговоромъ—я просто, извините, скромнѣе васъ.

— Не знаю такъ-ли я васъ поняла, но мнѣ кажется, вы находите очень естественнымъ, что современники Руссо его мучили маленькими преслѣдованіями, отравили ему жизнь, оклеватали его; вы имъ отпускаете ихъ грѣхи, это очень снисходительно, не знаю на сколько справедливо и нравственно.

— Для того чтобъ отпускать грѣхи, надобно прежде обвинять; я этого не дѣлаю. Впрочемъ пожалуй, я приму ваше выраженіе, да, я отпускаю имъ зло, ими причиненное, такъ какъ вы отпускаете холодной погодѣ, которая на дняхъ простудила вашу малютку. Можно-ли сердиться на событія, которыя независимы ни отъ чьей воли, ни отъ чьего сознанія. Они иногда бываютъ очень тяжелы для насъ; но обвиненіе не поможетъ, а только запутаетъ. Когда мы съ вами сидѣли у кроватки больной и горячка такъ развернулась, что я самъ испугался, мнѣ было безконечно горько смотрѣть и на больную и на васъ; Вы такъ много страдали въ эти часы—но вмѣсто того, чтобъ проклинать дурной составъ крови и съ ненавистію смотрѣть на законы органической химіи, я думалъ тогда о другомъ, а именно о томъ какъ возможность понимать, чувствовать, любить, привязываться необходимо влечетъ за собою противуположную возможность несчастія, страданій, лишеній, нравственныхъ оскорбленій, горечи. Чѣмъ нѣжнѣе развивается внутренняя

жизнь, тѣмъ жестче, губительнѣе для нея капризная игра случайности, на которой не лежитъ никакой отвѣтственности за ея удары.

— Я сама не обвиняла болѣзнь. Ваше сравненіе не совсѣмъ идетъ; природа вовсе не имѣетъ сознанія.

— А я думаю, что и на полу-сознательную массу людей нельзя сердиться, взойдите въ ея состояніе борьбы между предчувствіемъ свѣта и привычкой къ темнотѣ. Вы берете за норму бережевые, особенно удавшіеся оранжерейные цвѣты, за которыми было бездна уходу, и сердитесь что полевые не такъ хороши. Не только это несправедливо, но это чрезвычайно жестоко. Еслибъ у большинства людей было сознаніе сколько-нибудь свѣтлѣе, неужели вы думаете, что они могли бы жить въ томъ положеніи, въ которомъ живутъ? Они не только зло дѣлаютъ другимъ, но и себѣ, и это именно ихъ извиняетъ. Ими владѣетъ привычка, они умираютъ отъ жажды возлѣ колодца, и не догадываются что въ немъ вода, потому что ихъ отцы имъ этого не сказали. Люди всегда были такіе, пора наконецъ перестать дивиться, негодовать; можно было привыкнуть со временъ Адама. Это тотъ-же романтизмъ, который заставлялъ поэтовъ сердиться за то, что у нихъ есть тѣло, за то, что они чувствуютъ голодъ. Сердитесь сколько хотите, но міра никакъ не передѣлаете по какой-нибудь программѣ; онъ идетъ своимъ путемъ и никто не въ силѣ его сбить съ дороги. Узнавайте этотъ путь—и вы отбро-

сите нравоучительную точку зрѣнія и вы пріобрѣтете силу. Моральная оцѣнка событій и журьба людей принадлежатъ къ самымъ начальнымъ ступенямъ пониманія. Оно лестно самолюбію, раздавать Монтіоновскія преміи и читать выговоры, принимая мѣриломъ самого себя — но безполезно. Есть люди, которые пробовали внести этотъ взглядъ въ самую природу и сдѣлали разнымъ звѣрямъ прекрасныя или прескверныя репутаціи. Увидали на примѣръ, что заяцъ бѣжитъ отъ неминуемой опасности, и назвали его трусомъ; увидали, что левъ, который въ двадцать разъ больше зайца, не бѣжитъ отъ человѣка, а иногда его съѣдаетъ, стали его считать храбрымъ; увидали что левъ сытый не ѣстъ — сочли это за величіе духа; а заяцъ столько-же трусъ, сколько левъ великодушенъ и оселъ глупъ. Нельзя больше останавливаться на точкѣ зрѣнія Эзоповыхъ басень; надобно смотрѣть на міръ природы и на міръ людскій проще, покойнѣе, яснѣе. Вы говорите о страданіяхъ Руссо, онъ былъ несчастливъ, это правда, но и это правда, что страданія всегда сопровождаютъ необыкновенное развитіе, натура геніальная можетъ иногда не страдать, сосредоточиваясь въ себѣ, довольствуясь собою, наукой, искуствомъ; но въ практическихъ сферахъ никакъ. Дѣло очень простое: такія натуры, входя въ обычныя людскія отношенія, нарушаютъ равновѣсіе; среда, ихъ окружающая, имъ узка, невыносима, ихъ жмутъ отношенія, расчитанныя по ино-

му росту, по инымъ плечамъ и необходимыя для тѣхъ плечь. Все что давило по мелочи того, другого, все, о чемъ толковали въ разбивку и чему покорялись обыкновенные люди, все это вырастаетъ въ нестерпимую боль въ груди сильнаго человѣка, въ грозной протестъ, въ явную вражду, въ смѣлый вызовъ на бой; отсюда неминуемо столкновеніе съ современниками; толпа видитъ презрѣніе къ тому, что она хранитъ и бросаетъ въ генія каменьями и грязью, до тѣхъ поръ пока пойметъ, что онъ былъ правъ. Виноватъ-ли геній что онъ выше толпы, виновата-ли толпа что она его не понимаетъ?

— И вы находите это состояніе людей и притомъ большинства людей, нормальнымъ, естественнымъ? По вашему это нравственное паденіе, эта глупость такъ и быть должны?—Вы шутите.

— Какъ-же иначе? Вѣдь никто не принуждаетъ ихъ такъ поступать, это ихъ наивная воля. Люди вообще въ практической жизни меньше лгутъ, нежели на словахъ. Лучшее доказательство ихъ простодушія въ искренней готовности, какъ только поймутъ, что совершили какое-либо преступленіе, раскаяться. Они спохватились распявши Христа, что скверно сдѣлали и бросились на колѣни передъ крестомъ. О какомъ нравственномъ паденіи рѣчь, si toutefois вы не говорите о грѣхопаденіи, я не понимаю. Откуда было падать? чѣмъ дальше смотришь назадъ, тѣмъ больше встрѣчаешь дикости, непониманія или совершенно

инаго развитія, которое до насъ почти не касается; какія-нибудь погибшія цивилизаціи, какіе-нибудь китайскіе нравы. Долгая жизнь въ обществѣ выработываетъ мозгъ. Выработываніе это дѣлается трудно, туго; а тутъ, вмѣсто признанія, сердятся на людей за то, что они не похожи ни на идеалъ мудреца, выдуманнаго стоиками, ни на идеалъ святаго, выдуманнаго христіанами. Цѣлыя поколѣнія легли костьми, чтобъ обжить какой-нибудь клочекъ земли, вѣка прошли въ борьбѣ, кровь лилась рѣками, поколѣнія мерли въ страданіяхъ, въ тщетныхъ усиліяхъ, въ тяжеломъ трудѣ...едва вырабатывая скудную жизнь, немного покоя и пять-шесть умовъ, которые понимали заглавныя буквы общественнаго процесса и двигали массы къ совершенію судебъ своихъ. Удивляться надобно, какъ народы при этихъ гнѣтущихъ условіяхъ, дошли до современнаго нравственнаго состоянія, до своей самоотверженной терпѣливости, своей тихой жизни; удивляться надобно, какъ люди такъ мало дѣлаютъ зла, а не упрекать ихъ, зачѣмъ каждый изъ нихъ не Аристидъ и не Симеонъ Столпникъ.

— Вы хотите меня увѣрить, Докторъ, что людямъ предназначено быть мошенниками.

— Повѣрьте что людямъ ничего не предназначено.

— Да зачѣмъ-же они живутъ?

— Такъ себѣ, родились и живутъ. Зачѣмъ все живетъ? Тутъ мнѣ кажется предѣлъ вопросамъ; жизнь— и цѣль и средство и причина и дѣйствіе. Это вѣчное

безпокойство дѣятельнаго, напряженнаго вещества, это непрерывное движенiе, ultima ratio, далѣе идти некуда. Прежде все искали отгадки въ облакахъ или въ глубинѣ, подымались или спускались, однако не нашли ничего; оттого, что главное, существенное, все тутъ, на поверхности. Жизнь не достигаетъ цѣли, а осуществляетъ все возможное, продолжаетъ все осуществленное, она всегда готова шагнуть дальше — затѣмъ чтобъ полнѣе жить, еще больше жить, если можно; другой цѣли нѣтъ. Мы часто за цѣль принимаемъ послѣдовательныя фазы одного и того-же развитiя, къ которому мы прiучились; мы думаемъ что цѣль ребенка совершеннолѣтiе, потому-что онъ дѣлается совершеннолѣтнимъ, а цѣль ребенка скорѣе играть, наслаждаться, быть ребенкомъ. Если смотрѣть на предѣлъ, то цѣль всего живаго—смерть.

— Вы забываете другую цѣль, Докторъ, которая развивается людьми, но переживаетъ ихъ, передается изъ рода въ родъ, растетъ изъ вѣка въ вѣкъ, и именно въ этой-то жизни неотдѣльнаго человѣка отъ человѣчества и раскрываются тѣ постоянныя стремленiя, къ которымъ человѣкъ идетъ, къ которымъ поднимается и до осуществленiя которыхъ когда-нибудь достигнетъ.

— Я совершенно согласенъ съ вами, я даже сказалъ сейчасъ, что мозгъ выработывается; сумма идей и ихъ объемъ растетъ въ сознательной жизни, передается изъ рода въ родъ, но что касается до послѣд-

нихъ словъ вашихъ, тутъ позвольте усомниться. Ни стремленіе, ни вѣрность его — нисколько еще не обезусловляетъ осуществленіе. Возьмите самое всеобщее, самое постоянное стремленіе во всѣхъ эпохахъ и у всѣхъ народовъ, стремленіе къ благосостоянію, стремленіе глубоко лежащее во всемъ чувствующемъ, развитіе простаго инстинкта самосохраненія, врожденное бѣгство отъ того что причиняетъ боль и стремленіе къ тому что доставляетъ удовольствіе, наивное желаніе чтобъ было лучше, а не было бы хуже; между тѣмъ работая тысячилѣтія люди, не достигли даже животнаго довольства; пропорціально я полагаю, что больше всѣхъ звѣрей и больше всѣхъ животныхъ, страдаютъ рабы въ Россіи, гибнутъ съ голоду Ирландцы. Отсюда вы можете заключить, легко-ли сбудутся другія стремленія, неопредѣленныя и принадлежащія меньшинству.

— Позвольте, стремленіе къ свободѣ, къ независимости стоитъ голода — оно весьма не слабо и очень опредѣленно.

— Исторія этого не показываетъ. Точно, нѣкоторые слои общества, развившіеся при особенно счастливыхъ обстоятельствахъ, имѣютъ нѣкоторое поползновеніе къ свободѣ и то весьма не сильное, судя по нѣсколькимъ тысячамъ лѣтъ рабства и по современному гражданскому устройству наконецъ. Мы, разумѣется, не говоримъ объ исключительныхъ развитіяхъ, для которыхъ неволя тягостна, а о большинствѣ,

которое даетъ постоянное dèmenti этимъ страдальцамъ, что и заставило раздраженнаго Руссо сказать свой знаменитый non sens : "Человѣкъ родится быть свободнымъ — и вездѣ въ цѣпяхъ!"

— Вы повторяете этотъ крикъ негодованія, вырвавшійся изъ груди свободнаго человѣка, съ ироніей?

— Я вижу тутъ насиліе исторіи, презрѣніе фактовъ, а это для меня невыносимо; меня оскорбляетъ самоуправство. Къ тому-же превредная метода впередъ рѣшать именно то, что составляетъ трудность вопроса; что сказали бы вы человѣку, который, грустно качая головой, замѣтилъ бы вамъ, что "рыбы родятся для того, чтобы летать—и вѣчно плаваютъ".

— Я спросила бы, почему онъ думаетъ, что рыбы родятся для того, чтобы летать.

— Вы становитесь строги; но мой другъ "Рыбства" готовъ держать отвѣтъ...во-первыхъ, онъ вамъ скажетъ, что скелетъ рыбы явнымъ образомъ показываетъ стремленіе развить оконечности въ ноги или крылья; онъ вамъ покажетъ вовсе ненужныя косточки, которыя намекаютъ на скелетъ ноги, крыла; наконецъ онъ сошлется на летающихъ рыбъ, которыя на дѣлѣ доказываютъ, что рыбство не токмо стремится летать, но иногда и можетъ. Давши вамъ такой отвѣтъ, онъ будетъ въ правѣ васъ спросить, отчего-же вы у Руссо не требуете отчета, почему онъ говоритъ, что человѣкъ долженъ быть свободенъ, опираясь на то, что онъ постоянно въ цѣпяхъ. Отчего все суще-

ствующее, только и существуетъ такъ какъ оно должно существовать, а человѣкъ напротивъ?

— Вы, Докторъ, преопасный софистъ, и еслибъ я не коротко васъ знала, я считала бы васъ пребезнравственнымъ человѣкомъ. Не знаю какія лишнія кости у рыбъ, а знаю только, что въ костяхъ у нихъ недостатка нѣтъ; но что у людей есть глубокое стремленіе къ независимости, ко всякой свободѣ, въ этомъ я убѣждена. Они заглушаютъ мелочами жизни внутренній голосъ, и по этому я на нихъ сержусь. Я утѣшительнѣе нападаю на людей, нежели вы ихъ защищаете.

— Я зналъ, что мы съ вами послѣ нѣсколькихъ словъ перемѣнимъ роли, или лучше, что вы обойдете меня и очутитесь съ противуположной стороны. Вы хотите бѣжать съ негодованіемъ отъ людей за то, что они не умѣютъ достигнуть нравственной высоты, независимости, всѣхъ вашихъ идеаловъ, и въ то-же время вы на на нихъ смотрите какъ на избалованныхъ дѣтей, вы увѣрены что они на дняхъ поправятся и будутъ умны. Я знаю, что люди торопятся очень медленно, не довѣряю ни ихъ способностямъ, ни всѣмъ этимъ стремленіямъ, которыя выдумываютъ за нихъ и остаюсь съ ними, такъ какъ остаюсь съ этими деревьями, съ этими животными—изучаю ихъ, даже люблю. Вы смотрите à prori и можетъ логически правы, говоря, что человѣкъ долженъ стремиться къ независимости. Я смотрю патологически, и вижу,

что до сихъ поръ рабство постоянное условіе гражданскаго развитія, стало быть или оно необходимо, или нѣтъ отъ него такого отвращенія, какъ кажется.

— Отчего мы съ вами добросовѣстно разсматривая исторію, видимъ совершенно разное?

— Оттого, что говоримъ объ разномъ; вы говоря объ исторіи и народахъ, говорите о летающихъ рыбахъ, а я о рыбахъ вообще, — вы смотрите на міръ идей отрѣшенный отъ фактовъ, на рядъ дѣятелей, мыслителей, которые представляютъ верхъ сознанія каждой эпохи; на тѣ энергическія минуты, когда вдругъ цѣлыя страны становятся на ноги и разомъ берутъ масу мыслей для того, чтобъ изживать ихъ потомъ цѣлые вѣка въ покоѣ; вы принимаете эти катаклизмы, сопровождающіе ростъ народовъ, эти исключительныя личности за рядовой фактъ, но это только высшій фактъ, предѣлъ. Развитое меньшинство, которое торжественно несется надъ головами другихъ и передаетъ изъ вѣка въ вѣкъ свою мысль, свое стремленіе, до котораго массамъ кишащимъ внизу дѣла нѣтъ, даетъ блестящее свидѣтельство, до чего можетъ развиться человѣческая натура, какое страшное богатство силъ могутъ вызвать исключительныя обстоятельства, но все это не относится къ массамъ, ко всѣмъ. Краса какой-нибудь арабской лошади, воспитанной двадцатью поколѣніями, нисколько не даетъ право ждать отъ лошадей вообще тѣхъ-же статей. Идеалисты непремѣнно хотятъ по-

ставить на своемъ во чтобъ-то ни стало. Физическая красота между людьми такъ-же исключеніе, какъ особенное уродство. Посмотрите на мѣщанъ, толпящихся въ воскресенье на Елисейскихъ поляхъ или на скачкѣ въ Ипсомѣ, и вы ясно убѣдитесь, что порода людская вовсе не красива.

— Я это знаю и нисколько не удивляюсь глупымъ ртамъ, жирнымъ лбамъ, дерзко вздернутымъ и глупо висящимъ носамъ.

— Вы знаете это и возмущаетесь . . . . а какъ бы вы стали смѣяться надъ человѣкомъ, который принялъ бы близко къ сердцу, что лошаки не такъ красивы какъ олени. Для Руссо было невыносимо нелѣпое общественное устройство его времени, кучка людей стоявшая возлѣ него и развитая до того, что имъ только не доставало геніальной инициативы, чтобъ назвать зло, тяготившее ихъ, откликнулись на его призывъ; эти отщепленцы, раскольники остались вѣрны и составили гору въ 92 году. Они почти всѣ погибли, работая для французскаго народа, котораго требованія были очень скромны и который безъ сожаленія позволилъ ихъ казнить. Я даже не назову это неблагодарностью, не въ самомъ дѣлѣ все что дѣлалось, дѣлали они для народа, мы себя хотимъ освободить, намъ больно видѣть подавленную массу, насъ оскорбляетъ ея рабство, мы за нее страдаемъ— и хотимъ снять свое страданіе. За что тутъ благода-

рить; могла-ли толпа въ самомъ дѣлѣ въ половинѣ XVIII столѣтія желать свободы Contrat social, когда она теперь, черезъ вѣкъ послѣ Руссо, черезъ полвѣка послѣ горы нѣма къ ней, когда она теперь въ тесной рамкѣ самаго пошлаго гражданскаго быта здорова какъ рыба въ водѣ?

— Броженіе всей Европы плохо соединяется съ вашимъ воззрѣніемъ.

— Глухое броженіе, волнующее народы, происходитъ отъ голода; нелѣпый общественный порядокъ со всякимъ шагомъ впередъ лишаетъ средствъ большее и большее число людей; ихъ крикъ, ихъ возстаніе неотвратимо. Будь пролетарій побогаче, онъ и не подумалъ бы о коммунизмѣ. Мѣщане сыты, ихъ собственность защищена, они и оставили свои попеченія о свободѣ, о независимости; напротивъ, они хотятъ сильной власти, они улыбаются, когда имъ съ негодованіемъ говорятъ, что такой-то журналъ схваченъ, что того-то ведутъ за мнѣніе въ тюрьму. Все это бѣситъ, сердитъ небольшую кучку эксцентрическихъ людей; другіе равнодушно идутъ мимо, они заняты, они торгуютъ, они семейные люди. Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что мы не въ правѣ требовать полнѣйшей независимости; но только не за что сердиться на народъ, если онъ равнодушенъ къ нашимъ скорбямъ.

— Оно такъ, но мнѣ кажется, вы слишкомъ держитесь за ариѳметику, тутъ не поголовный счетъ

важенъ, а нравственная мощь, въ ней большинство достоинства (*).

— Что касается до качественнаго преимущества, я его вполнѣ отдаю сильнымъ личностямъ. Для меня Аристотель представляетъ не только сосредоточенную силу своей эпохи, но еще гораздо больше. Людямъ надобно было двѣ-тысячи лѣтъ понимать его на изнанку, чтобъ выразумѣть наконецъ смыслъ его словъ. Вы помните, Аристотель называетъ Анаксагора первымъ трезвымъ между пьяными Греками; Аристотель былъ послѣдній. Поставьте между ними Сократа и у васъ полный комплектъ трезвыхъ до Бэкона. Трудно по такимъ исключеніямъ судить о массѣ.

— Наукой всегда занимались очень немногіе; на это отвлеченное поле выходятъ одни строгіе, исключительные умы; если вы въ массахъ не встрѣтите большой трезвости, то найдете вдохновенное опьяненіе, въ которомъ бездна сочувствія къ истинѣ. Массы не понимали Сенеки и Цицерона, а каково отозвались на призывъ двѣнадцати Апостоловъ?

— Знаете-ли, по моему, сколько ихъ не жаль, а надобно признаться они сдѣлали совершеннѣйшее fiasco.

— Да, только окрестили полъ-вселенной.

— Въ четыре столѣтія борьбы, въ шесть столѣтій совершеннаго варварства, и послѣ этихъ усилій, продолжавшихся тысячу лѣтъ, міръ такъ окрестился, что отъ апостольскаго ученія ничего не осталось; изъ

(*) Августинъ употребилъ выраженіе: prioritas dignitatis.

освобождающаго Евангелія сдѣлали притѣсняющее католичество, изъ религіи любви и равенства — церковь крови, войны. Древній міръ, истощивъ всѣ свои жизненныя силы падалъ,' Христіанство явилось на его одрѣ врачемъ и утѣшителемъ, но прилаживаясь къ больному, оно само заразилось и сдѣлалось римское, варварское, какое хотите, только не евангельское. Какова сила родовой жизни, массъ и обстоятельствъ! Люди думають, что достаточно доказать истину какъ математическую теорему, чтобъ ее приняли; что достаточно самому вѣрить, чтобъ другіе повѣрили. Выходитъ совсѣмъ иное, одни говорятъ одно, а другіе слушаютъ ихъ и понимаютъ другое, оттого-что ихъ развитія разныя. Что проповѣдывали первые Христіане и что поняла толпа? Толпа поняла все непонятное, все нелѣпое и мистическое; все ясное и простое было ей недоступно; толпа приняла все связующее совѣсть и ничего освобождающее человѣка. Такъ впослѣдствіи толпа поняла революцію только кровавой расправой, гильотиной, местью; горькая историческая необходимость сдѣлалась торжественнымъ крикомъ, къ слову "братство" приклеили слово "смерть". Fraternité ou la mort сдѣлалось какимъ-то la bourse ou la vie—террористовъ. Мы столько жили сами, столько видѣли, да столько за насъ жили наши предшественники, что наконецъ намъ непростительно увлекаться, думать что достаточно возвѣстить римскому міру Евангеліе, чтобъ сдѣлать изъ него димокра-

тическую и соціальную республику, какъ это думали красные Апостолы; или что достаточно въ два столбца напечатать иллюстрированное изданіе des droits de l'homme, чтобъ человѣкъ сдѣлался свободнымъ.

— Скажите, пожалуйста, что вамъ за охота выставлять одну дурную сторону человѣческой природы?

— Вы начали разговоръ съ грознаго проклятія людямъ, а теперь защищаете ихъ. Вы меня сейчасъ обвиняли въ оптимизмѣ, я вамъ могу возвратить обвиненіе. У меня никакой нѣтъ системы, никакого интереса кромѣ истины и я высказываю ее какъ она мнѣ кажется. Я не считаю нужнымъ изъ учтивости къ человѣчеству, выдумывать на него всякія добродѣтели и доблести. Я ненавижу фразы, къ которымъ мы привыкли, какъ Христіане къ Символу Вѣры; какъ бы онѣ ни были съ виду нравственны и хороши, онѣ связываютъ мысль, покоряютъ ее. Мы принимаемъ ихъ безъ повѣрки и идемъ дальше, оставляя за собой эти ложные маяки и сбиваемся съ дороги. Мы до того привыкаемъ къ нимъ, что теряемъ способность въ нихъ сомнѣваться, что совѣстимся касаться до такихъ святынь. Думали-ли вы когда-нибудь что значатъ слова "человѣкъ родится свободнымъ"? Я вамъ ихъ переведу, это значитъ: человѣкъ родится звѣремъ—не больше. Возьмите табунъ дикихъ лошадей, совершенная свобода и равное участіе въ правахъ, полнѣйшій коммунизмъ. За то развитіе невозможно. Рабство первый шагъ къ цивилизаціи. Для

развитія надобно чтобъ однимъ было гораздо лучше, а другимъ гораздо хуже; тогда тѣ, которымъ лучше, могутъ идти впередъ на счетъ жизни остальныхъ. Природа для развитія ничего не жалѣетъ. Человѣкъ— звѣрь съ необыкновенно хорошо-устроеннымъ мозгомъ, тутъ его мощь. Онъ не чувствовалъ въ себѣ ни ловкости тигра, ни львиной силы, у него не было ни ихъ удивительныхъ мышцъ, ни такого развитія внѣшнихъ чувствъ, но въ немъ нашлось бездна хитрости, множество смирныхъ качествъ, которыя съ естественнымъ побужденіемъ жить стадами, поставили его на начальную ступень общественности. Не забывайте, что человѣкъ любитъ подчиняться, онъ ищетъ всегда къ чему-нибудь прислониться, за что-нибудь спрятаться, въ немъ нѣтъ гордой самобытности хищнаго звѣря. Онъ росъ въ повиновеніи семейномъ, племенномъ; чѣмъ сложнѣе и круче связывался узелъ общественной жизни, тѣмъ въ большее рабство впадали люди; они были подавлены религіей, которая тѣснила ихъ за ихъ трусость; старѣйшими, которые тѣснили ихъ, основываясь на привычкѣ. Ни одинъ звѣрь, кромѣ породъ "развращенныхъ человѣкомъ", какъ называлъ домашнихъ звѣрей Байронъ, не вынесъ бы этихъ человѣческихъ отношеній. Волкъ ѣстъ овцу, потому-что голоденъ и потому-что она слабѣе его, но рабства отъ нея не требуетъ, овца не покоряется ему, она протестуетъ крикомъ, бѣгомъ; человѣкъ вноситъ въ дико-независимый и самобытный міръ

животныхъ—элементъ вѣрноподданичества, элементъ Калибана, на немъ только и было возможно развитіе Проспера; и тутъ опять та-же безпощадная экономія природы, ея разсчитанность средствъ, которая, ежели гдѣ перейдетъ, то навѣрное не дойдетъ гдѣ-нибудь и вытянувши въ непомѣрную вышину переднія ноги и шею камелеопардала, губитъ его заднія ноги.

— Докторъ, да вы страшный аристократъ.

— Я натуралистъ, и знаете, что еще?..я не трусъ, я не боюсь ни узнавать истину, ни высказывать ее.

— Я не стану вамъ противурѣчить, впрочемъ въ теоріи всѣ говорятъ правду, на сколько ее понимаютъ, тутъ нѣтъ большаго мужества.

— Вы думаете? Какой предразсудокъ!..помилуйте на сто философовъ вы не найдете одного, который былъ бы откровененъ; пусть бы ошибался, несъ бы нелѣпицу, но только съ полной откровенностію. Одни обманываютъ другихъ изъ нравственныхъ цѣлей, другіе самихъ себя — для спокойствія. Много-ли вы найдете людей какъ Спиноза, какъ Юмъ, идущихъ смѣло до всякаго вывода? Всѣ эти великіе освободители ума человѣческаго поступали такъ какъ Лютеръ и Кальвинъ и можетъ были правы съ практической точки зрѣнія; они освобождали себя и другихъ включительно до какого-нибудь рабства, до символическихъ книгъ, до текста Св. Писанія и находили въ душѣ своей воздержность и умѣренность не идти далѣе. По большей части послѣдователи продолжаютъ строго

идти въ путяхъ учителей; въ числѣ ихъ являются люди посмѣлѣй, которые догадываются, что дѣло-то не совсѣмъ такъ, но молчатъ изъ благочестія, и лгутъ изъ уваженія къ предмету; такъ какъ лгутъ адвокаты, ежедневно говоря, что не смѣютъ сомнѣваться въ справедливости судей, зная очень хорошо что они мошенники и недовѣряя имъ нисколько. Эта учтивость совершенно рабская, но мы къ ней привыкли. Знать истину не легко, но все-же легче нежели высказывать ее, когда она не совпадаетъ съ общимъ мнѣніемъ. Сколько кокества, сколько риторики, позолоты, околичнословія употребляли лучшіе умы, Бэконъ, Гегель, чтобъ не говорить просто, боясь тупаго негодованія или пошлаго свиста. Оттого до такой степени трудно понимать науку, надобно отгадывать ложно высказанную истину. Теперь разсудите : у многихъ ли есть досугъ и охота доработываться до внутренней мысли и копаться въ гумусѣ, которымъ наши учители прикрываютъ свое посильное пониманье — отрывая стразы и крашеные стекла ихъ науки.

— Это опять приближается къ вашей аристократической мысли, что истина для нѣсколькихъ, а ложь для всѣхъ, что.....

— Позвольте, вы во второй разъ назвали меня аристократомъ, я при этомъ вспоминаю Робеспьеровское выраженіе : l'athéisme est aristocrate. Еслибъ Робеспьеръ хотѣлъ только сказать, что атеизмъ возможенъ для немногихъ, такъ точно какъ дифферен-

ціяльныя исчисленія, какъ физика, онъ былъ бы правъ; но онъ сказавши, атеизмъ аристократиченъ, заключилъ, что атеизмъ ложь. Для меня это возмутительно, это димагогія, это покореніе разума нелѣпому большинству голосовъ. Неумолимый логикъ революціи срѣзался и провозглашая димократическую неправду, народной религіи не возстановилъ, а указалъ предѣлъ своихъ силъ, указалъ межу, за которой и онъ не революціонеръ, а указать это во время переворота и движенія значитъ напомнить, что время лица миновало...И въ самомъ дѣлѣ, послѣ Fête de l'Etre Suprême, Робеспьеръ становится мраченъ, задумчивъ, безпокоенъ, его томитъ тоска, нѣтъ прежней вѣры, нѣтъ того смѣлаго шага, которымъ онъ шелъ впередъ, которымъ ступалъ въ кровь и кровь его не марала; тогда онъ не зналъ своихъ границъ, будущее было безпредѣльно; теперь онъ увидѣлъ заборъ, онъ почувствовалъ что ему приходится быть консерваторомъ, и голова атеиста Клоца, пожертвованная предразсудку, лежала въ ногахъ его какъ улика, черезъ нее ему нельзя было перешагнуть.—Мы старше нашихъ старшихъ братій; не будемъ дѣтьми, не будемъ бояться ни были, ни логики, не станемъ отказываться отъ послѣдствій, они не въ нашей волѣ, не будемъ выдумывать Бога; если его нѣтъ, отъ этого его все-же не будетъ. Я сказалъ, что истина принадлежитъ меньшинству, развѣ вы этого не знали? отчего вамъ это показалась странно? оттого, что я не приба-

вилъ къ этому никакой риторической фразы. Помилуйте, да вѣдь я не отвѣчаю ни за пользу, ни за вредъ этого факта, я говорю только о его существованіи. Я вижу въ настоящемъ и прошедшемъ знаніе, истину, нравственную силу, стремленіе къ независимости, любовь къ изящному — въ небольшой кучкѣ людей враждебныхъ, не симпатизирующихъ съ большинствомъ, потерянныхъ въ своей средѣ. Съ другой стороны я вижу тугое развитіе остальныхъ слоевъ общества, узкія понятія основанныя на преданіи, ограниченныя потребности, небольшія стремленія къ добру, небольшія поползновенія къ злу.

— Да сверхъ того необычайную вѣрность въ стремленіяхъ.

— Вы правы, общія симпатіи массъ почти всегда вѣрны, какъ инстинктъ животныхъ вѣренъ, и знаете отчего? оттото, что жалкая самобытность отдѣльныхъ личностей стирается въ общемъ, что масса хороша только какъ безличная и развитіе самобытной личности составляетъ всю прелесть, до которой доработывается съ другой стороны все свободное, талантливое, сильное.

— Вы правы до тѣхъ поръ, пока будетъ толпа, но замѣтьте что прошедшее и настоящее не даютъ вамъ причины заключать, что въ будущемъ не измѣнятся эти отношенія; все идетъ къ тому, чтобъ разрушить дряхлыя основы общественности. Вы ясно поняли и рѣзко представляете раздоръ, двойство въ жизни, и

успокоиваетесь на этомъ; вы какъ докладчикъ уголовной палаты свидѣтельствуете о преступленіи и стараетесь его доказать, предоставляя судъ — палатѣ. Другіе идутъ далѣе, они хотятъ его снять; всѣ сильныя натуры меньшинства, о которомъ вы говорите, постоянно стремились наполнить пропасть ихъ отдѣлявшую отъ массъ, имъ было противно думать, что это неизбѣжный, роковой фактъ, у нихъ въ груди слишкомъ много было любви, чтобъ остаться въ своей исключительной выси. Они лучше хотѣли съ опрометчивостію самоотверженнаго порыва, погибнуть въ пропасти ихъ отдѣляющей отъ народа, нежели прогуливаться по ихъ краямъ, какъ вы. И эта связь ихъ съ массами не капризъ, не риторика, а глубокое чувство сродства, сознаніе того что они сами вышли изъ массъ, что безъ этого хора не было бы и ихъ, что они представляютъ ея стремленія, что они достигли того, до чего она достигаетъ.

— Безъ сомнѣнія, всякій распустившійся талантъ, какъ цвѣтокъ тысячью нитями связанъ съ растеніемъ и никогда не былъ бы безъ стебля, а все-таки онъ не стебель, не листъ, а цвѣтокъ, жизнь его, соединенная съ прочими частями, все-же иная. Одно холодное утро — и цвѣтокъ гибнетъ, а стебель остается; въ цвѣткѣ, если хотите, цѣль растенія и край его жизни, но все же лепестки вѣнчика, не цѣлое растеніе. Всякая эпоха выплескиваетъ такъ сказать дальнѣйшей волной, полнѣйшія, лучшія организаціи, если только онѣ нашли

средства развиться; онѣ не только выходятъ изъ толпы, но и вышли изъ нея. Возьмите Гёте, онъ представляетъ усиленную, сосредоточенную, очищенную, сублимированную сущность Германіи, онъ изъ нея вышелъ, онъ не былъ бы безъ всей исторіи своего народа, но онъ такъ удалился отъ своихъ соотечественниковъ, въ ту сферу, въ которую поднялся, что они не понимали его и что онъ наконецъ плохо ихъ понималъ; въ немъ собралось все волновавшее душу протестантскаго міра и распахнулось такъ, что онъ носился надъ тогдашнимъ міромъ какъ духъ божій надъ водами. Внизу хаосъ, недоразумѣніе, схоластика, домогательство понять; въ немъ свѣтлое сознаніе и покойная мысль, далеко опередившая современниковъ.

— Гёте представляетъ во всемъ блескѣ именно вашу мысль; онъ отчуждается, онъ доволенъ своимъ величіемъ; и въ этомъ отношеніи онъ исключеніе. Таковъ-ли былъ Шиллеръ и Фихте, Руссо и Байронъ и всѣ эти люди, мучившіеся изъ того, чтобъ привесть къ одному уровню съ собою массу, толпу. Для меня страданія этихъ людей, безвыходныя, жгучія, провожавшія ихъ иногда до могилы, иногда до плахи или до дома умалишенныхъ — лучше нежели Гётевской покой.

— Они много страдали, но не думайте, что они были безъ утѣшеній. У нихъ было много любви; но сверхъ того было еще больше вѣры. Они вѣрили въ

человѣчество такъ, какъ его придумали, вѣрили въ свой разумъ, вѣрили въ будущее, упиваясь своимъ отчаяніемъ, и эта вѣра врачевала одушевленіе ихъ.

— Зачѣмъ-же въ васъ нѣтъ вѣры?

— Отвѣтъ на этотъ вопросъ сдѣланъ давно Байрономъ; онъ отвѣчалъ дамѣ, которая его обращала въ христіанскую вѣру: "какъ-же я сдѣлаю чтобъ начать вѣрить?" Въ наше время можно или вѣрить не думая, или думать не вѣривши. Вамъ кажется, что спокойное повидимому сомнѣніе легко; а почемъ вы знаете, сколько бы человѣкъ иногда готовъ былъ дать въ минуту боли, слабости, изнеможенія за одно вѣрованіе? Откуда его возьмешь? Вы говорите: лучше страдать, и совѣтуете вѣровать, но развѣ религіозные люди страдаютъ въ самомъ дѣлѣ? Я вамъ разскажу случай, который былъ со мною въ Германіи. Призываютъ меня разъ въ гостинницу къ пріѣзжей дамѣ, у которой занемогли дѣти; я прихожу; дѣти въ страшной скарлатинѣ; медицина нынче на столько сдѣлала успѣховъ, что мы поняли, что мы не знаемъ почти ни одной болѣзни и почти ни однаго леченія, это большой шагъ впередъ; вмѣсто знанія у насъ одинъ навыкъ, наглядка, примѣръ. Вижу я, дѣло очень плохо, прописалъ для успокоенія матери всякія невинныя вещи, далъ разныя приказанія очень хлопотливыя чтобъ ее занять, а самъ сталъ выжидать, какія силы найдетъ организмъ для противудѣйствія болѣзни. Старшій мальчикъ попріутихъ. "Онъ кажется теперь спокойно заснулъ", сказала мнѣ

мать; я ей показалъ пальцемъ, чтобъ она его не разбудила; ребенокъ отходилъ. Для меня было очевидно, что болѣзнь совершенно одинаково пойдетъ у его сестры; мнѣ казалось, что ее спасти невозможно. Мать, женщина очень нервная, была въ безуміи и безпрерывно молилась; дѣвочка умерла. — Первые дни человѣческая натура взяла свое, мать пролежала въ горячкѣ, была сама на краю гроба, но мало по малу силы воротились, она стала покойнѣе, толковала мнѣ все о Шведенборгѣ...Уѣзжая, она взяла меня за руку и сказала съ видомъ торжественнаго спокойствія : "Тяжело мнѣ было...какое страшное испытаніе!..но я ихъ хорошо помѣстила, они возвратились чистыми, ни одной пылинки, ни одного тлѣтворнаго дыханія не коснулось ихъ ... имъ будетъ хорошо! Я для ихъ блага должна покориться".

— Какая разница между этимъ фанатизмомъ и вѣрой человѣка въ людей, въ возможность лучшаго устройства, свободы! Это сознаніе, мысль, убѣжденіе, а не суевѣріе.

— Да, это мысль, логика, отвлеченіе — и оттого религія, не грубая религія des Jenseits, которая отдаетъ дѣтей въ пансіонъ на томъ свѣтѣ, а религія des Diesseits, религія науки, всеобщаго, родоваго, трансцендентальнаго, разума, идеализма. Объясните мнѣ пожалуйста, отчего вѣрить въ Бога смѣшно, а вѣрить въ человѣчество не смѣшно; вѣрить въ царство небесное—глупо, а вѣрить въ земныя утопіи — умно?

Отбросивши положительную религію, мы остались при всѣхъ религіозныхъ привычкахъ, и, утративъ рай на небѣ, вѣримъ въ пришествіе рая земнаго и хвастаемся этимъ. Вѣра въ будущее за гробомъ дала столько силы мученикамъ первыхъ вѣковъ; но вѣдь такая-же вѣра поддерживала и мучениковъ революціи; тѣ и другіе гордо и весело несли голову на плаху, потому-что у нихъ была непреложная вѣра въ успѣхъ ихъ идей, въ торжество христіанства, въ торжество республики. Тѣ и другіе ошиблись — ни мученики не воскресли, ни республика не водворилась. Мы пришли послѣ нихъ и увидѣли это. Я не отрицаю ни величіе, ни пользу вѣры; это великое начало движенія, развитія, страсти въ исторіи, но вѣра въ душѣ людской или частной фактъ или эпидемія. Натянуть ее нельзя, особенно тому, кто допустилъ разборъ и недовѣрчивое сомнѣніе, кто пыталъ жизнь и задерживая дыханіе, съ любовью останавливался на всякихъ трупоразьятіяхъ, кто заглянулъ, можетъ быть больше нежели нужно за кулисы; дѣло сдѣлано, повѣрить вновь нельзя. Можно-ли напримѣръ меня увѣрить, что послѣ смерти духъ человѣка живъ, когда такъ легко понять нелѣпость этого раздѣленія тѣла и духа; можно-ли меня увѣрить, что завтра или черезъ годъ водворится соціальное братство, когда я вижу что народы понимаютъ братство, какъ Каинъ и Абель?

— Вамъ, Докторъ, остается скромное a parte въ

этой драмѣ, безплодная критика и праздность до скончанія дней.

— Быть можетъ, очень можетъ быть. Хотя я не называю праздностью внутреннюю работу, но тѣмъ не менѣе думаю, что вы вѣрно смотрите на мою судьбу. Помните-ли вы римскихъ философовъ въ первые вѣка христіанства, ихъ положеніе имѣетъ много сходнаго съ нашимъ; у нихъ ускользнуло настоящее и будущее, съ прошедшимъ они были во враждѣ. Увѣренные въ томъ, что они ясно и лучше понимаютъ истину, они скорбно смотрѣли на разрушающійся міръ и на міръ водворяемый, они чувствовали себя правѣе обоихъ и слабѣе обоихъ. Кружокъ ихъ становился тѣснѣе и тѣснѣе, съ язычествомъ они ничего не имѣли общаго кромѣ привычки, образа жизни. Натяжки Юліана Отступника и его реставраціи были также смѣшны, какъ реставрація Людовика XVIII и Карла X; съ другой стороны, христіанская теодицея оскорбляла ихъ свѣтскую мудрость, они не могли принять ея языкъ, земля изчезала подъ ихъ ногами, участіе къ нимъ стыло; но они умѣли величаво и гордо дожидаться пока разгромъ захватитъ кого-нибудь изъ нихъ — умѣли умирать, не накупаясь на смерть и безъ притязанія спасти себя или міръ, они гибли хладнокровно, безучастно къ себѣ; они умѣли, пощаженные смертью, завертываться въ свою тогу и молча досматривать что станется съ Римомъ, съ людьми. Одно благо, остававшееся этимъ иностранцамъ своего време-

ни, была спокойная совѣсть, утѣшительное сознаніе, что они не испугались истины, что они, понявъ ее, нашли довольно силы, чтобъ вынести ее, чтобъ остаться вѣрными ей.

— И только.

— Будто этого не довольно? Впрочемъ нѣтъ, я забылъ, у нихъ было еще одно благо—личныя отношенія, увѣренность въ томъ, что есть люди также понимающіе, сочувствующіе съ ними, увѣренность въ глубокой связи, которая независима ни отъ какого событія; если при этомъ немного солнца, море вдали или горы, шумящая зелень, теплый климатъ...чего же больше?

— По несчастію этого спокойнаго уголка въ теплѣ и тишинѣ, вы не найдете теперь во всей Европѣ.

— Я поѣду въ Америку.

— Тамъ очень скучно.

— Это правда...

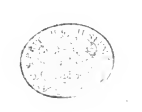
Парижъ, 1 Марта 1849 г.

VI.

ЭПИЛОГЪ 1849.

Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Stier,
Aber Menschenopfer—unerhört.

(GŒTHE.) *Braut v. Corinth.*

Проклятіе тебѣ годъ крови и безумія, годъ торжествующей пошлости, звѣрства, тупоумья. — Проклятье тебѣ!

Отъ перваго до послѣдняго дня, ты былъ несчастіемъ, ни одной свѣтлой минуты, ни однаго покойнаго часа, нигдѣ, не было въ тебѣ. Отъ возстановленной гильотины въ Парижѣ, отъ буржскаго процесса до кефалонійскихъ висѣлицъ, поставленныхъ для дѣтей, отъ пуль, которыми разстрѣливалъ Баденцевъ —братъ короля прусскаго, отъ Рима, падшаго передъ народомъ измѣнившимъ человѣчеству, до Венгріи, проданной врагу полководцемъ измѣнившимъ отечеству — все въ тебѣ преступно, кроваво, гадко, все заклеймено печатью отверженія. И это только первая ступень, начало, введеніе, слѣдующіе годы будутъ и отвратительнѣе, и свирѣпѣе, и пошлѣе...

До какого времени слезъ и отчаянія мы дожили..! Голова идетъ кругомъ, грудь ломится, страшно знать

что дѣлается и страшно не знать что еще за неистовство случилось. Лихорадочная злоба подстрекаетъ на ненависть и презрѣніе; униженіе разъѣдаетъ грудь ...и хочется бѣжать, уйдти...отдохнуть, уничтожиться безслѣдно, безсознательно.

Послѣдняя надежда, которая согрѣвала, поддерживала, надежда на месть—на месть безумную, дикую, ненужную; но которая бы доказала, что въ груди у современнаго человѣка есть сердце—исчезаетъ; душа остается безъ зеленаго листа, все облетѣло ... и все затихло—мгла и холодъ распространяются ... только порой топоръ палача стукнетъ падая; да пуля, тоже палача, свищетъ, отыскивая благородную грудь юноши, разстрѣливаемаго за то, что онъ вѣрилъ въ человѣчество.

И они не будутъ отомщены!....

Развѣ у нихъ не было друга, брата? развѣ нѣтъ людей дѣлящихъ ихъ вѣру?—Все было, только мести не будетъ!

Вмѣсто Марія изъ ихъ праха родилась цѣлая литература застольныхъ рѣчей, димагогическихъ разглагольствованій — мое въ томъ числѣ — и прозаическихъ стиховъ.

Они этого не знаютъ. Какое счастіе что ихъ нѣтъ и что нѣтъ жизни за гробомъ. Вѣдь они вѣрили въ людей, вѣрили, что есть за что умереть и умерли прекрасно, свято, искупая разслабленное поколѣніе кастратовъ. Мы едва знаемъ ихъ имена — убійство

Роберта Блума ужаснуло, удивило, потомъ мы обдержались.....

Я краснѣю за наше поколѣніе, мы какіе-то бездушные риторы, у насъ кровь холодна, а горячи одни чернилы; у насъ мысль привыкла къ безслѣдному раздраженію, а языкъ къ страстнымъ словамъ, неимѣющимъ никакого вліянія на дѣло. Мы размышляемъ тамъ, гдѣ надобно разить, обдумываемъ тамъ, гдѣ надобно увлечься, мы отвратительно благоразумны, на все смотримъ съ высока, мы все переносимъ, мы занимаемся общимъ, идеей, человѣчествомъ,

И любимъ мы и ненавидимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви.....

Мы заморили наши души въ отвлеченныхъ и общихъ сферахъ, такъ какъ монахи обезсиливали ее въ мірѣ молитвы и созерцанія. Мы потеряли вкусъ къ дѣйствительности, вышли изъ нея вверхъ, такъ какъ мѣщане вышли внизъ.

А вы что дѣлали, революціонеры, испугавшіеся революціи? Политическіе шалуны, паяцы свободы, вы играли въ республику, въ терроръ, въ правительство, вы дурачились въ клубахъ, болтали въ камерахъ, одѣвались шутами съ пистолетами и саблями, цѣломудренно радовались, что заявленные злодѣи, удивляясь что живы, хвалили ваше милосердіе. Вы ничего не предупредили, ничего не предвидѣли. А тѣ, лучшіе изъ васъ, заплатили головой за ваше безуміе. Учитесь теперь у вашихъ враговъ, которые

вас побѣдили, потому-что они умнѣе васъ. Посмотрите, боятся-ли они реакціи, боятся-ли они идти слишкомъ далеко, замарать себѣ кровью руки? Они по локоть, по горло въ крови. Погодите немного, они васъ всѣхъ переказнятъ, вы не далеко ушли. Да что, переказнятъ — они васъ пересекутъ всѣхъ.

Меня, просто ужасаетъ современный человѣкъ. Какая безчувственность и ограниченность, какое отсутствіе страсти, негодованія, какая слабость мысли, какъ скоро стынетъ въ немъ порывъ, какъ рано изношено въ немъ увлеченіе, энергія, вѣра въ собственное дѣло! — и гдѣ? чѣмъ? Когда эти люди истратили свою жизнь, когда они успѣли потерять силы? Они растлились въ школѣ, гдѣ ихъ одурачили; они истаскались въ пивныхъ лавкахъ, въ студентской одичалости; они ослабли отъ маленькаго, грязнаго разврата; родившіеся, выросченные въ больничномъ воздухѣ, они мало принесли силъ и завяли потомъ, прежде нежели разцвѣли, они истощились не страстями, а страстными мечтами. И тутъ, какъ всегда, литераторы, идеалисты, теоретики, они мыслію постигли развратъ, они прочитали страсть. Право, иной разъ становится досадно, что человѣкъ не можетъ перечислиться въ другой родъ звѣрей — разумѣется, быть осломъ, лягушкой, собакой пріятнѣе, честнѣе и благороднѣе, нежели человѣкомъ XIX вѣка.

Винить не кого, это не ихъ, не наша вина, это несчастіе рожденія тогда, когда цѣлый міръ—умираетъ!

Одно утѣшеніе и остается, весьма вѣроятно, что будущія поколѣнія выродятся еще больше, еще больше обмелѣютъ, обнищаютъ умомъ и сердцемъ, имъ уже и наши дѣла будутъ недоступны и наши мысли будутъ непонятны. Народы, какъ царскіе домы, передъ паденіемъ тупѣютъ, ихъ пониманіе помрачается, они выживаютъ изъ ума; какъ эти Меровинги, зачинавшіеся въ развратѣ и кровосмѣшеніяхъ и умиравшіе въ какомъ-то чаду, ни разу не пришедши въ себя; какъ аристократія, выродившаяся до болѣзненныхъ кретиновъ, измѣльчавшая въ ростѣ, исказившаяся въ чертахъ . . . и мѣщанская Европа изживетъ свою бѣдную жизнь въ сумеркахъ тупоумія, въ вялыхъ чувствахъ безъ убѣжденій, безъ изящныхъ искуствъ, безъ мощной поэзіи. Слабыя, хилыя, глупыя поколѣнія протянутся какъ-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая ихъ покроетъ каменнымъ покрываломъ и предастъ забвенію—лѣтописей.

А тамъ?—

А тамъ настанетъ весна, молодая жизнь закипитъ на ихъ гробовой доскѣ, варварство младенчества, полное неустроенныхъ, но здоровыхъ силъ, замѣнитъ старческое варварство; дикая, свѣжая мощь распахнется въ молодой груди юныхъ народовъ и начнется новый кругъ событій и третій томъ всеобщей исторіи.

Основный тонъ его мы можемъ понять теперь. Онъ будетъ принадлежать соціальнымъ идеямъ. Соціа-

лизмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой соціализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма и будетъ побѣжденъ грядущею, неизвѣстною намъ революцией.....

Вѣчная игра жизни, безжалостная какъ смерть, неотразимая какъ рожденіе, corsi e ricorsi исторіи, perpetuum mobile жизни.

Къ концу XVIII вѣка европейскій Сизифъ докатилъ тяжелый камень свой, составленный изъ развалинъ и осколковъ трехъ разнородныхъ міровъ, до вершины, камень качнулся въ сторону, въ другую, казалось хотѣлъ установиться—не тутъ-то было, онъ перекатился, и сталъ тихо, незамѣтно склоняться — быть можетъ онъ запнулся бы за что-нибудь, остановился бы съ помощію такихъ тормазовъ и пороговъ, какъ представительное правленіе, конституціонная монархія, потомъ вывѣтривался бы вѣка цѣлые, принимая всякую перемѣну за совершенствованіе и всякую перестановку за развитіе — такъ какъ этотъ европейскій Китай, называемый Англіей, такъ какъ это допотопное государство, стоящее между допотопныхъ горъ, называемое Швейцаріей. Но для этого надобно было, чтобъ вѣтеръ не вѣялъ, чтобъ не было ни толчка, ни потрясенія; но вѣтеръ повѣялъ и толчекъ пришелъ. Февральская буря потрясла всю на-

слѣдственную почву. Буря іюньскихъ дней окончательно сдвинула весь римско-феодальный наплывъ и онъ понесся подъ гору съ усиливающейся быстротою, ломая по дорогѣ все встрѣчное и ломаясь самъ въ осколки ... А бѣдный Сизифъ смотритъ и не вѣритъ своимъ глазамъ, лице его осунулось, потъ устали смѣшался съ потомъ ужаса, слезы отчаянія, стыда, безсилія, досады, остановились на глазахъ; онъ такъ вѣрилъ въ совершенствованіе, въ человѣчество, онъ такъ философски, такъ умно и учено уповалъ на современнаго человѣка. — И все-таки обманулся.

Французская революція и германская наука, геркулесовскіе столбы міра европейскаго. За ними по другую сторону открывается океанъ, виднѣется новый свѣтъ, что-то другое, а не исправленное изданіе старой Европы. Они сулили міру освобожденіе отъ церковнаго насилія, отъ гражданскаго рабства, отъ нравственнаго авторитета. Но провозглашая искренно свободу мысли и свободу жизни люди переворота, не сообразили всю несовмѣстность ея съ католическимъ устройствомъ Европы. Отречься отъ него они еще не могли. Чтобъ идти впередъ, имъ пришлось свернуть свое знамя, измѣнить ему, имъ пришлось дѣлать уступки.

Руссо и Гегель — христіане.

Робеспьеръ и С. Жюстъ — монархисты.

Германская наука — спекулативная религія; республика Конвента — пентархическій абсолютизмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ церковь. Вмѣсто символа вѣры яви-

лись гражданскіе догматы. Собраніе и правительство священнодѣйствовало мистерію народнаго освобожденія. Законодатель сдѣлался жрецомъ, прорицателемъ и возвѣщалъ добродушно и безъ ироніи, неизмѣнные, непогрѣшительные приговоры во имя самодержавія народнаго.

Народъ, какъ разумѣется, оставался по прежнему "мирянином", управляемымъ; для него ничего не измѣнилось и онъ присутствовалъ при политическихъ литургіяхъ также ничего не понимая, какъ при религіозной.

Но страшное имя Свободы замѣшалось въ мірѣ привычки, обряда и авторитета. Оно запало въ сердца; оно раздалось въ ушахъ и не могло оставаться страдательнымъ; оно бродило, разъѣдало основы общественнаго зданія, лиха бѣда была привиться въ одной точкѣ, разложить одну каплю старой крови. Съ этимъ ядомъ въ жилахъ, нельзя спасти вѣтхое тѣло. Сознаніе близкой опасности сильно выразилось послѣ безумной эпохи императорства; всѣ глубокіе умы того времени ждали катаклизмъ, боялись его. Легитимистъ Шатобріанъ и Ламене, тогда еще аббатъ, указывали его. Кровавый террористъ католицизма Местръ, боясь его, подавалъ одну руку папѣ, другую палачу. Гегель подвязывалъ паруса своей философіи, такъ гордо и свободно плывшей по морю логики, боясь далеко уплыть отъ береговъ и быть захваченному шкваломъ. Нибуръ, томимый тѣмъ-же пророчествомъ, умеръ,

увидя 1830 г. и іюльскую революцію. Цѣлая школа образовалась въ Германіи, мечтавшая остановить будущее прошедшимъ; трупомъ отца припереть дверь новорожденному. — Vanitas vanitatum!

Два исполина пришли наконецъ торжественно заключить историческую фазу.

Старческая фигура Гете, не дѣлящая интересовъ кипящихъ вокругъ, отчужденная отъ среды, стоитъ спокойно замыкая два прошедшихъ у входа въ нашу эпоху. Онъ тяготитъ надъ современниками и примиряетъ съ былымъ. Старецъ былъ еще живъ, когда явился и изчезъ единственный поэтъ XIX столѣтія. Поэтъ сомнѣнія и негодованія, духовникъ, палачъ и жертва вмѣстѣ; онъ на-скоро прочелъ скептическую отходную дряхлому міру и умеръ 37 лѣтъ въ возрождавшейся Греціи, куда бѣжалъ чтобъ только не видѣть "береговъ своей родины".

За нимъ замолкло все. И никто не обратилъ вниманія на безплодность вѣка; на совершенное отсутствіе творчества. Сначала онъ еще былъ освѣщенъ заревомъ XVIII столѣтія, онъ блисталъ его славой, гордился его людьми. Помѣрѣ какъ эти звѣзды другого неба заходили, сумерки и мгла падали на все; повсюду безсиліе, посредственность, мелкость — и едва замѣтная полоска на востокѣ, намѣкающая на дальнее утро, передъ наступленіемъ котораго разразится не одна туча.

Явились пророки наконецъ, возвѣщающіе близкое

несчастіе и дальнее искупленіе. На нихъ смотрѣли какъ на юродивыхъ, ихъ новый языкъ возмущалъ, ихъ слова принимались за бредъ. Толпа не хочетъ чтобъ ее будили, она проситъ одного, оставить ее въ покоѣ съ ея жалкимъ бытомъ, съ ея пошлыми привычками; она хочетъ какъ Фридрикъ II умереть не мѣняя грязнаго бѣлья. Ничто въ мірѣ не могло такъ удовлетворить этому скромному желанію, какъ мѣщанская монархія.

Но разложеніе шло своимъ чередомъ, "подземный кротъ" работалъ неутомимо. Всѣ власти, всѣ учрежденія были разъѣдаемы скрытымъ ракомъ; 24 февраля 1848 г. болѣзнь сдѣлалась острой изъ хронической. Французская республика была возвѣщена міру трубою послѣдняго суда. Немощь, хилость стараго общественнаго устройства становились очевидны, все стало распускаться, развязываться, все перемѣшалось и именно держится на этой путаницѣ. Революціонеры сдѣлались консерваторами, консерваторы анархистами; республика убила послѣднія свободныя учрежденія, уцѣлѣвшія при короляхъ; родина Вольтера бросилась въ ханжество. Всѣ побѣждены, все побѣждено, а побѣдителя нѣтъ.....

Когда многіе надѣялись, мы говорили имъ, это не выздоровленіе, это румянецъ чахотки. Смѣлые мыслію, дерзкіе на языкъ, мы не побоялись ни изслѣдовать зло, ни высказать его, а теперь выступаетъ холодный потъ на лбу. Я первый блѣднѣю, трушу

передъ темной ночью, которая наступаетъ; дрожь пробѣгаетъ по кожѣ при мысли, что наши предсказанія сбываются — такъ скоро, что ихъ совершеніе — такъ неотразимо....

Прощай отходящій міръ, прощай Европа!

А мы что сдѣлаемъ изъ себя?

...Послѣднія звѣнья, связующія два міра, не принадлежащіе ни къ тому, ни къ другому, люди, отвязавшіеся отъ рода, разлученные съ средою, покинутые на себя; люди не нужные, потому-что не можемъ дѣлить ни дряхлости однихъ, ни младенчества другихъ, намъ нѣту мѣста ни за однимъ столомъ. Люди отрицанія для прошедшаго, люди отвлеченныхъ построеній въ будущемъ, мы не имѣемъ достоянія ни въ томъ, ни въ другомъ и въ этомъ равно свидѣтельство нашей силы и ея ненужности.

Идти бы прочь...Своею жизнію начать освобожденіе, протестъ, новый бытъ...Какъ будто мы въ самомъ дѣлѣ такъ свободны отъ стараго? Развѣ наши добродѣтели и наши пороки, наши страсти и главное наши привычки не принадлежатъ этому міру, съ которымъ мы развелись только въ убѣжденіяхъ.

Что-же мы сдѣлаемъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ? мы, которые не можемъ провести утра, не прочитавъ пяти журналовъ, мы, у которыхъ только и осталось поэзіи въ боѣ съ старымъ міромъ.....сознаемся откровенно, мы плохіе Робинзоны.

Развѣ ушедшіе въ Америку не снесли съ собой туда старую Англію?

И развѣ вдали мы не будемъ слышать стоны, развѣ можно отвернуться, закрыть глаза, заткнуть уши — преднамѣренно не знать, упорно молчать, т. е. признаться побѣжденнымъ, сдаться? Это невозможно! Наши враги должны знать, что есть независимые люди, которые ни за что не поступятся свободной рѣчью, пока топоръ не прошелъ между ихъ головой и туловищемъ, пока веревка имъ не стянула шею.

Итакъ пусть раздается наше слово!

....А кому говорить?...о чемъ?—я право не знаю, только это сильнѣе меня.....

Цюрихъ, 21 Декабря 1849 г.

VII.

OMNIA MEA MECUM PORTO.

Ce n'est pas Catalina, qui est à vos portes,
— c'est la mort.

PROUDHON. *(Voix du Peuple.)*

Видимая, старая, официальная Европа не спитъ — она умираетъ!

Послѣдніе слабые и болѣзненные остатки прежней жизни едва достаточны, чтобъ удержать на нѣсколько времени распадающіяся части тѣла, которыя стремятся къ новымъ сочетаніямъ, къ развитію иныхъ формъ.

По-видимому еще многое стоитъ прочно, дѣла идутъ своимъ чередомъ, судьи судятъ, церкви открыты, биржи кипятъ дѣятельностію, войска маневрируютъ, дворцы блестятъ огнями — но духъ жизни отлетѣлъ, на сердцѣ у всѣхъ неспокойно, смерть за плечами и въ сущности ничего не идетъ. Въ сущности нѣтъ ни церкви, ни войска, ни правительства, ни суда — все превратилось въ полицію. Полиція хранитъ, спасаетъ Европу, подъ ея благословеніемъ и кровомъ стоятъ троны и алтари, это гальваническая струя, которою насильственно поддерживаютъ

жизнь, чтобъ выиграть настоящую минуту. Но разъѣдающій огонь болѣзни не потушенъ, его вогнали только внутрь, онъ скрытъ. Всѣ эти почернѣлыя стѣны и твердыни, которыя кажется своей старостію пріобрѣли всегдашность скалъ — ненадежны; онѣ похожи на пни долго остающіеся послѣ порубки лѣса, онѣ хранятъ видъ упорной несокрушимости до тѣхъ поръ, пока не толкнетъ кто-нибудь ногой.

Многіе не видятъ смерти только потому, что они подъ смертію воображаютъ какое-то уничтоженіе. Смерть не уничтожаетъ составныхъ частей, а развязываетъ ихъ отъ прежняго единства, даетъ имъ волю существовать при иныхъ условіяхъ. Разумѣется, цѣлая часть свѣта не можетъ сгинуть съ лица земли; она останется, такъ какъ Римъ остался въ среднихъ вѣкахъ; она разойдется, распустится въ грядущей Европѣ и потеряетъ свой теперешній характеръ, подчиняясь новому и съ тѣмъ вмѣстѣ вліяя на него. Наслѣдство оставленное отцомъ сыну, въ физіологическомъ и гражданскомъ смыслѣ, продолжаетъ жизнь отца за гробомъ; тѣмъ не менѣе между ними смерть — такъ какъ между Римомъ Юлія Цезаря и Римомъ Григорія VII (*).

Смерть современныхъ формъ гражданственности

(*) Съ другой стороны, между Европой Григорія VII, Мартина Лютера, Конвента, Наполеона, не смерть, а развитіе, видоизмѣненіе, ростъ; вотъ отчего всѣ попытки античныхъ реакцій (Бранкалеоне, Ріензи) были невозможны, а монархическія реставраціи въ новой Европѣ такъ легки.

скорѣе должна радовать, нежели тяготить душу. Но страшно то, что отходящій міръ оставляетъ не наслѣдника, а беременную вдову. Между смертію однаго и рожденіемъ другаго утечетъ много воды, пройдетъ длинная ночь хаоса и запустенія.

Мы не доживемъ до того, до чего дожилъ Симеонъ богопріимецъ. Какъ ни тяжела эта истина, надобно съ ней примириться, сладить, потому-что измѣнить ее невозможно.

Мы довольно долго изучали хилый организмъ Европы, во всѣхъ слояхъ и вездѣ находили вблизи перстъ смерти и только изрѣдка вдали слышалось пророчество. Мы сначала тоже надѣялись, вѣрили, старались вѣрить. Предсмертная борьба такъ быстро искажала одну черту за другой, что нельзя было обманываться. Жизнь потухала какъ послѣднія свѣчи въ окнахъ, прежде разсвѣта. Мы были поражены, испуганы. Сложа руки, мы смотрѣли на страшные успѣхи смерти. Что мы видѣли съ февральской революціи?...довольно сказать, мы были молоды два года тому назадъ и стары теперь.

Чѣмъ ближе мы подходили къ партіямъ и людямъ, тѣмъ пустыня около насъ дѣлалась больше, тѣмъ больше становились мы одни. Какъ было дѣлить безуміе однихъ, бездушіе другихъ? Тутъ лѣнь, апатія, тамъ ложь и ограниченность — силы, мощи нигдѣ; развѣ у нѣсколькихъ мучениковъ, умершихъ за людей, не принеся имъ никакой пользы; у нѣсколькихъ

страдальцевъ, распинающихся за толпу, готовыхъ отдать кровь, голову и принужденныхъ беречь то и другое—видя хоръ, которому не нужны эти жертвы.

Потерянные безъ дѣла въ этомъ мірѣ, который рушился со всѣхъ сторонъ, оглушенные безсмысленными спорами, ежедневными оскорбленіями, — мы предавались горю и отчаянію, намъ хотѣлось одного —сложить гдѣ-нибудь усталую голову, не справляясь о томъ есть-ли сновидѣніе или нѣтъ.

Но жизнь взяла свое, и вмѣсто отчаянія, вмѣсто желанія гибели, я теперь хочу жить; я не хочу больше признавать себя въ такой зависимости отъ міра, не хочу оставаться на всю жизнь у изголовья умирающаго вѣчнымъ плакальщикомъ.

Неужели въ насъ самихъ совершенно ничего нѣтъ и мы только и были чѣмъ-нибудь, этимъ міромъ—въ немъ—такъ что теперь, когда онъ, попорченный совсѣмъ иными законами, гибнетъ, намъ нѣтъ другого занятія, какъ печально сидѣть на его развалинахъ; другого значенія, какъ служить ему надгробнымъ памятникомъ?

Довольно грустить. Мы отдали міру что ему принадлежало, мы не скупились, отдавъ ему лучшіе годы наши, полное, сердечное участіе; мы страдали больше него его страданіями. Теперь оботремъ слезы и будемъ мужественно смотрѣть на окружающее. Чтобы намъ наконецъ ни представило оно, перенести можно, должно. Худшее мы пережили, а пережитое

несчастіе—несчастіе оконченное. Мы успѣли ознакомиться съ нашимъ положеніемъ, мы ни начто не надѣемся, ничего не ждемъ, или пожалуй ждемъ всего; это сводится на одно. Насъ можетъ многое оскорбить, сломать, убить, удивить ничего... или всѣ наши думы и слова были только на губахъ.

Корабль идетъ ко дну. Страшна была минута сомнѣнія, когда рядомъ съ опасностію были надежды; теперь положеніе ясно, корабль не можетъ быть спасенъ, остается гибнуть или спасать себя. Долой съ корабля, на лодки, на бревна—пусть каждый пытаетъ свое счастіе, пробуетъ свои силы. Point d'honneur моряковъ намъ не идетъ.

Вонъ изъ душной комнаты, гдѣ оканчивается длинная, бурная жизнь! Выйдемъ на чистый воздухъ изъ тяжелой, заразительной атмосферы; на поле изъ больничной палаты. Много найдется мастеровъ балзамировать покойника; еще больше червей, которые поживутъ на счетъ гнили. Оставимъ имъ трупъ, не потому что они хуже или лучше насъ, а потому что они этого хотятъ, а мы не хотимъ, потому что они въ этомъ живутъ, а мы страдаемъ. Отойдемъ свободно и безкорыстно, зная что намъ нѣтъ наслѣдства, и не нуждаясь въ немъ.

Въ стары годы вы этотъ гордый разрывъ съ современностію назвали бы бѣгствомъ, неизлечимые романтики и теперь послѣ всего ряда событій совершившихся передъ ихъ глазами, назовутъ это такъ.

Но свободный человѣкъ не можетъ бѣжать, потому-что онъ зависитъ только отъ своихъ убѣжденій и больше ни отъ чего; онъ имѣетъ право оставаться или идти, вопросъ можетъ быть, не о бѣгствѣ, а о томъ свободенъ-ли человѣкъ или нѣтъ?

Сверхъ того слово бѣгство, становится не выразимо смѣшно, обращенное къ тѣмъ, которые имѣли несчастіе заглянуть дальше, уйти впередъ больше, нежели надобно другимъ, и не хотятъ воротиться. Они могли бы сказать людямъ à la Coriolan, не мы бѣжимъ, а вы отстаете, но то и другое нелѣпо. Мы дѣлаемъ свое, люди окружающіе насъ свое. Развитіе лица и массъ дѣлается такъ, что они не могутъ взять всей отвѣтственности на себя за послѣдствія. Но извѣстная степень развитія, какъ бы она ни случилась и чѣмъ бы ни была приведена—обязываетъ. Отрѣкаться отъ своего развитія, значитъ отрѣкаться отъ самихъ себя.

Человѣкъ свободнѣе нежели обыкновенно думаютъ. Онъ много зависитъ отъ среды, но не настолько какъ кабалитъ себя ей. Большая доля нашей судьбы лежитъ въ нашихъ рукахъ, стоитъ понять ее и не выпускать изъ рукъ. Понявши, люди допускаютъ окружающій міръ насиловать ихъ, увлекать противъ воли; они отрѣкаются отъ своей самобытности, опираясь во всѣхъ случаяхъ не на себя, а на него, затягивая крѣпче и крѣпче узы связующіе съ нимъ. Они ожидаютъ отъ міра всего добра и зла въ жизни, они надѣются на себя на послѣднихъ. При такой ребяческой по-

корности, роковая сила внѣшняго становится непреодолимой, вступить съ нею въ борьбу кажется человѣку безуміемъ. А между тѣмъ грозная мощь эта блѣднѣетъ съ того мгновенія, какъ въ душѣ человѣка, вмѣсто самоотверженія и отчаянія, вмѣсто страха и покорности, возникаетъ простой вопросъ: "въ самомъ-ли дѣлѣ онъ такъ скованъ на жизнь и смерть со средою, что онъ и тогда не имѣетъ возможности отъ нея освободиться, когда дѣйствительно съ нею распался, когда ему ничего не нужно отъ нея, когда онъ равнодушенъ къ ея дарамъ?"

Я не говорю, чтобъ этотъ протестъ во имя независимости и самобытности лица былъ легокъ. Онъ не даромъ вырывается изъ груди человѣка, ему предшествуютъ или долгія личныя испытанія и несчастія, или тѣ тяжелыя эпохи, когда человѣкъ тѣмъ больше расходится съ міромъ, чѣмъ глубже его понимаетъ, когда всѣ узы связующія его съ внѣшнимъ превращаются въ цѣпи, когда онъ чувствуетъ себя правымъ въ противуположность событіямъ и массамъ, когда онъ сознаетъ себя соперникомъ, чужимъ, а не членомъ большой семьи, къ которой принадлежитъ.

Внѣ насъ все измѣняетъ, все зыблется, мы стоимъ на краю пропасти и видимъ какъ онъ осыпается; сумерки наступаютъ, и ни одной путеводной звѣзды не является на небѣ. Мы не сыщимъ гавани иначе какъ въ насъ самихъ, въ сознаніи нашей безпредѣльной свободы, нашей самодержавной незави-

симости. Спасая себя такимъ образомъ, мы становимся на ту мужественную и широкую почву, на которой только и возможно развитіе свободной жизни въ обществѣ,—если оно вообще возможно для людей.

Когда бы люди захотѣли вмѣсто того, чтобъ спасать міръ, спасать себя, вмѣсто того чтобъ освобождать человѣчество, себя освобождать—какъ много бы они сдѣлали для спасенія міра и для освобожденія человѣка.

Зависимость человѣка отъ среды, отъ эпохи, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она тѣмъ сильнѣе, что половина узъ укрѣпляется за спиною сознанія; тутъ есть связь физіологическая, противъ которой рѣдко могутъ бороться воля и умъ; тутъ есть элементъ наслѣдственный, который мы приносимъ съ рожденіемъ, такъ какъ черты лица и который составляетъ круговую поруку послѣдняго поколѣнія съ рядомъ предшествующихъ; тутъ есть элементъ моральнофизіологическій, воспитаніе прививающее человѣку исторію и современность, наконецъ элементъ сознательный. Среда, въ которой человѣкъ родился, эпоха, въ которой онъ живетъ, его тянетъ участвовать въ томъ что дѣлается вокругъ него, продолжать начатое его отцами; ему естественно привязываться къ тому, что его окружаетъ, онъ не можетъ не отражать въ себѣ, собою, своего времени, своей среды.

Но тутъ въ самомъ образѣ отраженія является его самобытность. Противудѣйствіе, возбуждаемое въ че-

ловѣкѣ окружающимъ, отвѣтъ его личности на вліяніе среды. Отвѣтъ этотъ можетъ быть полонъ сочувствія, такъ какъ полонъ противурѣчія. Нравственная независимость человѣка такая-же непреложная истина и дѣйствительность, какъ его зависимость отъ среды; съ тою разницей, что она съ ней въ обратномъ отношеніи: чѣмъ больше сознанія, тѣмъ больше самобытности; чѣмъ меньше сознанія, тѣмъ связь съ средою тѣснѣе, тѣмъ больше среда поглощаетъ лице. Такъ инстинктъ, безъ сознанія, не достигаетъ истинной независимости, а самобытность является или какъ дикая свобода звѣря, или въ тѣхъ рѣдкихъ судорожныхъ и непослѣдовательныхъ отрицаніяхъ той или другой стороны общественныхъ условій, которыя называютъ преступленіями.

Сознаніе независимости не значитъ еще распаденіе съ средою, самобытность не есть еще вражда съ обществомъ. Среда не всегда относится одинакимъ образомъ къ міру и слѣдственно не всегда вызываетъ со стороны лица отпоръ.

Есть эпохи, когда человѣкъ свободенъ въ *общемъ дѣлѣ*. Дѣятельность, къ которой стремится всякая энергическая натура, совпадаетъ тогда съ стремленіемъ общества, въ которомъ она живетъ. Въ такія времена — тоже довольно рѣдкія — все бросается въ круговоротъ событій, живетъ въ немъ, страдаетъ, наслаждается, гибнетъ. Однѣ натуры своеобразно геніальныя, какъ Гёте, стоятъ поодаль и натуры пошло

безцвѣтныя остаются равнодушными. Даже тѣ личности, которыя враждуютъ противъ общаго потока, также увлечены и удовлетворены въ настоящей борьбѣ. Эмигранты были столько-же поглощены въ революціи какъ Якобинцы. Въ такое время нѣтъ нужды толковать о самопожертвованіи и преданности,—все это дѣлается само собою и чрезвычайно легко. — Никто не отступаетъ, потому-что всѣ вѣрятъ. Жертвъ собственно нѣтъ, жертвами кажутся зрителямъ такія дѣйствія, которыя составляютъ простое исполненіе воли, естественный образъ поведенія.

Есть другія времена—и они всего обыкновеннѣе, времена мирныя, сонныя даже, въ которыя отношенія личности къ средѣ продолжаются, какъ они были поставлены послѣднимъ переворотомъ. Они не настолько натянуты чтобъ лопнуть, не настолько тяжелы чтобъ нельзя было вынести, и наконецъ не настолько исключительны и настойчивы, чтобъ жизнь не могла восполнить главные недостатки и сгладить главныя шероховатости. Въ такія эпохи вопросъ о связи общества съ человѣкомъ не такъ занимаетъ. Являются частныя столкновенія; трагическія катастрофы, вовлекающія въ гибель нѣсколько лицъ; раздаются титаническіе стоны скованнаго человѣка; но все это теряется безслѣдно въ учрежденномъ порядкѣ, признанныя отношенія остаются незыблеными, покоятся на привычкѣ, на человѣческомъ безпечьи, на лѣни, на недостаткѣ демоническаго начала критики и ироніи.

Люди живутъ въ частныхъ интересахъ, въ семейной жизни, въ ученой, индустріяльной дѣятельности, судятъ и рядятъ, воображая, что дѣлаютъ дѣло, усердно работаютъ чтобъ устроить судьбу дѣтей; дѣти съ своей стороны устроиваютъ судьбу своихъ дѣтей, такъ что существующія личности и настоящее какъ будто стираются и признаютъ себя чѣмъ-то переходнымъ. Подобное время продолжается до сихъ поръ въ Китаѣ и отчасти въ Англіи.

Но есть еще и третьяго рода эпохи, очень рѣдкія и самыя скорбныя.

Эпохи, въ которыя общественныя формы, переживши себя, медленно и тяжело гибнутъ; исключительная цивилизація достигаетъ не только высшаго предѣла, но даже выходитъ изъ круга возможностей, данныхъ историческимъ бытомъ, такъ что по-видимому она принадлежитъ будущему, а въ сущности равно отрѣшена отъ прошедшаго, которое она презираетъ и отъ будущаго развивающагося по инымъ законамъ. Вотъ тутъ-то и сталкивается лицо съ обществомъ. Прошедшее является какъ безумный отпоръ. Насиліе, ложь, свирѣпость, корыстное раболѣпство, ограниченность, потеря всякаго чувства человѣческаго достоинства, становятся общимъ правиломъ большинства. Все доблестное былаго уже изчезло, дряхлый міръ самъ не вѣритъ въ себя и отчаянно защищается, потому-что боится, изъ самосохраненія забываетъ своихъ боговъ, попираетъ ногами права, на которыхъ держался,

отрѣкается отъ образованія и чести, становится звѣремъ, преслѣдуетъ, казнитъ, и между тѣмъ сила остается въ его рукахъ, ему повинуются не изъ одной трусости, изъ того что съ другой стороны все шатко, ничего не рѣшено, не готово — и главное, что люди не готовы.—Съ другой стороны, незнакомое будущее восходитъ на горизонтѣ, покрытомъ тучами, будущее смущающее всякую человѣческую логику. Вопросъ Римскаго міра разрѣшается Христіанствомъ, религіей съ которой свободный человѣкъ гибнущаго Рима также мало имѣлъ связи, какъ съ политеизмомъ. Человѣчество, для того чтобъ двинуться впередъ изъ узкихъ формъ римскаго права, отступило въ германское варварство.

Тѣ изъ Римлянъ, которые отъ тягости жизни, гонимые тоской, страхомъ, бросились въ Христіанство, спаслись; но развѣ тѣ, которые не меньше страдали, но были тверже характеромъ и умомъ и не хотѣли спасаться отъ одной нелѣпости принимая другую, достойны порицанія? Могли-ли они съ Юліаномъ отступникомъ стать за старыхъ Боговъ, или съ Константиномъ за новыхъ? Могли-ли они участвовать въ современномъ дѣлѣ, видя куда идетъ духъ времени? Въ такія эпохи свободному человѣку легче одичать въ отчужденіи отъ людей нежели идти съ ними по одной дорогѣ, ему легче лишить себя жизни нежели пожертвовать ее.

Неужели человѣкъ менѣе правъ оттого что съ нимъ

никто не согласенъ? да развѣ умъ нуждается другой повѣрки какъ умомъ? И съ чего-же всеобщее безуміе можетъ опровергнуть личное убѣжденіе?

Мудрѣйшіе изъ Римлянъ сошли совсѣмъ со сцены и превосходно сдѣлали. Они разсѣялись по берегамъ Средиземнаго моря, пропали для другихъ въ безмолвномъ величіи скорби, но не пропали для себя — и черезъ пятнадцать столѣтій мы должны сознаться, что собственно они были побѣдители, они, единственные, свободные и мощные представители независимой личности человѣка, его достоинства. Они были люди, ихъ нельзя было считать по головно, они не принадлежали къ стаду — и не хотѣли лгать, а не имѣя съ нимъ ничего общаго — отошли.

А что у насъ общаго съ міромъ насъ окружающимъ? Нѣсколько лицъ связанныхъ съ нами одними убѣжденіями, три добродѣтельные человѣка Содома и Гоморы, они въ томъ-же положеніи какъ мы, они составляютъ протестующее меньшинство, сильное мыслію, слабое дѣйствіемъ. Кромѣ ихъ у насъ съ современнымъ міромъ не больше дѣятельной связи какъ съ Китаемъ (я на сію минуту опускаю физіологическую связь и привычку). Это до того справедливо, что даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда люди произносятъ одни и тѣже слова съ нами, они ихъ понимаютъ разно. Хотите-ли вы свободы Монтаньяровъ, порядка законодательнаго собранія, Египетскаго устройства работъ коммунистовъ?

Теперь всѣ играютъ съ раскрытыми картами и самая игра чрезвычайно упростилась, ошибаться нельзя, на каждомъ клочкѣ Европы та-же борьба, тѣже два стана. Вы ясно, вполнѣ чувствуете противъ котораго вы; но чувствуете-ли вы также ясно связь вашу съ другимъ станомъ, какъ отвращеніе и ненависть къ первому?....

Время откровенности прошло, свободные люди не обманываютъ ни себя, ни другихъ, всякая пощада ведетъ къ чему-то ложному, косому.

Прошедшій годъ, чтобъ достойно окончиться и исполнить мѣру всѣхъ нравственныхъ оскорбленій и пытокъ, представилъ намъ страшное зрѣлище: борьбу свободнаго человѣка съ освободителями человѣчества. Смѣлая рѣчь, ѣдкій скептицизмъ, безпощадное отрицаніе, неумолимая иронія Прудона возмутила записныхъ революціонеровъ не меньше консерваторовъ, они напали на него съ ожесточеніемъ, они стали за свои преданія съ неподвижностію легитимистовъ, они испугались его атеизма и его анархіи, они не могли понять, какъ можно быть свободнымъ безъ государства, безъ димократическаго правленія; они съ удивленіемъ слушали безнравственную рѣчь, что республика для людей, а не люди для республики. И когда у нихъ не достало ни логики, ни краснорѣчія, они объявили Прудона подозрительнымъ, они его предали революціонной анаѳемѣ, отлучая отъ православнаго единства своего. Талантъ

Прудона и звѣрство полиціи спасло его отъ клеветы. Уже гнусное обвиненіе въ предательствѣ ходило изъ устъ въ уста димократической черни, когда онъ бросилъ свои знаменитыя статьи въ Президента, который не нашелъ лучшаго отвѣта, оглушенный ударомъ, какъ тѣснить колодника, запертаго за мысль и слово. Видя это, толпа примирилась.

И вотъ вамъ крестовые рыцари свободы, привиллегированные освободители человѣчества! Они боятся свободы, имъ надобенъ господинъ для того, чтобъ не избаловаться, имъ нужна власть, потому-что они не довѣряютъ себѣ. Мудрено-ли послѣ того, что горсть людей, переселившаяся съ Кабэ въ Америку, едва устроилась во временныхъ шалашахъ, какъ всѣ неудобства европейской государственной жизни обличились въ ихъ средѣ.

При всемъ этомъ, они современнѣе насъ, полезнѣе насъ, потому-что ближе къ дѣлу, они найдутъ больше сочувствія въ массахъ, они нужнѣе. Массы хотятъ больше всего остановить руку, нагло вырывающую у нихъ кусокъ хлѣба, заработанный ими — это ихъ главная потребность. Къ личной свободѣ, къ независимости слова, онѣ равнодушны; массы любятъ авторитетъ, ихъ еще ослѣпляетъ оскорбительный блескъ власти, ихъ еще оскорбляетъ человѣкъ стоящій независимо; онѣ подъ равенствомъ понимаютъ равномѣрный гнетъ, боясь монополей и привиллегій, онѣ косо смотрятъ на талантъ и не по-

зволяють, чтобъ человѣкъ не дѣлалъ того-же что они дѣлають. Массы желають соціальнаго правительства, которое бы управляло ими для нихъ, а не противъ нихъ, какъ теперешнее. Управляться самимъ—имъ и въ голову не приходитъ. Вотъ отчего освободители гораздо ближе къ современнымъ переворотамъ, нежели всякій свободный человѣкъ. Свободный человѣкъ можетъ быть вовсе ненужный человѣкъ; но изъ этого не слѣдуетъ что онъ долженъ поступать противъ своихъ убѣжденій.

Но, скажете вы, надобно себя умѣрить. Сомнѣваюсь чтобъ изъ этого вышло что-нибудь; когда человѣкъ и весь отдается дѣлу, онъ не много производитъ, что-же онъ сдѣлаетъ, когда намѣренно отниметъ половину своихъ силъ и органовъ. Посадите Прудона министромъ финансовъ, президентомъ, онъ будетъ Бонапартомъ въ другую сторону. Этотъ находится въ безпрестанномъ колебаніи, нерѣшительности, оттого, что онъ помѣшанъ на императорствѣ. Прудонъ будетъ также въ постоянномъ недоумѣніи, потому-что существующая республика ему столько-же противна какъ Бонапарту, а республика соціальная теперь гораздо менѣе возможна нежели имперія.

Впрочемъ тотъ, кто чувствуя внутреннее несогласіе хочетъ или можетъ откровенно участвовать въ бою партій; у кого нѣтъ потребности идти своей дорогой, видя что дорога другихъ идетъ не туда; кто не думаетъ, что лучше заблудиться, совсѣмъ пропасть, нежели

уступить свою истину, — тотъ пусть дѣйствуетъ съ другими. Онъ даже сдѣлаетъ очень хорошо, потому что чего нѣтъ другаго, а освободители рода человѣческаго стащутъ вмѣстѣ съ собою въ пропасть старыя формы монархической Европы; я признаю право столько-же желающему дѣйствовать, сколько и желающему отстраниться; на то будетъ его воля, и объ этомъ у насъ не идетъ рѣчи.

Я очень радъ, что коснулся этого смутнаго вопроса, этой самой прочной цѣпи изъ всѣхъ, которыми человѣкъ скованъ; самой прочной потому, что онъ или не чувствуетъ ея насилія, или, еще хуже, признаетъ ее безусловно справедливой. Посмотримъ, не перержавѣла-ли и она?

Подчиненіе личности обществу, народу, человѣчеству, идеѣ — продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній, закланіе агнца для примиренія Бога, распятіе невиннаго за виновныхъ. Всѣ религіи основывали нравственность на покорности т. е. на добровольномъ рабствѣ, потому онѣ и были всегда вреднѣе политическаго устройства. Тамъ было насиліе, здѣсь развратъ воли. Покорность значитъ съ тѣмъ вмѣстѣ перенесеніе всей самобытности лица на всеобщія, безличныя сферы, независимыя отъ него. Христіанство, религія противорѣчій, признавало съ одной стороны безконечное достоинство лица, какъ будто для того, чтобъ еще торжественнѣе погубить его

передъ искупленіемъ, церковью, отцомъ небеснымъ. Его воззрѣніе проникло въ нравы, оно выработалось въ цѣлую систему нравственной неволи, въ цѣлую искаженную діалектику, чрезвычайно послѣдовательную себѣ. Міръ становясь болѣе свѣтскимъ, или лучше сказать, примѣтивъ наконецъ, что онъ въ сущности такой-же свѣтскій какъ и былъ, примѣшалъ свои элементы въ христіанское правоученіе, но основы остались тѣ-же. Лицо, истинная, дѣйствительная монада общества, было всегда пожертвовано какому нибудь общему понятію, собирательному имени, какому-нибудь знамени. Для кого работали, кому жертвовали, кто пользовался, кого освобождали, уступая свободу лица, объ этомъ никто не спрашивалъ. Всѣ жертвовали (по-крайней-мѣрѣ на словахъ) самихъ себя и другъ друга.

Не мѣсто здѣсь разбирать на сколько неразвитость народовъ оправдывала такія мѣры воспитанія. Вѣроятно онѣ были естественны и необходимы, мы ихъ встрѣчаемъ вездѣ, но мы можемъ смѣло сказать, что если онѣ и привели къ великимъ результатамъ, то навѣрное на столько-же замѣдлили ходъ развитія, искажая умъ ложнымъ представленіемъ. Я вообще мало вѣрю въ пользу лжи, особенно когда въ нее не вѣрятъ больше; весь этотъ махіавелизмъ, вся риторика мнѣ кажется больше аристократическою потѣхою для проповѣдниковъ и правоучителей.

Общая основа воззрѣнія, на которомъ такъ прочно

держится нравственная неволя человѣка и "приниженіе" его личности, почти вся въ дуализмѣ, которымъ проникнуты всѣ наши сужденія.

Дуализмъ, это христіанство возведенное въ логику, христіанство освобожденное отъ преданія, отъ мистицизма. Главный пріемъ его — состоитъ въ томъ, чтобъ раздѣлять на мнимыя противуположности то, что дѣйствительно нераздѣльно, на пр. тѣло и духъ, враждебно противупоставлять эти отвлеченія и неестественно мирить то, что соединено неразрывнымъ единствомъ. Это евангельскій миѳъ Бога и Человѣка, примиряемыхъ Христомъ, переведенный на философскій языкъ.

Такъ какъ Христосъ, искупая родъ человѣческій, попираетъ плоть, такъ въ дуализмѣ, идеализмъ беретъ сторону одной тѣни противъ другой, отдавая монополь духу надъ веществомъ, роду надъ недѣлимымъ, жертвуя такимъ образомъ человѣка государству, государство человѣчеству.

Вообразите теперь весь хаосъ вносимый въ совѣсть и умъ людей, которые съ дѣтскихъ лѣтъ ничего другого не слыхали. Дуализмъ до того исказилъ всѣ простѣйшія понятія, что имъ надобно дѣлать большія усилія, чтобъ усвоить истины ясныя какъ день. Нашъ языкъ, языкъ дуализма, наше воображеніе не имѣетъ другихъ образовъ, другихъ метафоръ. Полторы-тысячи лѣтъ все учившее, проповѣдывавшее, писавшее, дѣйствовавшее было пропитано дуализмомъ и едва

нѣсколько человѣкъ въ концѣ XVII вѣка стали въ немъ сомнѣваться, но и сомнѣваясь продолжали изъ приличія, а долею и отъ страха говорить его языкомъ.

Само-собою разумѣется, что вся наша нравственность вышла изъ того-же начала. Нравственность эта требовала постоянной жертвы, безпрерывнаго подвига, безпрерывнаго самоотверженія. Оттого по большей части правила ея и не исполнялись никогда. Жизнь несравненно упорнѣе теорій, она идетъ независимо отъ нихъ и молча побѣждаетъ ихъ. Полнѣе возраженія на принятую мораль не можетъ быть, какъ такое практическое отрицаніе; но люди спокойно живутъ въ этомъ противурѣчіи, они привыкли къ нему вѣками. Христіанство, раздвояя человѣка, на какой-то идеалъ и на какаго-то скота, сбило его понятія; не находя выхода изъ борьбы совѣсти съ желаніями, онъ такъ привыкъ къ лицемѣрію, часто откровенному, что противуположность слова съ дѣломъ его не возмущала. Онъ ссылался на свою слабую, злодѣйскую натуру, и церковь торопилась индульгенціями и отпущеніемъ грѣховъ давать легкое средство сводить счеты съ испуганной совѣстію, боясь чтобъ отчаяніе не привело къ другому порядку мыслей, которыхъ не такъ легко уложить исповѣдью и прощеніемъ. Эти шалости такъ укоренились, что пережили самую власть церкви. Натянутыя цивическія добродѣтели замѣнили натянутое ханжество; отсюда—театральное одушевленіе на римскій ладъ и

на манеръ христіанскихъ мучениковъ и феодальныхъ рыцарей.

Практическая жизнь и тутъ идетъ своимъ чередомъ, нисколько не занимаясь героической моралью.

Но напасть на нее никто не смѣетъ, и она держится съ одной стороны на какомъ-то тайномъ соглашеніи пощады и уваженія, какъ республика Сан-Марино; съ другой стороны на нашей трусости, безхарактерности, на ложномъ стыдѣ и на нравственной неволѣ нашей. Мы боимся обвиненія въ безнравственности и это насъ держитъ въ уздѣ. Мы повторяемъ моральныя бредни слышанныя нами, не придавая имъ никакого смысла, но и не возражая противъ нихъ; —такъ какъ натуралисты изъ приличія говорятъ въ предисловіи о Творцѣ и удивляются его премудрости. Уваженіе втѣсняемое намъ страхомъ дикихъ криковъ толпы, превращается до того въ привычку, что мы съ удивленіемъ, съ негодованіемъ смотримъ на дерзость откровеннаго и свободнаго человѣка, который смѣетъ сомнѣваться въ истинѣ этой риторики; это сомнѣніе насъ оскорбляетъ, такъ какъ бывало непочтительный отзывъ о королѣ оскорблялъ подданнаго — это гордость ливреи, надменность рабовъ.

Такимъ образомъ составилась условная нравственность, условный языкъ; имъ мы передаемъ вѣру въ ложныхъ боговъ нашимъ дѣтямъ, обманываемъ ихъ, такъ какъ насъ обманывали родители, и такъ какъ

наши дѣти будутъ обманывать своихъ до тѣхъ поръ, пока переворотъ не покончитъ со всѣмъ этимъ міромъ лжи и притворства.

Я наконецъ не могу выносить равнодушно эту вѣчную риторику патріотическихъ и филантропическихъ разглагольствованій, не имѣющихъ никакого вліянія на жизнь. Много-ли найдется людей готовыхъ пожертвовать жизнію за чтобъ-то ни было? Конечно не много, но все-же больше нежели тѣхъ, которые имѣютъ мужество сказать, что "Mourir pour la patrie", не есть въ самомъ дѣлѣ верхъ человѣческаго счастія, и что гораздо лучше если и отечество и самъ человѣкъ останутся цѣлы.

Какіе мы дѣти, какіе мы еще рабы, и какъ весь центръ тяжести, точка опоры нашей воли, нашей нравственности — внѣ насъ!

Ложъ эта не только вредна, но унизительна, она оскорбляетъ чувство собственнаго достоинства, развращаетъ поведеніе; надобно имѣть силу характера говорить и дѣлать одно и тоже; и вотъ почему люди должны признаваться на словахъ въ томъ, въ чемъ признаются ежедневно жизнію. Можетъ эта чувствительная болтовня и была сколько-нибудь полезна во времена больше дикія, такъ какъ внѣшняя учтивость, но теперь она обезсиливаетъ, усыпляетъ, сбиваетъ съ толку. Довольно времени позволяли мы безнаказанно декламировать всѣ эти риторическія упражненія, составленныя изъ подогрѣтаго христіанства, раз-

бавленнаго мутной водой раціонализма и паточнымъ растворомъ филантропіи. Пора наконецъ разобрать эти Сивиллинскія Книги, пора потребовать отчета у нашихъ учителей.

Какой смыслъ всѣхъ разглагольствованій противъ эгоизма, индивидуализма? — Что такое эгоизмъ? — Что такое братство?—Что такое индивидуализмъ? —И что любовь къ человѣчеству?

Разумѣется, люди эгоисты, потому что они лица; какъ-же быть самимъ собою не имѣя рѣзкаго сознанія своей личности. Лишить человѣка этого сознанія значитъ распустить его, сдѣлать существомъ прѣснымъ, стертымъ, безхарактернымъ. Мы эгоисты и потому добиваемся независимости, благосостоянія, признанія нашихъ правъ, потому жаждемъ любви, ищемъ дѣятельности... и не можемъ отказывать безъ явнаго противурѣчія въ тѣхъ-же правахъ другимъ.

Проповѣдь индивидуализма разбудила, вѣкъ тому назадъ, людей отъ тяжелаго сна, въ который они были погружены подъ вліяніемъ католическаго мака. Она вела къ свободѣ, такъ какъ смиреніе ведетъ къ покорности. Писанія эгоиста Вольтера больше сдѣлали для освобожденія, нежели писанія любящаго Руссо — для братства.

Моралисты говорятъ объ эгоизмѣ, какъ о дурной привычкѣ, не спрашивая, можетъ-ли человѣкъ быть человѣкомъ, утративъ живое чувство личности, и не не говоря что за замѣна ему будетъ въ "братствѣ" и

въ "любви къ человѣчеству"; не объясняя даже почему слѣдуетъ брататься со всѣми и что за долгъ любить всѣхъ на свѣтѣ? Мы равно не видимъ причины ни любить, ни ненавидѣть что-нибудь только потому, что оно существуетъ. Оставьте человѣка свободнымъ въ своихъ сочувствіяхъ, онъ найдетъ кого любить и съ кѣмъ быть братомъ, на это ему не нужно ни заповѣди, ни приказа; если-же онъ не найдетъ, это его дѣло и его несчастіе.

Христіанство по-крайней-мѣрѣ не останавливалось на такихъ бездѣлицахъ а смѣло приказывало любить не только всѣхъ, но преимущественно своихъ враговъ. Восьмнадцать столѣтій люди умилялись передъ этимъ; пора наконецъ сознаться, что правило это не вовсе ясно...За что-же любить враговъ? или если они такъ любезны, за что-же быть съ ними во враждѣ?

Дѣло просто въ томъ, что эгоизмъ и общественность (братство и любовь) не добродѣтели и не пороки; это основныя стихіи жизни человѣческой, безъ которыхъ не было бы ни исторіи, ни развитія, а была бы или разсыпчатая жизнь дикихъ звѣрей или стада ручныхъ троглодитовъ. Уничтожьте въ человѣкѣ общественность и вы получите свирѣпаго Орангъ-Утанга; уничтожьте въ немъ эгоизмъ, и изъ него выйдетъ смирное Жоко. Всего меньше эгоизма у рабовъ. Самое слово "эгоизмъ" не имѣетъ въ себѣ полнаго содержанія. Есть эгоизмъ узкій, животный, грязный, такъ какъ есть любовь грязная, животная, узкая.

Дѣйствительный интересъ совсѣмъ не въ томъ, чтобъ убивать на словахъ эгоизмъ и подхваливать братство, оно его не пересилитъ — а въ томъ, чтобъ сочетать гармонически свободно эти два неотъемлемыя начала жизни человѣческой.

Какъ существо общежительное, человѣкъ стремится любить, и на это ему вовсе не нужно приказа. Ненавидѣть себя совсѣмъ не нужно. Моралисты считаютъ всякое нравственное дѣйствіе до того противнымъ натурѣ человѣческой, что ставятъ въ великое достоинство всякій добрый поступокъ, и потому-то они братство вмѣняютъ въ обязанность, какъ соблюденіе постовъ, какъ умерщвленіе плоти. Послѣдняя форма религіи рабства основана на раздвоеніи общества и человѣка, на мнимой враждѣ ихъ. До тѣхъ поръ, пока съ одной стороны будетъ Архангелъ - Братство, а съ другой Люциферъ-Эгоизмъ—будетъ правительство, чтобъ ихъ мирить и держать въ уздѣ, будутъ судьи, чтобъ карать; палачи, чтобъ казнить; церковь, чтобъ молить Бога о прощеніи; Богъ, чтобъ наводить страхъ — и коммисаръ полиціи, чтобъ сажать въ тюрьму.

Но гармонія между лицомъ и обществомъ не дѣлается разъ на всегда, она становится каждымъ періодомъ, почти каждой страной и измѣняется съ обстоятельствами, какъ все живое. Общей нормы, общаго рѣшенія тутъ не можетъ быть. Мы видѣли, какъ въ иныя эпохи человѣку легко отдаваться средѣ

й какъ въ другія только и можно сохранить связь разлукой, отходя, унося все свое съ собою. Не въ нашей воли измѣнять историческое отношеніе лица къ обществу, да по-несчастію и не въ волѣ самаго общества; но отъ насъ зависитъ быть современными, сообразными нашему развитію, словомъ, творить наше поведеніе въ отвѣтъ обстоятельствамъ.

Дѣйствительно, свободный человѣкъ создаетъ свою нравственность. Это-то Стоики и хотѣли сказать говоря, "что для мудраго нѣтъ закона". Превосходное поведеніе вчера можетъ быть прескверно сегодня. Незыблимой, вѣчной нравственности такъ-же нѣтъ, какъ вѣчныхъ наградъ и наказаній. То, что дѣйствительно незыблимо въ нравственности, сводится на такія всеобщности, что въ нихъ теряется почти все частное, какъ на пр., что всякое дѣйствіе противное нашимъ убѣжденіямъ, преступно, или какъ сказалъ Кантъ, что это дѣйствіе безнравственно которое человѣкъ не можетъ обобщить, возвести въ правило.

Мы въ началѣ статьи совѣтовали пе входить въ противурѣчіе съ собою, какъ бы дорого это ни стоило и перервать сношенія неистинныя, поддерживаемыя (какъ въ "Альфредѣ" Бенжамена Констана) ложнымъ стыдомъ, ненужнымъ самоотверженіемъ.

Таковы-ли современныя обстоятельства какъ я пхъ представилъ или нѣтъ, это подлежитъ спору, н если вы мнѣ докажете противное, я съ благодарностію пожму вашу руку, вы будете мой благодѣтель. Быть

— можетъ я увлекся и, мучительно изучая ужасы, дѣлающіеся вокругъ, потерялъ способность видѣть свѣтлое. Я готовъ слушать, я хочу согласиться. Но если обстоятельства таковы, то нѣтъ мѣста спору.

"И такъ, скажете вы, отдаться негодующему бездѣйствію, сдѣлаться чуждымъ всему, безплодно роптать и сердиться, какъ сердятся старики, удалиться со сцены, гдѣ кипитъ и несется жизнь, и доживать свой вѣкъ безполезнымъ для другихъ и въ тягость себѣ".

— Я не совѣтую браниться съ міромъ, а начать независимую, самобытную жизнь, которая могла бы найти въ себѣ самой спасеніе, даже тогда, когда весь міръ насъ окружающій, погибъ бы. Я совѣтую вглядѣться, идетъ-ли въ самомъ дѣлѣ масса туда куда мы думаемъ что она идетъ, и идти съ нею, или отъ нея, но зная ея путь; я совѣтую бросить книжныя мнѣнія, которыя намъ привили съ ребячества, представляя людей совсѣмъ иными нежели они есть. Я хочу прекратить "безплодный ропотъ и капризное неудовольствіе", хочу примирить съ людьми, убѣдивши, что они не могутъ быть лучше, что вовсе не ихъ вина, что они такіе.

Будетъ - ли притомъ такая или другая внѣшняя дѣятельность или никакой не будетъ, я не знаю. Да въ сущности это и неважно. Если вы сильнѣе, если въ васъ есть не только что - нибудь годное, но что-нибудь глубоко шевелящее другихъ, оно не пропадетъ

—такова экономія природы. Сила ваша какъ капля дрожжей непремѣнно взволнуетъ, заставитъ бродить все подвергнувшееся ея вліянію; ваши слова, дѣла, мысли займутъ свое мѣсто, безъ особенныхъ хлопотъ. Если-же у васъ нѣтъ такой силы, или есть силы не дѣйствующія на современнаго человѣка, и въ этомъ нѣтъ большой бѣды ни для васъ, ни для другихъ. Что мы за вѣчные комедіанты, за публичные мужчины! мы живемъ не для того, чтобъ занимать другихъ, мы живемъ для себя. Большинство людей всегда практическое, вовсе не печется о недостаткѣ исторической дѣятельности.

Вмѣсто того чтобъ увѣрять народы, что они страстно хотятъ того что мы хотимъ, лучше было бы подумать, хотятъ-ли они на сію минуту чего-нибудь, и если хотятъ совсѣмъ другое, сосредоточиться, сойти съ рынка, отойти съ миромъ, не насилуя другихъ и не тратя себя.

Можетъ это отрицательное дѣйствіе будетъ началомъ новой жизни. Во всякомъ случаѣ это будетъ добросовѣстный поступокъ.

Парижъ, Hôtel Mirabeau, 3 Апрѣля 1850 г.

VIII.

ДОНОЗО КОРТЕСЪ,

МАРКИЗЪ ВАЛЬДЕГАМАСЪ

И

ЮЛІАНЪ ИМПЕРАТОРЪ РИМСКІЙ.

У нихъ есть глаза, у консерваторовъ, только они не видятъ ими. Больше скептики нежели Апостолъ Ѳома, они трогаютъ пальцемъ рану и не вѣрятъ ей.

"Вотъ, говорятъ они, страшные успѣхи общественной гангрены, вотъ духъ отрицанія вѣющій разложеніемъ, вотъ демонъ революціи потрясающій послѣднія основы вѣковаго зданія государственнаго..... вы видите міръ нашъ разрушается, гибнетъ, увлекая съ собой образованіе, учрежденія, все выработанное имъ...смотрите одна нога его уже въ могилѣ".

И заключаютъ потомъ: "удвоимте-же силу правительства войскомъ, возвратимте людей къ вѣрованіямъ, которыхъ у нихъ нѣтъ, дѣло идетъ о спасеніи цѣлаго міра".

Спасать міръ—воспоминаніями, насиліемъ! Міръ спасается "благою вѣстью", а не подогрѣтой религіей; онъ спасается словомъ носящимъ въ себѣ зародышъ новаго міра, а не воскресеніемъ изъ мертвыхъ стараго.

Упрямство что-ли это съ ихъ стороны, недостатокъ пониманія, или страхъ передъ мрачнымъ будущимъ смущаетъ ихъ до того, что они видятъ только то что гибнетъ, привязаны только къ прошедшему, опираются только на развалины, или на стѣны готовыя рухнуться. Какой хаосъ, какой недостатокъ послѣдовательности въ понятіяхъ современнаго человѣка!

По-крайней-мѣрѣ въ прошедшемъ было какое-нибудь единство, безуміе было эпидемическое и его мало замѣчали, весь свѣтъ былъ въ заблужденіи, были общія данныя большей частію нелѣпыя, но принятыя всѣми. Въ наше время совсѣмъ не такъ; предразсудки римскаго міра рядомъ съ предразсудками среднихъ вѣковъ, Евангеліе и политическая экономія, Лойола и Вольтеръ, идеализмъ на словахъ, матеріализмъ на дѣлѣ, отвлеченная, риторическая нравственность и поведеніе прямо противуположное ей. Эта разнородная масса понятій обживается въ нашемъ умѣ безъ всякаго отчета, безъ всякаго соотношенія, разбора, порядка. Достигнувъ совершеннолѣтія мы слишкомъ заняты, слишкомъ лѣнивы, а можетъ и слишкомъ трусы, чтобъ подвергнуть строгому суду наши нравственныя заповѣди, — такъ дѣло и остается въ сумеркахъ.

Это смѣшеніе понятій нигдѣ не идетъ дальше какъ во Франціи. Французы вообще — простите меня — лишены философскаго воспитанія; они съ большой проницательностію овладѣваютъ выводами, но овла-

дѣваютъ ими односторонно, ихъ выводы остаются разобщенными, безъ единства ихъ связующаго, даже безъ приведенія ихъ къ одному уровню. Отсюда противурѣчія на каждомъ шагу. Отсюда необходимость, говоря съ ними, возвращаться къ давнымъ давно извѣстнымъ началамъ и повторять за новость истины, сказанныя Спинозой или Бэкономъ.

Такъ какъ выводы берутся ими безъ корня, то и нѣтъ ничего положительно пріобрѣтеннаго у нихъ, оконченнаго...ни въ наукѣ, ни въ жизни...оконченнаго въ томъ смыслѣ, въ которомъ окончены четыре правила ариѳметики, нѣкоторыя наукообразныя начала въ Германіи, нѣкоторыя основанія права въ Англіи. Тутъ отчасти причина той легости перемѣнъ и перехода изъ одной крайности въ другую, которая такъ удивляетъ насъ. Поколѣніе революціонеровъ— дѣлается абсолютистами; послѣ ряда революцій снова спрашивается, слѣдуетъ-ли признать права человѣка, можно-ли судить внѣ законныхъ формъ, должно-ли терпѣть свободу книгопечатанія? .... Изъ этихъ вопросовъ возвращающихся послѣ каждаго потрясенія очевидно, что ничего не обсужено, не принято въ самомъ дѣлѣ.

Этой путаницѣ въ наукѣ Кузень далъ систематическую организацію, подъ именемъ Эклектизма (т. е. хорошаго по немножку.) Въ жизни она равно дома у радикаловъ и у легитимистовъ, особенно у

умѣренныхъ, т. е. у людей не знающихъ ни чего они хотятъ, ни чего не хотятъ.

Всѣ роялистскія и католическія газеты въ одинъ голосъ не перестаютъ восторгаться рѣчью Доноза Кортеса, произнесенной въ Мадридѣ въ засѣданіи кортесовъ. Рѣчь эта дѣйствительно замѣчательна въ многихъ отношеніяхъ. Донозо Кортесъ необычайно вѣрно оцѣнилъ страшное положеніе настоящихъ европейскихъ государствъ, онъ понялъ, что они находятся на краю пропасти, на канунѣ неминуемаго, роковаго катаклизма. Картина, начерченная имъ, страшна своей правдой. Онъ представляетъ Европу сбившуюся съ толку, безсильную, быстро увлекаемую въ гибель, умирающую отъ неустройства, и съ другой стороны славянскій міръ, готовый хлынуть на міръ Германо-Романскій. Онъ говоритъ : "Не думайте, что катастрофа тѣмъ и кончится, Славянскія племена въ отношеніи къ западу не то, что были Германцы въ отношеніи Римлянъ . . . Славяне давно уже въ соприкосновеніи съ революціей . . . Россія, среди покоренной и валяющейся въ прахѣ Европы, всосетъ всѣми порами ядъ, которымъ она уже упивалась и который ее убьетъ; она разложится тѣмъ-же гніеніемъ. Я не знаю какія врачеванія приготовлены у Бога противъ этого всеобщаго разложенія".

Въ ожиданіи этого божественнаго снадобья, знаете ли, что предлагаетъ нашъ мрачный пророкъ, такъ

страшно и мѣтко начертавшій образъ грядущей смерти? Намъ совѣстно повторять. Онъ думаетъ, что еслибъ Англія возвратилась къ католицизму, то вся Европа могла бы быть спасена папой, монархической властью и войскомъ. Онъ хочетъ отвести грозное будущее, отступая въ невозможное прошедшее.

Намъ что-то подозрительна патологія маркиза Вальдегамасъ. Или опасность не такъ велика, или средство слабо. Монархическое начало вездѣ возстановлено, войска вездѣ имѣютъ верхъ; церковь, по собственнымъ словамъ Донозо Кортеса и его друга Монталамбера — торжествуетъ, Тьеръ сдѣлался католикомъ, словомъ трудно желать больше притѣсненій, гоненій, реакціи; а спасеніе не приходитъ. Неужели оттого, что Англія остается въ грѣховномъ отщепленіи?

Всякій день обвиняютъ соціалистовъ, что они сильны только въ критикѣ, въ обличеніи зла, въ отрицаніи. Что скажете теперь объ анти-соціальныхъ врагахъ нашихъ?

. . . . Въ довершеніе нелѣпости, редакція однаго журнала чрезвычайно бѣлаго, помѣстила въ томъ же нумерѣ съ преувеличенными похвалами рѣчи Донозо Кортеса и отрывки изъ небольшой исторической компиляціи, довольно посредственно сдѣланной, въ которой говорится о первыхъ вѣкахъ Христіанства, объ Юліанѣ отступникѣ, и которая торжественно разрушаетъ разсужденіе нашего маркиза.

Донозо Кортесъ становится совершенно на ту-же

почву, на которой стояли тогда римскіе консерваторы. Онъ видитъ, какъ тѣ видѣли, разложеніе того общественнаго порядка, который его окружаетъ; его обнимаетъ ужасъ, и это очень естественно — есть чего испугаться; онъ хочетъ, какъ они хотѣли, во что бы ни стало спасти его, и не находитъ другаго средства какъ останавливая грядущее, отводя его—какъ будто оно не естественное послѣдствіе уже существующаго.

Онъ отправляется, какъ Римляне отъ общей данной совершенно ошибочной, отъ неоправданнаго предположенія, отъ произвольнаго мнѣнія. Онъ увѣренъ, что настоящія формы общественной жизни, такъ какъ они выработались подъ вліяніемъ римскаго, германскаго, христіанскаго начала, единственно возможныя. Какъ будто древній міръ и современный востокъ не представляютъ уже съ своей стороны жизнь общественную, основанную совсѣмъ на другихъ началахъ —можетъ низшихъ, но необычайно прочныхъ.

Донозо Кортесъ предполагаетъ далѣе, что образованіе не можетъ развиваться иначе, какъ въ современныхъ европейскихъ формахъ. Легко сказать съ Донозо Кортесомъ, что древній міръ имѣлъ "культуру, а не цивилизацію" ("Le monde ancien a été cultivé et non civilisé"); подобныя тонкости имѣютъ только успѣхъ въ богословскихъ преніяхъ. Римъ и Греція были очень образованы, ихъ образованіе было, также какъ европейское, образованіе меньшинства, ариѳметическое различіе тутъ

немного сдѣлаетъ, а между тѣмъ въ ихъ жизни недоставало главнѣйшаго элемента—католицизма!

Донозо Кортесъ, вѣчно обращенный спиною къ будущему, видитъ одно разложеніе, гніеніе, и потомъ нашествіе Рускихъ, и потомъ варварство. Пораженный этой страшной судьбой, онъ ищетъ средствъ спасенія, точку опоры, что-нибудь твердое, здоровое въ этомъ мірѣ агоніи, и ничего не находитъ. Онъ обращается за помощію къ нравственной смерти и къ физической—къ попу и къ солдату.

Что-же это за общественное устройство, которое надобно спасать такими средствами—и какое бы оно ни было, стоитъ-ли оно выкупа этой цѣной?

Мы согласны съ Донозо Кортесомъ, что Европа въ той формѣ, въ которой она находится теперь — разрушается. Соціалисты съ самаго перваго появленія своего постоянно говорили это; въ этомъ согласны всѣ они. Главное различіе между ними и политическими революціонерами состоитъ въ томъ, что послѣдніе хотятъ переправлять и улучшать существующее, оставаясь на прежней почвѣ; въ то время какъ соціализмъ отрицаетъ полнѣйшимъ образомъ весь старый порядокъ вещей съ его правомъ и представительствомъ, съ его церковью и судомъ, съ его гражданскимъ и уголовнымъ кодексомъ—вполнѣ отрицаетъ, такъ какъ христіане первыхъ вѣковъ отрицали міръ римскій.

Такое отрицаніе не капризъ больнаго воображенія,

не личный вопль человѣка оскорбленнаго обществомъ — а смертный приговоръ ему, предчувствіе конца, сознаніе болѣзни влекущей дряхлый міръ къ гибели и къ возрожденію въ иныхъ формахъ. Современное государственное устройство падетъ подъ протестомъ соціализма; силы его истощены; что оно могло дать, оно дало; теперь оно поддерживается на счетъ собственной крови и плоти, оно не въ состояніи ни дальше развиваться, ни остановить развитіе; ему нечего ни сказать, ни дѣлать, и оно свело всю дѣятельность на консерватизмъ, на отстаиваніе своего мѣста.

Остановить исполненіе судебъ до нѣкоторой степени возможно; исторія не имѣетъ того строгаго, неизмѣннаго предназначенія, о которомъ учатъ католики и проповѣдуютъ философы, въ формулу ея развитія входитъ много измѣняемыхъ началъ — во-первыхъ, личная воля и мощь.

Можно сбить съ пути цѣлое поколѣніе, ослѣпить его, свести съ ума, направить къ ложной цѣли, — Наполеонъ доказалъ это.

Реакція даже и этихъ средствъ не имѣетъ; Донозо Кортесъ ничего не нашелъ кромѣ католической церкви и монархической казармы. Такъ какъ вѣрить или не вѣрить не зависитъ отъ произвола...остается насиліе, страхъ, гоненіе, казни.

... Многое прощается развитію, прогрессу; но тѣмъ не менѣе, когда терроръ дѣлался во имя успѣха и свободы — онъ по справедливости возмутилъ всѣ

сердца. И этимъ-то средствомъ хочетъ возпользоватся реакція для того, чтобъ поддержать тотъ существующій порядокъ, котораго дряхлость и разложеніе засвидѣтельствованы съ такой энергіей нашимъ ораторомъ. Накликаютъ терроръ не для того, чтобъ идти впередъ, а для того чтобъ идти назадъ, хотятъ убить ребенка, чтобъ прокормить отходящаго старика, чтобъ возвратить ему на минуту утраченныя силы.

Сколько надобно пролить крови, чтобъ возвратится къ счастливымъ временамъ Нантскаго Эдикта и испанской инквизиціи. Мы не думаемъ, чтобъ задержать ходъ человѣчества на минуту было невозможно, но оно невозможно безъ Варѳоломеевскихъ ночей. Надобно уничтожить, избить, сослать, бросить въ тюрьму все энергическое нашего поколѣнія, все мыслящее, дѣятельное; надобно народъ еще глубже отодвинуть въ невѣжество, взять все сильное въ немъ въ рекруты; надобно пройти нравственнымъ дѣтоубійствомъ цѣлаго поколѣнія—и все это для того, чтобъ спасти истощенную общественную форму, которая не удовлетворяетъ н и в а с ъ, н и н а с ъ.

Но въ чемъ-же состоитъ въ такомъ случаѣ разница между рускимъ варварствомъ и католической цивилизаціей?

Пожертвовать тысячи людей, развитіе цѣлой эпохи—какому-то Молоху—государственнаго устройства, какъ будто оно и вся цѣль нашей жизни...Думали-ли

вы объ этомъ, человѣколюбивые Христіане? Жертвовать другими, имѣть за нихъ самоотверженіе слишкомъ легко, чтобъ быть добродѣтелью. Случается, что середи бурь народныхъ разнуздываются долго сгнѣтенныя страсти, кровавыя и безпощадныя, мстящія и неукротимыя — мы понимаемъ ихъ, склоняя голову и ужасаясь... но не возводимъ ихъ въ общее правило, не указываемъ на нихъ какъ на средство!

А развѣ не это значитъ панегирикъ Донозо Кортеса покорному и неразсуждающему солдату — на ружье котораго онъ опираетъ половину своихъ надеждъ?

Онъ говоритъ "что священникъ и солдатъ гораздо ближе другъ къ другу, нежели думаютъ". Онъ сравниваетъ съ монахомъ, съ живымъ мертвецомъ — этого невиннаго убійцу, обреченнаго на злодѣяніе обществомъ. Страшное признаніе! Двѣ крайности погибающаго міра подаютъ другъ другу руку, встрѣтившись какъ два врага въ "Тьмѣ" Байрона. На развалинахъ гибнущаго свѣта для его спасенія послѣдній представитель умственной неволи соединяется съ послѣднимъ представителемъ неволи физической.

Церковь примирилась съ солдатомъ какъ только она сдѣлалась церковью государственной; но она никогда не осмѣлилась признаваться въ этой измѣнѣ, она понимала сколько ложнаго было въ этомъ союзѣ, сколько лицемѣрнаго; это была одна изъ тысячи

уступокъ, которыя она дѣлала презираемому ею временному міру. Мы не будемъ ее обвинять за это, она была въ необходимости многое принимать вопреки своему ученію. Христіанская нравственность была всегда одной благородной мечтой, никогда не осуществлявшейся.

Но маркизъ Вальдегамаc отважно поставилъ солдата возлѣ попа, кордегардію рядомъ съ алтаремъ, евангеліе, отпущающее грѣхи, рядомъ съ военнымъ артикуломъ разстрѣливающимъ за проступки.

Пришло наше время пѣть "вѣчную память", или если хотите "молебенъ". Конецъ церкви и конецъ войску!

Наконецъ маски упали. Наряженные узнали другъ друга. Разумѣется, что священникъ и солдатъ братья, они оба несчастныя дѣти нравственной тьмы, безумнаго дуализма, въ которомъ бьется и выбивается изъ силъ человѣчество — и тотъ который говоритъ: "Люби твоего ближняго и повинуйся власти", въ сущности говоритъ тоже, что "повинуйся властямъ и стрѣляй въ твоего ближняго".

Христіанское плотоумерщвленіе столько-же противно природѣ, какъ умерщвленіе другихъ по приказу; надобно было глубоко развратить, сбить съ толку всѣ простѣйшія понятія, все то что называется совѣстью, чтобъ увѣрить людей, что убійство можетъ быть священной обязанностію — безъ вражды, безъ

сознанія причины, противъ своего убѣжденія. Все это держится на одной и той-же основѣ, на той-же краеугольной ошибкѣ, которая стоила людямъ столько слезъ и столько крови — все это идетъ отъ презрѣнія земли и временнаго, отъ поклоненія небу и вѣчному, отъ неуваженія лицъ и поклоненія государству, отъ всѣхъ этихъ сентенціи въ родѣ "Salus populi supremalex, Pereat mundus et fiat justitia", отъ которыхъ страшно пахнетъ жженнымъ тѣломъ, кровью, инквизиціей, пыткой и вообще торжествомъ порядка.

Но за чѣмъ-же Донозо Кортесъ забылъ третьяго брата, третьяго ангела хранителя падающихъ государствъ — Палача? Не оттого-ли что палачъ все больше и больше смѣшивается съ солдатомъ, благодаря роли, которую его заставляютъ играть.

Всѣ добродѣтели, уважаемыя Донозо Кортесомъ, скромно соединены въ палачѣ и притомъ въ высшей степени : покорность власти, слѣпое исполненіе и самоотверженіе безъ предѣловъ. Ему не нужно ни вѣры священника, ни одушевленія воина. Онъ убиваетъ хладнокровно, расчитанно, безопасно — какъ законъ, во имя общества, во имя порядка. Онъ вступаетъ въ соревнованіе съ каждымъ злодѣемъ, и постоянно выходитъ побѣдителемъ, потому - что рука его опирается на все государство. Онъ не имѣетъ гордости священника, честолюбія солдата, онъ не ждетъ награды ни отъ Бога, ни отъ людей; ему нѣтъ ни славы,

ни почета на землѣ, рай ему не обѣщанъ въ небѣ; онъ жертвуетъ всѣмъ, именемъ, честью, своимъ достоинствомъ, онъ прячется отъ глазъ людскихъ, и все это для торжественнаго наказанія враговъ общества.

Отдадимъ справедливость человѣку общественной мести и скажемъ подражая нашему оратору "палачъ гораздо ближе къ священнику нежели думаютъ".

Палачъ играетъ великую роль всякій разъ, когда надобно распинать "новаго человѣка" или обезглавить старый коронованный призракъ ... Местръ не забылъ объ немъ, говоря о Папѣ.

... И вотъ съ Голгоѳой вспомнился мнѣ отрывокъ о гоненіяхъ первыхъ Христіанъ. Прочтите его, или, еще лучше, возмите писанія первыхъ отцовъ, Тертуліана, и кого-нибудь изъ римскихъ консерваторовъ. Какое сходство съ современной борьбой — тѣ-же страсти, та-же сила съ одной стороны и тотъ-же отпоръ съ другой, даже выраженія тѣ-же.

Читая обвиненія христіанъ Целса или Юліана въ безнравственности, въ безумныхъ утопіяхъ, въ томъ что они убиваютъ дѣтей и развращаютъ большихъ, что они разрушаютъ государство, религію и семью, такъ и кажется что это priemier - Paris Конститюсіонеля или Assemblée nationale, только умнѣе написанный.

Если друзья порядка въ Римѣ не проповѣдывали избіеніе и рѣзню "Назареевъ", то это только оттого,

что языческій міръ былъ болѣе человѣчественъ, не такъ духовенъ, менѣе нетерпимъ, нежели католическое мѣщанство. Древній Римъ не зналъ сильныхъ средствъ изобрѣтенныхъ западной церковью, такъ успѣшно употребленныхъ въ избіеніи Альбигойцевъ, въ Варѳоломеевскую ночь; во славу которой до сихъ поръ оставлены фрески въ Ватиканѣ, представляющіе богобоязненное очищеніе парижскихъ улицъ отъ Гугенотовъ; тѣхъ самыхъ улицъ, которыя мѣщане годъ тому назадъ такъ усердно очищали отъ соціалистовъ. Какъ бы то ни было, духъ одинъ и разница часто зависитъ отъ обстоятельствъ и личностей. Впрочемъ эта разница въ нашу пользу; сравнивая донесенія Бошара съ донесеніемъ Плинія младшаго, великодушіе цесаря Траяна, имѣвшаго отвращеніе отъ доносовъ на христіанъ, и неумытность цесаря Каваньяка, который не раздѣлялъ этого предразсудка относительно соціалистовъ, мы видимъ, что умирающій порядокъ дѣлъ до того уже плохъ, что онъ не можетъ найти себѣ такихъ защитниковъ какъ Траянъ, ни такихъ секретарей слѣдственной коммиссіи какъ Плиній.

Общія полицейскія мѣры были тоже сходны. Христіанскіе клубы закрывались солдатами, какъ только доходили до свѣдѣнія властей; христіанъ осуждали, не слушая ихъ оправданій, придирались къ нимъ за мелочи, за наружные знаки, отказывая въ

правѣ изложить свое ученіе. Это возмущало Тертуліана, какъ теперь всѣхъ насъ, и вотъ причина его апологетическихъ писемъ къ римскому Сенату. Христіанъ отдаютъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, замѣнявшимъ въ Римѣ полицейскихъ солдатъ. Пропаганда усиливается; унизительныя наказанія — не унижаютъ, напротивъ осужденныя становятся героями — какъ Буржскіе "каторжные".

Видя безуспѣшность всѣхъ мѣръ—величайшій защитникъ порядка, религіи и государства, Діоклеціанъ — рѣшился нанести страшный ударъ мятежиому ученію, онъ мечемъ и огнемъ пошелъ на Христіанъ.

Чѣмъ-же все это кончилось? Что сдѣлали консерваторы съ своей цивилизаціей (или культурой?), съ своими легіонами, съ своимъ законодательствомъ, ликторами, палачами, дикими звѣрями, убійствами и прочими ужасами?

Они только дали доказательство до какой степени можетъ дойти свирѣпость и звѣрство консерватизма, что за страшное орудіе солдатъ, слѣпо повинующійся судьѣ, который изъ него дѣлаетъ палача—и съ тѣмъ вмѣстѣ доказали еще яснѣе всю несостоятельность этихъ средствъ противъ слова, когда пришло его время.

Замѣтимъ даже, что иной разъ древній міръ былъ правъ противъ Христіанства, которое подрывало его во имя ученія утопическаго и невозможнаго. Можетъ

и наши консерваторы иногда правы въ своихъ нападкахъ на отдѣльныя соціальныя ученія . . . но къ чему имъ послужила ихъ правота? Время Рима проходило, время Евангелія наступало!

И всѣ эти ужасы, кровопролитія, мясничества, гоненія привели къ извѣстному крику отчаянія— умнѣйшаго изъ реакціонеровъ, Юліана отступника, къ крику : Ты побѣдилъ Галилеянинъ!

(Voix du Peuple 15 *Mars* 1850.*)* (*)

(*) Рѣчь Доноза Кортеса, испанскаго посланника сначала въ Берлинѣ, потомъ въ Парижѣ, была напечатана въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ, на счетъ знаменитаго своей ничтожностію и истраченными на вздоръ суммами общества улицы Пуатье. Я тогда былъ на время въ Парижѣ и въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ журналомъ Прудона. Редакторы предложили мнѣ написать отвѣтъ; Прудонъ былъ доволенъ имъ; за то Patrie разгнѣвалась и вечеромъ повторивъ сказанное "о третьемъ защитникѣ общества", спрашивала Прокурора Республики, будетъ-ли онъ преслѣдовать статью, въ которой ставятъ солдатъ на одну доску съ палачемъ; а палача называютъ палачемъ (bourreau), а не исполнителемъ верховныхъ судебъ (exécuteur des hautes ouvres) и пр. Доносъ полицейскаго журнала имѣлъ свое дѣйствіе; черезъ день не оставалось въ редакціи ни одного нумера отъ сорока тысячъ — обыкновеннаго тиража Voix du Peuple.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Лондонъ, Вольная Русская Книгопечатня,
82, Judd Street, Brunswick Square.

